

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
«МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Щегорцова Елизавета Алексеевна

**ПРОСОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ХЕДЖИНГА
В МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ БРИТАНЦЕВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМОВ И СЕРИАЛОВ)**

Специальность 5.9.6 – Языки народов зарубежных стран
(германские языки)

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Бурнакова Клара Николаевна

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ХЕДЖИНГА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	16
1.1 Понятие хеджинга в лингвистике	16
1.1.1 Хеджинг как средство не прямой коммуникации в устной речи	16
1.1.2 Языковые средства выражения хеджинга	27
1.1.3 Просодические особенности хеджинга	36
1.2 Хеджинг в коммуникации британцев	41
1.2.1 Лингвокультурологический потенциал хеджинга	41
1.2.2 Прагматический потенциал хеджинга	51
1.2.3 Социокультурные особенности хеджинга	57
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I	61
ГЛАВА II. ОСНОВЫ ФОНЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ХЕДЖИНГА НА МАТЕРИАЛЕ КИНОДИАЛОГОВ	63
2.1 Материал исследования	63
2.1.1 Художественный фильм как материал фонетического исследования ...	63
2.1.2 Хеджи в речи героев – представителей среднего класса	67
2.1.3 Хеджи в речи героев – представителей рабочего класса	82
2.2 Методика исследования	93
2.2.1 Слуховой анализ	93
2.2.2 Электроакустический анализ	94
2.2.3 Соотнесение результатов слухового и электроакустического анализа .	96
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II	98
ГЛАВА III. ПРОСОДИЯ ХЕДЖИНГА В МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ БРИТАНЦЕВ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО- ФОНЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	100
3.1 Особенности просодии лексико-грамматических средств хеджинга в межличностной коммуникации британцев среднего класса	100

3.1.1 Просодические особенности реализации модальных глаголов как средств хеджинга	100
3.1.2 Просодические особенности реализации вводных конструкций с глаголами умственной деятельности и чувственного восприятия как средств хеджинга	106
3.1.3 Просодические особенности реализации хеджа «just»	113
3.1.4 Просодические особенности реализации разделительного вопроса как средства хеджинга	115
3.2 Особенности просодии лексико-грамматических средств хеджинга в межличностной коммуникации британцев рабочего класса	120
3.2.1 Просодические особенности реализации модальных глаголов как средств хеджинга	121
3.2.2 Просодические особенности реализации вводных конструкций с глаголами умственной деятельности и чувственного восприятия как средств хеджинга	126
3.2.3 Просодические особенности реализации хеджа «just»	131
3.2.4 Просодические особенности реализации разделительного вопроса как средства хеджинга	136
3.3 Общие закономерности просодии хеджинга в межличностной коммуникации британцев среднего и рабочего классов	143
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III	151
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	154
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	159

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире процесс глобализации затрагивает практически все сферы человеческой жизнедеятельности, в связи с чем повысилась востребованность развития навыков, связанных с установлением успешных межкультурных контактов. Пристальное внимание исследователей сосредоточено на изучении культурно обусловленного межличностного взаимодействия представителей разных стран [Викулова, Кулагина 2013: 34]. Одним из важных факторов, влияющих на эффективность взаимодействия и понимание социальных сигналов, является степень сформированности произносительных навыков коммуникантов. Особые трудности в рамках общения с носителями других лингвокультур могут быть вызваны неточной интерпретацией и некорректным использованием интонационных средств. При этом чем выше уровень владения языком у адресанта, тем более жесткие требования предъявляются к уместности просодической стороны его высказываний [Фрейдина 2022: 138]. В связи с этим представляется актуальным проведение большого количества исследований в области фонетики. В частности, одним из малоизученных явлений с позиции сегментных и супraseгментных особенностей реализации в диалоге является хеджинг (коммуникативная стратегия речевого отгораживания).

Термин «хеджинг» был введен в научный обиход Дж. Лакоффом [Lakoff G. 1973], и уже на протяжении нескольких десятилетий данный феномен является объектом лингвистических исследований. Британский контекст межличностной коммуникации предоставляет уникальный материал для изучения хеджинга, так как жители Соединенного Королевства активно используют стратегию речевого отгораживания в связи с такими особенностями культуры, как стремление к тактичности и непрямойности, получившими в итоге отражение в становлении культуры политической корректности [Джигоева 2014; Чупрына, Паршина 2019; Hewitt 2009; Hinchings 2013; Fox 2014; Mikes 2015].

Особый интерес представляет исследование хеджинга с учетом сохраняющейся классовости британского общества [Fox 2014: 21]. В 2021 году Комиссия по социальной мобильности провела исследование, показавшее, что, по мнению жителей Соединенного Королевства, одной из серьезных проблем в стране является значительный классовый разрыв. При этом большая часть опрошенных отнесла себя либо к среднему (36%), либо к рабочему классу (48%), что делает данные социальные группы самыми многочисленными в Великобритании [SMB 2021] и подтверждает актуальность сопоставления и специального изучения особенностей их речи в рассматриваемом научном направлении.

В современной массовой культуре существует объемный пласт сериалов и кинофильмов, затрагивающих проблемы классового общества («Peaky Blinders» (2013–2022) создатель (далее по тексту – созд.) С. Найт; «Brassic» (2019 – наст. время), созд. Дж. Гилган, Д. Броклхерст; «Belfast» (2019) режиссер (далее по тексту – реж.) К. Брана; «The Gentlemen» (2019), реж. Г. Ричи; «Triangle of Sadness» (2022) реж. Р. Эстлунд; «Saltburn» (2023) реж. Э. Феннел и др.), на видеохостингах публикуется большое количество материалов об особенностях речи и акцентах представителей различных социальных групп. Обилие подобного контента говорит об имеющемся в обществе высоком интересе к классовому делению и особенностям мировоззрения, поведения и речи людей, относящихся к разным социальным слоям.

Несмотря на безусловный интерес к данной проблеме, с одной стороны, и распространенность стратегии речевого отгораживания в англоязычной культуре, с другой, нами не было обнаружено лингвистических исследований, посвященных рассмотрению особенностей хеджинга с учетом классовой принадлежности говорящего, что свидетельствует о необходимости изучения специфики стратегии речевого отгораживания. **Актуальность** диссертационной работы обусловлена интересом современной науки к описанию факторов, влияющих на эффективность коммуникации, а также необходимостью заполнить лакуны в описании особенностей хеджинга, в частности его просодических

характеристик, в речевом поведении британцев, принадлежащих к двум самым многочисленным социальным классам – среднему и рабочему.

Объектом исследования является хеджинг как средство не прямой коммуникации в английском языке.

Предмет исследования – просодические особенности реализации хеджинга в межличностной коммуникации британцев – представителей среднего и рабочего классов.

Цель исследования состоит в выявлении и систематизации просодических особенностей средств хеджинга с учетом их прагматических и лексико-грамматических характеристик в межличностной коммуникации британцев – представителей среднего и рабочего классов.

Поставленная цель определила **задачи исследования:**

- 1) изучить особенности хеджинга как средства не прямой коммуникации с учетом его лингвокультурологических, прагматических и социокультурных особенностей; выявить языковые средства, с помощью которых хеджинг реализуется в английской речи;
- 2) проанализировать прагматические особенности хеджинга в межличностной коммуникации британцев – представителей среднего и рабочего классов, конкретизировав основные коммуникативные задачи, решаемые с помощью данной речевой стратегии;
- 3) составить перечень наиболее частотных лексико-грамматических средств хеджинга в межличностной коммуникации британцев, принадлежащих к среднему и рабочему классам, на материале художественных фильмов для системного анализа их на просодическом уровне;
- 4) описать особенности просодии наиболее частотных средств хеджинга в корпусе исследования;
- 5) выявить закономерности просодии хеджинга в межличностной коммуникации британцев – представителей среднего и рабочего классов.

Материалом исследования послужили диалоги персонажей-британцев, принадлежащих к среднему и рабочему классам, из одиннадцати современных художественных кинофильмов и сериалов:

- «Love Actually» (2003), реж. Р. Кёртис;
- «Shameless» (2004–2013), созд. П. Эбботт;
- «Fish Tank» (2009), реж. А. Арнольд;
- «Misfits» (2009–2013), созд. Г. Оверман;
- «About Time» (2013), реж. Р. Кёртис;
- «I, Daniel Blake» (2016), реж. К. Лоуч;
- «Fleabag» (2016–2019), созд. Ф. Уоллер-Бридж;
- «Sorry We Missed You» (2019), реж. К. Лоуч;
- «State of the Union» (2019–2022), созд. Н. Хорнби;
- «Staged» (2020–2022), созд. С. Эванс, Ф. Глинн;
- «Breeders» (2020-2023), созд. М. Фримен, К. Эддисон, С. Блэквел.

Все вышеперечисленные картины, созданные британскими сценаристами и режиссерами, повествуют о жизни современного британского общества. Многие из них были отмечены престижными наградами и отдельно отмечались кинокритиками и зрителями за достоверное отображение реалий жизни в Соединенном Королевстве. Общая продолжительность анализируемого видеоматериала составила 12 часов 45 минут. В корпус исследования вошли 1032 высказывания, содержащие средства речевого отгораживания. При этом аутентичность художественных примеров не вызывает сомнений, так как разговорная речь в кинофильмах подвергается минимальной стилизации в силу стремления авторов максимально приблизить происходящее на экране к реальной жизни [Шевченко 2005: 135].

Теоретическую и методологическую базу диссертационной работы составляют положения научных исследований в области:

— анализа хеджинга: в научном дискурсе [Марюхин 2008а, б, 2010; Катина 2012а, б, 2014, 2015; Ларина, Витрук 2016; Миколайчик 2019; Михалёва 2022; Богинская 2023; Prince 1982; Hyland 1996, 1998; Martín-Martín 2006; Hashemi

2016; Livytska 2019]; в политическом дискурсе [Табаринцева-Романова 2018; Сейранян 2023; Zuck 1986; Fraser 2010; Taweel 2011; Rabab'ah 2015]; как стратегии вежливости [Leech 1983; Tang 2013; Brown 2014; Ginsburg 2016]; в межличностном общении [Россихина, Икатова 2020; Сейранян 2022; Lin 2013; Vlasyan 2019]; с учетом гендерного аспекта [Гусева, Баркина 2022; Lakoff R. 1973; Holmes 1990; Tannen 1994; Hanafiyyeh, Afghari 2014];

– изучения основ теории не прямой коммуникации [Дементьев 2001, 2006; Карасик 2004; Федорова 2009; Нестерова 2015; Кортава 2018; Hengeveld 2011]; взаимосвязи теории вежливости и не прямой коммуникации [Brown 2014]; влияния культуры общества на особенности использования не прямой коммуникации [Арутюнова 1999; Дементьев 2016, 2018; Балашова 2003; Вежбицка 1996, 2003; Елизарова 2005; Ерзинкян 2018; Hymes 1966]; прагматической стороны не прямой коммуникации [Марюхин 2010; Космодемьянская 2018; Морозкина 2018; Бастун 2020];

– определения влияния социального статуса индивида на особенности его речевого поведения в аспекте лексики и грамматики [Крысин 1976; Беликов, Крысин 2001; Карасик 2002, 2004, 2009; Маковский 2005; Бондалетов 2019; Brandis 1970; Labov 1976; Halliday 1978; Trudgill 1984, 1986; Edwards 1985; Coupland 2007]; влияния социального статуса на фонетические особенности речи индивида [Шевченко 1990, 2011, 2016, 2024; Медведева 2001; Михалёва 2007, 2008, 2012; Бурая 2011; Вишневская 2011; Абрамова 2012а, б, 2020; Фрейдина 2016; Чуешкова 2022; Honey 1989; Crystal 1971, 2007, 2014];

– теории интонации [Блохина 1980; Антипова 1986; Соколова 2010; Потапова 2011; Бурнакова 2014а, б, 2016, 2023, 2024; O'Connor 1973; Crystal 1975; Cruttenden 1997; Bradford 1988; Brazil 1997; Roach 2009; Wells 2018];

– изучения на материале художественных кинофильмов фонетических явлений, а именно: особенностей звучания речи представителей разных социальных групп [Верещагина 2000; Рахматуллина 2012], в рамках разных типов дискурса [Белорукова 2015; Кожедуб 2009]; влияния эмоций на просодическую реализацию высказываний [Корлыханова 2000; Пальянов 2005];

особенностей просодической реализации отдельных языковых явлений [Сытина 2015; Туяков 2017].

Методика и этапы исследования. На начальном этапе исследования осуществлялся подбор художественных фильмов и сериалов, отображающих жизнь современных представителей рабочего и среднего классов Соединенного Королевства. Сценаристами, режиссерами и актерами в каждой кинокартине являются британцы. Далее методом сплошной выборки примеров из кинодиалогов, репрезентирующих межличностную коммуникацию, выявлялись высказывания, содержащие лексико-грамматические средства хеджинга. Для определения, является ли языковая единица хеджем, проводился тест, описанный в работе Н. Райкинен. В рамках данного теста в отношении каждой анализируемой единицы исследователь задается двумя вопросами: 1. *Можно ли удалить данную единицу из высказывания, не изменив его основной смысл?* 2. *Становится ли высказывание более прямым после удаления данной единицы?* [Reikkinen 2010: 77]. Если ответы на оба вопроса были утвердительными, то рассматриваемая единица определялась как хедж. Контекстуальный и прагматический анализ позволил установить основные коммуникативные задачи, для решения которых герои фильмов прибегали к стратегии речевого отгораживания. Далее в результате статистического анализа с использованием программы Excel были выявлены наиболее частотные лексико-грамматические средства реализации хеджинга в корпусе исследования. На следующем этапе проводился слуховой и электроакустический анализ реплик, содержащих данные хеджи. Слуховой анализ позволил определить наличие и характер пауз, темп речи и громкость произнесения реплик, описать мелодические характеристики и зафиксировать интонационную разметку высказываний. В ходе электроакустического анализа с использованием программ Praat (v.6.4.01) и Speech Analyzer (v.3.1.2.0) данные результаты визуализировались и подтверждались абсолютными величинами: длительность высказываний и пауз рассчитывалась в миллисекундах (мс); сила звукового давления или интенсивность реплик – в децибелах (дБ); значения частоты основного тона

голоса (далее по тексту – ЧОТ) – в герцах (Гц). Полученные результаты позже сопоставлялись и анализировались с учетом прагматических и лексико-грамматических особенностей хеджирования. На завершающем этапе проводилось сравнение просодических особенностей реализации хеджинга в межличностной коммуникации представителей среднего и рабочего классов.

Научная новизна исследования заключается в том, что в диссертации впервые описываются просодические особенности реализации хеджинга в британской межличностной коммуникации с учетом классовой принадлежности говорящего. В качестве материала, послужившего основой для исследования стратегии речевого отгораживания, впервые выступают кинодиалоги героев – представителей среднего и рабочего классов Соединенного Королевства, что позволило выявить прагматические, лексико-грамматические и просодические закономерности хеджирования среди представителей указанных социальных групп.

Положения, выносимые на защиту:

1. Хеджинг является неотъемлемым элементом межличностной коммуникации британцев – представителей как среднего, так и рабочего социального класса.
2. Лексико-грамматические и лингвопрагматические особенности хеджинга в речи британцев – представителей среднего класса отличаются от особенностей хеджинга в речи представителей рабочего класса.
3. Просодические характеристики хеджинга в межличностной коммуникации британцев – представителей среднего и рабочего классов имеют больше сходств, чем различий. В обоих случаях главной чертой реализации стратегии речевого отгораживания является просодическая непроминентность, понимаемая как отсутствие тонального, динамического или темпорального выделения.
4. Большее влияние на особенности просодии хеджинга оказывает не столько классовая принадлежность коммуникантов, сколько их

эмоциональное состояние в момент диалога: чем сильнее адресант испытывает волнение и неуверенность в своих словах, а также чем сильнее он раздражен поведением собеседника, тем более проминентно звучат используемые им средства речевого отгораживания.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии представлений современной науки о просодии хеджинга в межличностной коммуникации британцев, принадлежащих к среднему и рабочему классам, с учетом лексико-грамматических и прагматических особенностей реализации средств речевого отгораживания, что позволяет использовать полученные результаты при проведении экспериментально-фонетических исследований хеджинга с применением современных компьютерных технологий на материале текстов, принадлежащих иным типам дискурса, в речи представителей других социальных групп и языковых сообществ.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных научных результатов при подготовке лекционных и семинарских занятий в рамках курсов по фонетике английского языка, фоностилистике, прагмафонетике, межкультурной коммуникации в вузах, а также при написании рефератов, бакалаврских выпускных квалификационных работ и магистерских диссертаций в области лингвистики с применением современных компьютерных технологий.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, включающего 205 наименований (в том числе 87 – на иностранных языках), и списка источников эмпирического материала. Общий объем диссертационного исследования составляет 185 страниц.

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы, дается характеристика степени изученности проблемы, определяются объект, предмет, цель и задачи исследования, формулируются выносимые на защиту положения, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, рассматриваются использованные методы и материалы исследования.

В первой главе «Теоретические основы изучения хеджинга в современном английском языке» представлены результаты обзора научной литературы, посвященной рассмотрению специфики хеджинга как средства не прямой коммуникации, уточнению языковых средств его выражения и просодических особенностей в разных типах дискурса, а также рассматриваются лингвокультурологические, прагматические и социокультурные особенности хеджинга в британской речи.

Во второй главе «Основы фонетического исследования хеджинга на материале кинодиалогов» рассматривается опыт использования кинофильмов в качестве материала фонетического исследования в лингвистике. Представлено описание материала настоящего исследования, приводятся результаты контекстуального и прагматического анализа хеджинга в межличностной коммуникации британцев – представителей среднего и рабочего классов. Описываются лексико-грамматические особенности средств не прямой коммуникации в диалогах двух социальных групп, выявляются наиболее частотные хеджи в корпусе исследования, излагается методика проведения слухового и электроакустического анализа.

Третья глава «Просодия хеджинга в межличностной коммуникации британцев: результаты экспериментально-фонетического исследования» содержит результаты экспериментально-фонетического изучения просодии хеджинга, объединяющие доказательную базу слухового и электроакустического анализа. Описываются просодические особенности хеджинга с учетом прагматических и лексико-грамматических особенностей в речи британцев – представителей среднего и рабочего социальных классов.

В заключении представлены обобщенные результаты проведенного исследования, сформулированы основные выводы и намечены перспективы дальнейшей работы.

Апробация результатов исследования была проведена на следующих конференциях: научно-практическая конференция с элементами научной школы «Научный старт» (Москва, МГПУ, 2021, 2022, 2023, 2024 гг.); I международная

научная студенческая конференция «Молодые ученые в исследовании языковых картин мира» (Минск, МГЛУ, 2021 г.); Третья всероссийская конференция «Педагогический дискурс в современной научной парадигме и образовательной практике» (Москва, МГПУ, 2023 г.); Большая конференция МГПУ (2023 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Три "Л" в парадигме современного гуманитарного знания: лингвистика, литературоведение, лингводидактика», посвященная юбилею д.ф.н., профессора О. В. Афанасьевой (Москва, МГПУ, 2023 г.); Всероссийский научный colloquium, посвященный юбилею д.ф.н., профессора О. Г. Чупрыны «Человек и время в языке и литературе» (Москва, МГПУ, 2024 г.); Четвертая международная научно-практическая конференция «Диалог культур. Культура диалога в многонациональном городском пространстве» (Москва, МГПУ, 2024 г.); Международный форум «Лингвистика и вызовы современной парадигмы общественных отношений: междисциплинарное, межкультурное, межъязыковое взаимодействие» (Воронеж, ВГУ, 2024 г.).

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях.

Издания, рекомендованные ВАК РФ

1. Щегорцова, Е. А. Разделительный вопрос как средство хеджинга в диалогах британцев рабочего класса / Е. А. Щегорцова // *Litera*. – 2024. – № 1. – С. 49–56. (0,6 п.л.)
2. Щегорцова, Е. А. Прагматика хеджинга в межличностной коммуникации представителей британского рабочего класса / Е. А. Щегорцова // *Успехи гуманитарных наук*. – 2023. – № 7. – С. 30–34. (0,7 п.л.)
3. Щегорцова, Е. А. Лексико-грамматические особенности хеджинга в речи представителей британского рабочего класса / Е. А. Щегорцова, К. Н. Бурнакова // *Русский лингвистический бюллетень*. – 2023. – № 8(44). – URL: <https://rulb.org/archive/8-44-2023-august/10.18454/RULB.2023.44.37> (дата обращения: 29.10.2024). – DOI 10.18454/RULB.2023.44.37. (0,6 п.л.)

Сборники научных статей и материалы научно-практических конференций

1. Щегорцова, Е. А. Хеджинг как отражение национально-культурных особенностей общения британцев / Е. А. Щегорцова // Научный старт – 2021 : сборник статей магистрантов и аспирантов / редколлегия: Л. Г. Викулова (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Языки Народов Мира, 2021. – С. 455–458. (0,3 п.л.)

2. Щегорцова, Е. А. Хеджинг в речи представителей английского среднего и рабочего классов (на материале британских художественных фильмов) / Е. А. Щегорцова // Человек в фокусе лингвистики, литературоведения и языкового образования : международный сборник научных трудов по лингвистике, литературоведению, лингводидактике / Департамент образования и науки города Москвы ; Московский городской педагогический университет, институт иностранных языков. – Москва : Языки Народов Мира, 2022. – С. 130–141. (0,7 п.л.)

3. Щегорцова, Е. А. К вопросу о прагматике хеджинга в межличностной коммуникации британцев / Е. А. Щегорцова // Научный старт – 2023 : сборник статей аспирантов и магистрантов / редколлегия: Л. Г. Викулова (отв. ред.), И. В. Макарова, О. И. Короленко, В. Г. Караваева. – Часть 2. – Москва : Языки Народов Мира, 2023. – С. 227–231. (0,4 п.л.)

4. Щегорцова, Е. А. Хеджинг как отражение концепта privacy в английской речевой культуре / Е. А. Щегорцова // Большая конференция МГПУ : сборник тезисов : в 3 томах, Москва, 28–30 июня 2023 г. – Том 3. – Москва : Парадигма, 2023. – С. 310–314. (0,3 п.л.)

5. Щегорцова, Е. А. Хеджинг на занятиях по английскому языку в школе и вузе / Е. А. Щегорцова // Три "Л" в парадигме современного гуманитарного знания: лингвистика, литературоведение, лингводидактика : сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 23 ноября 2023 г. – Москва : Языки Народов Мира, 2024. – С. 527–533. (0,4 п.л.)

6. Щегорцова, Е. А. Глаголы умственной деятельности как средство хеджинга в межличностной коммуникации британцев / Е. А. Щегорцова //

Человек и время в языке и литературе : сборник научных трудов по лингвистике и литературоведению, посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора Ольги Геннадьевны Чупрыны, Москва, 8 февраля 2024 г. – Москва : Языки народов мира, 2024. – С. 176–183. (0,6 п.л.)

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ХЕДЖИНГА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

1.1 Понятие хеджинга в лингвистике

1.1.1 Хеджинг как средство не прямой коммуникации в устной речи

Высокий уровень знания языка (его грамматики, лексики, фонетики) не всегда гарантирует успешное взаимодействие в рамках межкультурной коммуникации: говорящий на неродном для себя языке может сформулировать мысль, подобрать соответствующие лексические единицы, грамматически верно составить предложение, но остаться непонятым. И напротив, он может услышать от носителя языка фразу, каждое слово в которой ему известно, в которой не будет сложных грамматических конструкций, однако истолковать ее неверно. Одним из усложняющих понимание факторов может являться наличие в высказывании скрытого смысла, расшифровка которого требует от коммуниканта дополнительных интерпретативных усилий. В данном случае можно говорить об использовании адресантом средств не прямой коммуникации.

Вопросу о не прямой коммуникации посвящены работы многих отечественных и зарубежных ученых [Арутюнова 1999; Дементьев 2001, 2006, 2016, 2018; Вежбицка 1996, 2003; Федорова 2009; Марюхин 2010; Нестерова 2015; Кортава 2018; Космодемьянская 2018; Морозкина 2018; Бастун 2020; Kaltenböck 2010; Hengeveld 2011; Brown 2014].

Согласно определению В. В. Дементьева, не прямая коммуникация – это «содержательно осложненная коммуникация, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [Дементьев 2006: 3]. В качестве основных признаков не прямой коммуникации выделяются следующие: осложненная интерпретативная деятельность адресата, ситуативная обусловленность, креативность, а также то, что говорящий «говорит

не то, что говорит» [Дементьев 2006]. Ученый, однако, отмечает, что формулировка последнего признака носит слишком общий характер, из-за чего она не может применяться в научном исследовании.

Важным признаком не прямой коммуникации также является несовпадение между формой и функцией речевого акта. Так, в определении, сформулированном В. И. Карасиком, именно данное свойство выходит на передний план. Ученый называет косвенным такое высказывание, в котором «буквально выраженный иллокутивный тип не совпадает с собственным коммуникативным намерением говорящего, имеет место расхождение между формой и функцией высказывания, различие между буквально сформулированным и имеющимся в виду значением» [Карасик 2004: 433].

В лингвистических исследованиях [Дементьев 2001, 2006; Федорова 2009; Нестерова 2015; Кортава 2018] выделяется целый ряд речевых и языковых явлений, которые включает в себя не прямая коммуникация:

- имплицитность как «один из принципов передачи содержания текста» [Дементьев 2001: 13]. Например, из фразы: «Я не люблю черный чай», сказанной в ответ на предложение выпить чашечку «Эрл Грея», можно извлечь имплицитную информацию: «*Я не буду его пить*»;
- эвфемизмы – слова или выражения, заменяющие прямолинейные, грубые и нетактичные высказывания (*отошел в мир иной* вместо *умер*, *restroom* вместо *toilet* и т.п.);
- косвенные речевые акты, такие как «*Не могли бы Вы передать мне солонку?*» – в данном примере вежливый вопрос «маскирует» собой просьбу или требование, которые могут быть выражены более прямо, повелительным наклонением: «*Передайте мне солонку*»;
- художественные тропы: «*Под бурями судьбы жестокой // Увял цветущий мой венец*» (А. С. Пушкин). Выражение *цветущий мой венец*, являющееся метафорой внутренней энергии, выступает в качестве средства не прямой коммуникации;

- ирония – выраженная в скрытой форме насмешка. Например, в басне «Стрекоза и муравей» И. А. Крылова Муравей иронизирует, отвечая Стрекозе: *«Ты все пела? Это дело: // Так поди же, попляши!»*;
- языковая игра (речетворчество, окказиональные образования). Пример языковой игры можно найти в поэме «Василий Тёркин» А. Т. Твардовского: *«Пусть ты черт. Да наши черти / Всех чертей / В сто раз чертей»*;
- намеки, когда «говорящий не может или не хочет выразить передаваемую информацию буквально» [Нестерова 2015: 159];
- манипуляция – «корыстное речевое (и невербальное) действие», которое говорящий совершает с целью достижения собственной выгоды, скрывая от адресата свои истинные намерения [Нестерова 2015: 159].

Лингвистами не раз отмечалось, что особенности использования средств не прямой коммуникации в разных культурах могут значительно отличаться друг от друга, так как люди не просто используют разные языковые коды (лексические и грамматические единицы), но и прибегают к различным способам использования этих кодов [Дементьев 2001; Вежбицка 2003; Елизарова 2005; Марюхин 2008].

Так, например, в исследовании Л. В. Балашовой, посвященном особенностям восприятия не прямой коммуникации в русской культуре, было установлено, что:

- в русском языке отношение к не прямой коммуникации амбивалентно, хотя тяготеет к отрицательному;
- непланируемая не прямая коммуникация в основном оценивается как неумение говорящего выражать свои мысли;
- планируемая не прямая коммуникация, как правило, ассоциируется либо с ложью, либо с формально изощренными речевыми жанрами в книжной и официальной сферах;

- отсутствие прямоты в фатической коммуникации вызывает негативные эмоции;
- планируемая непрямая коммуникация практически никогда не ассоциируется с деликатностью и вежливостью [Балашова 2003].

Исследование особенностей ведения дискуссии представителями русской и британской лингвокультур, проведенное Ю. Е. Ивановой, показало, что в то время как британские студенты стараются избегать прямых советов и навязывания своей точки зрения, носители русского языка отдают предпочтение прямому выражению своих мыслей и не боятся вступать в прямую конфронтацию [Иванова 2019: 141–142]. Согласно результатам опроса О. С. Иссерс и С. Халворсона, американцы также менее склонны к искреннему (то есть прямому) выражению своего мнения, чем русские [Issers, Halvorson 2015: 152]. Об искренности и прямоте, свойственной русскоязычной коммуникации, также пишут, например, И. А. Стернин [2003] и В. В. Дементьев [2018].

Таким образом, носители русского языка в основном предпочитают формулировать свои мысли прямо. В то же время английская речевая культура известна обилием в ней не прямых высказываний, иронии, преуменьшений (*understatement*).

Одним из распространенных средств не прямой коммуникации в английском языке является стратегия речевого отгораживания – хеджинг (от англ. *hedge* – живая изгородь).

Термин *hedging* ввел в научный обиход в 1972 году американский лингвист Дж. Лакофф для обозначения слов, «задача которых заключается в том, чтобы придавать высказыванию размытость/неопределенность» [Lakoff G. 1973]. Обратимся к определениям понятий «хедж» и «хеджинг», представленным в зарубежной и отечественной лингвистике (Таблица 1.1).

Таблица 1.1 – Определения хеджинга и хеджей¹

Дж. Дж. Зак, Л. В. Зак	Хеджинг – процесс, в ходе которого автор снижает силу своего письменного высказывания («the process whereby the author reduces the strength of what he is writing») [Zuck 1986: 172]
П. Браун, С. Левинсон	Хедж – это частица, слово или фраза, которая определяет степень достоверности предиката или именного словосочетания в высказывании; он указывает на частичность или на полноту лишь в определенных отношениях достоверности сказанного, или на то, что сказанное более достоверно и полно, чем можно было бы ожидать («a particle, word or phrase that modifies the degree of membership of a predicate or a noun phrase in a set; it says of that membership that it is partial or true only in certain respects, or that it is more true and complete than perhaps might be expected») [Brown 2014: 145]
К. Хайленд	Хедж – это лингвистический маркер нежелания брать на себя полную ответственность за достоверность утверждения, особенно при вводе новой информации («the indication, by linguistic means, of an unwillingness to make a complete commitment to the truth of a proposition, particularly in the case of new knowledge claims») [Hyland 1998: 428]
П. Мартин- Мартин	Хеджи – это [выражения, которые] придают высказыванию неопределенность, то есть передают неточность, тем или иным образом смягчают или снижают силу утверждений, как устных, так и письменных («[expressions that] make messages indeterminate, that is, they convey inexactitude, or in one way or another mitigate or reduce the strength of the assertions that speakers or writers make») [Martín-Martín 2008: 134]
Б. Фрейзер	Хэджинг – это риторическая стратегия, указывающая на отсутствие полной ответственности говорящего за достоверность термина или выражения (смягчение содержания) или за иллокутивную силу высказывания (смягчение воздействия) («a rhetorical strategy [which] signals a lack of a full commitment either to the full category membership of a term or expression in the utterance (content mitigation), or to the intended illocutionary force of the utterance (force mitigation)») [Fraser 2010: 201]

¹ Перевод наш. – Е. Щ.

Г. Кальтенбёк, В. Михатш, С. Шнайдер	Хэджинг – это дискурсивная стратегия, снижающая силу воздействия или достоверность высказывания, тем самым снижая риск, который берет на себя говорящий, произнося сильное или резкое утверждение («a discourse strategy that reduces the force or truth of an utterance and thus reduces the risk a speaker runs when uttering a strong or firm assertion») [Kaltenböck 2010: 1]
К. Уэльс	Хеджинг – это оговорки и смягчение высказываний и утверждений с помощью модальности, наречий и т.д., часто встречающиеся как в устной, так и в письменной речи, используемые с целью снижения степени рискованности сказанного («the qualification and toning-down of utterances or statements, so common in speech and writing, by modality, adverbials, etc., in order to reduce the riskiness of what one says») [Wales 2011: 197]
А. П. Марюхин	Хэджи – это «языковые единства, которые видоизменяют предикацию по степени достоверности или, согласно соответствующей действительности, могут быть интерпретированы как операторы, которые усиливают или смягчают неопределенность языкового концепта, на который они направлены» [Марюхин 2008а: 203]
Г. Р. Власян	Хеджирование – это «прагматическая стратегия, выполняющая защитную функцию высказывания за счет представления предметов и явлений нечеткими и неоднозначными. Средствами выражения хеджирования являются хеджи, цель которых – ослабление иллокутивной силы высказывания, смягчение пропозиции в целом или ее отдельных частей» [Власян 2021: 75]
В. З. Демьянков	Хеджинг – это «“отстранение” говорящего от прямой передачи смысла высказывания» [Демьянков 2024: 57]

Обобщая мнения авторов, можно сказать, что в лингвистике под хеджами понимаются слова или фразы, служащие для того, чтобы придавать высказываниям неопределенность, тем самым подчеркивая неуверенность адресанта в своей абсолютной правоте и частично снимая с него ответственность за сказанное.

В связи с отсутствием общепринятого определения хеджинга разные ученые также по-разному трактуют функции данной речевой стратегии. Дж. Лакофф пишет, что хеджинг позволяет выразить неуверенность и смягчить высказывание, чтобы придать ему вежливость [Lakoff G. 1973]. В исследованиях Э. Принс и Дж. Скелтон главной задачей хеджинга названа передача информации ненавязчивым способом [Prince 1982; Skelton 1988]. Согласно Д. Кристалу, одной из функций хеджирования может являться сокрытие правды в ситуациях, когда говорящий подбирает максимально расплывчатую формулировку, желая избежать дальнейших расспросов [Crystal 2017]. В работе С. Пинкера и Дж. Дж. Ли отмечается, что большое количество косвенных речевых актов, рожденных в неформальной обстановке, имплицитно содержит межличностный конфликт (например, высказывания-угрозы, предложения о взятке, вымогательства, соблазнения и т.д.), в таких случаях коммуникант может хеджировать высказывание, чтобы оставить себе возможность для отступления и в случае неблагоприятной для него развязки опровергнуть обвинения, отрицая, что в его словах был заложен некий негативный подтекст [Pinker, Lee 2010].

Б. Фрейзер [Fraser 2010], рассматривая хеджинг с точки зрения прагматики, выделил четыре основных эффекта, которых позволяет достичь использование хеджинга в речи:

1. **Неопределенность** (*vagueness*) возникает, когда говорящий предоставляет менее точную информацию, чем ожидает собеседник. Для снижения определенности высказывания могут быть разные причины: нежелание обидеть того, о ком идет речь (*He is sort of a geek*), незнание деталей, решение опустить нерелевантные подробности, опасение ошибиться и т.д.
2. **Уклончивость** (*evasion*) также связана с обманом ожиданий слушающего, когда он не получает исчерпывающего ответа на свой вопрос. Примером может служить следующий диалог молодого человека и девушки: – *Would you like to go to the cinema with me next week?* – *Oh, I think, I need to check my schedule first.*

3. **Двусмысленность** (*equivocation*), или намеренное использование неоднозначных формулировок с целью ввести собеседника в заблуждение. Например, рекомендуя взять на работу не лучшего кандидата, менеджер может ответить на вопрос начальника следующим образом: – *Is he a good employee? – Well, it depends on what you **would** call a good employee.*

4. **Вежливость** (*politeness*) [Fraser 2010].

Механизм придания высказыванию вежливости с помощью хеджинга объясняется теорией П. Браун и С. Левинсона. Согласно данной теории, в рамках вежливого разговора человек стремится сохранить социальное «лицо» своего собеседника. При этом исследователи выделяют две стороны «лица» – позитивную (то есть стремление человека нравиться окружающим) и негативную (то есть желание сохранить свою независимость и свободу) [Brown 2014]. Таким образом, одна из функций хеджинга может заключаться в сохранении негативного лица собеседника [Kaltenböck 2010; Ivanova 2023: 3722]. Например, высказывание «*Could you please pass me that book?*» звучит гораздо вежливее, чем «*Please, pass me that book*». Формально оно оставляет адресату выбор, дает свободу отказаться, ответив «*No, I couldn't*». Вторая формулировка в свою очередь лишает собеседника такой возможности, а значит, угрожает его негативному лицу [Fraser 2010].

С точки зрения прагматики хеджинг рассматривается в работе Э. Принс [Prince 1982], где представлена классификация хеджей, основанная на реализуемой ими коммуникативной стратегии. Выделяется два основных типа хеджей: аппроксиматоры (*approximators*) и щиты (*shields*). Первые оказывают влияние на степень достоверности сказанного, подчеркивают уверенность или неуверенность говорящего в своих словах. Э. Принс разделяет аппроксиматоры на адаптеры (*adaptors*), то есть слова и фразы, определяющие истинность сказанного, и раундеры (*rounders*), то есть слова и фразы, ограничивающие степень вариативности обсуждаемого предмета. Второй тип хеджей – щиты – отражает отношение говорящего к его словам и также включает в себя две

подкатегории: щиты достоверности (*plausibility shields*), указывающие на то, что говорящий выражает свое мнение, и щиты атрибуции (*attribution shields*), подчеркивающие то, что говорящий пересказывает чужую позицию [Prince 1982]. Приведем примеры каждого типа хеджей в Таблице 1.2.

Таблица 1.2 – Классификация хеджей
по реализуемой коммуникативной стратегии (Э. Принс)

Хеджи			
Аппроксиматоры		Щиты	
Адаптеры	Раундеры	Щиты достоверности	Щиты атрибуции
<i>Sort of, Kind of, Somewhat, A little, A bit, More or less, Might...</i>	<i>Around, About, Approximately, Over, Under, Roughly, Almost...</i>	<i>I think... I suppose... I guess... I suspect... I reckon... I wonder... I am afraid...</i>	<i>According to... Smb says that... It is believed that... It is said that... In one's opinion... In one's view... As smb says, ...</i>

В работе «Writing without Conviction: Hedging in Science Research Articles» К. Хайленд [Hyland 1996] выделяет две основные группы хеджей в научном дискурсе: *content-oriented hedges*, то есть хеджи, указывающие на соответствие сказанного объективной реальности, и *reader-oriented hedges*, то есть хеджи, включающие читателя в обсуждение, подчеркивающие возможность существования альтернативной точки зрения (*it can be seen in a different light, arguably, however in spite of these findings* и т.д.).

Первую группу хеджей (*content-oriented*) К. Хайленд предлагает разделить на две подгруппы: *accuracy-oriented* и *writer-oriented hedges*. Использование первых вызвано необходимостью излагать материал настолько достоверно, насколько это возможно (*the research focuses primarily, possibly*). Вторые позволяют автору несколько отстраниться и в определенной мере снять с себя личную ответственность за сделанные в его исследовании выводы (*the figures suggest, we cannot claim* и т.д.).

Accuracy-oriented hedges в свою очередь делятся на две субкатегории: *attribute-oriented* – хеджи, обозначающие степень объективной достоверности, точности излагаемой информации (*probably, partially, clearly* и т.д.), и *reliability-oriented* – хеджи, отражающие степень личной уверенности автора в написанном (*likely, it may be, it seems* и т.д.) [Hyland 1996].

Функции хеджинга в академическом дискурсе также рассматриваются в работе Е. И. Михалёвой и И. В. Пушениной. Исследователи определяют хеджирование как способ выражения неуверенности, конвенциональной косвенности и преуменьшения в интересах адресата. В работе отмечается, что, несмотря на существующую на сегодняшний день тенденцию к снижению формальности в изложении научных знаний и более прямому и однозначному представлению информации, англоговорящие исследователи, привыкшие избегать категоричных формулировок в интерперсональной коммуникации, все равно предпочитают хеджировать свои высказывания [Михалева, Пушенина 2022: 120]. Данная стратегия позволяет им стилистически приблизить свое выступление к межличностному общению, что придает ему более неформальный тон.

Важно, однако, заметить, что однозначно установить цель, с которой адресант хеджирует свое высказывание, не всегда возможно. Как пишет Ф. Селеджер-Майер, хеджи – это прежде всего продукт ментальных установок, и трактовка их функций в конкретном речевом акте неизбежно будет субъективна [Salager-Meyer 1995: 131]. Не всегда данная речевая стратегия используется говорящим осознанно. Также нередко средство хеджинга в одном высказывании оказывается полифункциональным, и реализуемые им задачи оказываются тесно переплетены. В качестве примера рассмотрим следующий диалог:

- *Do you think he's a good leader?*
- *Well, I can't say he is **not** charismatic...*

В данном случае невозможно точно определить, с какой целью была хеджирована вторая реплика. С одной стороны, коммуниканту удалось придать высказыванию вежливость и никого не обидеть прямым и безапелляционным

утверждением: «*He is not*». С другой стороны, расплывчатость формулировки позволила уклониться от однозначной оценки. После подобного высказывания может последовать как положительный ответ на заданный вопрос (например: «*So, he can make a good leader*»), так и отрицательный (например: «*But he's not a good leader*»). Таким образом, определение функционала хеджей оказывается крайне трудной задачей для лингвистики.

Для решения данной задачи опора исключительно на вербальную составляющую оказывается недостаточной, необходимо также принимать во внимание невербальные и экстралингвистические факторы. Согласно Б. Фрейзеру, для верной интерпретации хеджированного высказывания важно учитывать контекст, значение предложения, то, какое именно средство хеджинга используется, и систему убеждений коммуникантов [Fraser 2010: 25].

Схожую идею также можно обнаружить в исследовании Н. Райкинен, где рассматриваются лексические средства хеджинга в устном академическом дискурсе. Для определения, является ли лексическая единица хеджем, автор предлагает ответить на два вопроса:

1. Можно ли удалить данную единицу из высказывания, не изменив его основной смысл?
2. Становится ли высказывание более прямым после удаления данной лексической единицы?

Если ответы на оба вопроса утвердительные, то предлагается считать рассматриваемую единицу хеджем. Однако дать корректные ответы невозможно, если не учитывать контекст, в рамках которого было сделано высказывание [Reikkinen 2010: 77].

Рассмотрим, например, утверждение: «*He is kind of rude*». Его смысл можно интерпретировать прямо: ‘он немного грубоват, но не настолько, чтобы назвать его грубым’. В данном случае извлечение сочетания *kind of* повлечет за собой искажение смысла (так как адресант не считает обсуждаемого человека грубым), а следовательно, оно не является хеджем. С другой стороны, существует вероятность, что коммуникант имел в виду следующее: ‘я считаю, что он груб,

однако не хочу казаться слишком категоричным'. В подобной ситуации утверждение «*He is rude*» несет тот же смысл, однако звучит более прямо, а значит, сочетание *kind of* является хеджем. Для того чтобы определить, какая из двух трактовок верна, необходимо обратиться к экстралингвистическим факторам: на основе чего предлагается сделать вывод о грубости индивида, о котором идет речь; как коммуниканты определяют для себя грубость; склонны ли они использовать не прямые высказывания в целом, испытывают ли они необходимость звучать вежливо и т.д.

Таким образом, хеджинг является средством не прямой коммуникации, выполняющим в речи целый ряд функций, таких как придание вежливости, неопределенности, уход от ответа, создание неоднозначности и т.д. Для верного понимания хеджированного высказывания адресату необходимо приложить дополнительные интерпретативные усилия, а также учитывать контекст, в рамках которого разворачивается диалог.

1.1.2 Языковые средства выражения хеджинга

Необходимость опираться на контекст при анализе хеджинга осложняет составление полного перечня языковых средств речевого отгораживания. Лингвисты отмечают, что свойства, которые позволяют тем или иным языковым единицам функционировать в качестве хеджей, до сих пор не выявлены в полной мере [Clemen 1997: 243; Reikkinen 2010: 77].

Так, Б. Фрейзер приводит несколько примеров предложений с языковыми средствами, обладающими возможностью хеджировать высказывание, однако в данных случаях хеджами не являющимися (*can, a few, in a way, kind of, relatively*):

- ***Can** you see the deer over there?*
- *Blair and I were able to talk **in a way** that reduced ambiguity.*
- *I appreciate that **kind of** help.*
- *I always admired the fact that a person who was **relatively** comfortable in life would be willing to help the less fortunate* [Fraser 2010: 29–30].

Извлечь выделенные слова и сочетания из предложений без искажения их смысла невозможно, а для понимания сказанного нет необходимости прикладывать дополнительные интерпретативные усилия, так как значение в каждом примере выражено прямо. Однако в другом контексте данные лексические единицы могут функционировать как средства речевого отгораживания:

- **Can** you call me at seven?
- He is, **in a way**, a caring parent too.
- That was **kind of** cute.
- She is a **relatively** good singer.

Таким образом, мы снова видим, что контекст играет ключевую роль в определении наличия или отсутствия средств речевого отгораживания в высказывании. Однозначно установить связь между наличием в предложении определенной единицы и его хеджированностью не представляется возможным.

Однако исследователям все же удастся, основываясь на анализе большого количества текстов, выделить определенные закономерности в использовании некоторых языковых средств речевого отгораживания. Одна из наиболее популярных классификаций хеджей, составленная американским лингвистом Ф. Селеджер-Майер, включает семь основных групп лингвистических средств хеджинга:

- 1) вспомогательные модальные глаголы, такие как *can, could, may, might, would, should*;
- 2) полнозначные модальные глаголы, называемые также глаголами речевого действия, как правило, выражающие сомнение или оценку: *to appear, to suggest, to believe, to seem, to assume, to speculate, to estimate, to tend, to argue, to indicate, to propose, to think, etc.*;
- 3) модальные фразы:
 - a) адъективные (*it's possible, probable, unlikely, etc.*),
 - b) адвербиальные (*perhaps, possibly, probably, practically, likely, presumably, virtually, apparently, etc.*),

- с) именные (содержащие такие слова, как *assumption, claim, possibility, estimate, suggestion, etc.*);
- 4) аппроксиматоры степени, количества, частоты и времени: *approximately, roughly, about, often, occasionally, generally, usually, somewhat, somehow, a lot of, etc.*;
- 5) вводные конструкции, выражающие сомнение и личную вовлеченность говорящего: *I believe, to our knowledge, it is our view that, we feel that, etc.*;
- 6) условные предложения: *if true, if anything*;
- 7) сложные хеджи, которые чаще всего состоят из комбинаций:
 - а) вспомогательный + полнозначный модальные глаголы (*it would appear*);
 - б) полнозначный модальный глагол + хеджирующее прилагательное или наречие (*it seems reasonable / probable*). В данном случае хедж может также быть двойным (*it may suggest that; it seems likely that; it would indicate that; this probably indicates*), тройным (*it seems reasonable to assume that*), четверным (*it would seem somewhat unlikely that, it may appear somewhat speculative that*) и т.д. [Salager-Meyer 1995: 131–133].

Важно, однако, отметить, что в данной классификации Ф. Селеджер-Майер описала хеджи, наиболее часто используемые исключительно в рамках письменного научного дискурса. Изучением средств речевого отгораживания в письменных академических текстах также занимался Э. Хинкель. Анализируя письменные работы студентов, изучающих английский язык, ученый систематизировал лексические средства речевого отгораживания в академическом дискурсе следующим образом:

- 1) эпистемические хеджи: *apparent(-ly), essential(-ly), likely, indeed, broad(-ly), theoretically, somehow, most + adjective, potential(-ly), clear(-ly), etc.*;
- 2) лексические хеджи: *(at) about, in a way, like, maybe, more or less, much, something like, sort of, kind of, most*;

- 3) хеджи, выражающие возможность: *by any chance, perhaps, possibly, if you/we understand/know, if you catch my drift, if you know what I mean, hopefully, etc.*;
- 4) смягчители (*downtoners*), функция которых заключается в снижении интенсивности количественной или эмоциональной окраски высказывания: *a bit, at all, barely, at least, enough, fairly, in the slightest, a little/pretty/quite + adjective, partly, truly, sufficiently, rather, scarcely, etc.*;
- 5) интенсификаторы: несмотря на то, что, с одной стороны, данные слова могут выполнять функцию, противоположную хеджам, в устном дискурсе излишнее преувеличение также может позволить говорящему несколько отгородиться от высказывания, так как адресату становится очевидно, что его не следует воспринимать буквально. Э. Хинкель, однако, упоминает, что данная стратегия не всегда выигрышна и в некоторых случаях может вызывать недоверие среди слушателей. К данным хеджам относятся:
 - a) неопределенные местоимения: *some, any, some/any-body, some/any-one, some/any-thing*;
 - b) обобщающие и отрицательные местоимения: *all, each, everybody/one/thing, none, no one, nothing*;
 - c) наречия частотности: *often, sometimes, frequently, seldom, regularly, sporadically, usually, regularly, occasionally, daily, monthly, annually, etc.*;
 - d) усилители: *absolutely, a lot + comparative adjective, amazingly, enormously, entirely, forever, hugely, sharply, strongly, too, totally, well, unbelievably, positively, not half bad, by all means, awfully, etc.*;
 - e) эмфатические средства: *a lot + noun/adjective, clear(-ly), exact(-ly), great, indeed, for sure, sure(-ly), total, no way, such a + noun, strong, definite, completely, certain(-ly), extreme, etc.* [Hinkel 2005: 37–39].

Выявлению основных лексических и грамматических средств хеджинга в научном дискурсе также посвящена работа Б. Фрейзера. Ученый выделил следующие группы хеджей:

- 1) прилагательные и наречия: *about, roughly, generally*;
- 2) безличные местоимения: *one, it*;
- 3) уступительные союзы: *if, although, though, while, whereas, even though*;
- 4) перформативные глаголы, хеджированные модальным глаголом: *I must ask...*;
- 5) непрямые речевые акты: *Could you do it*;
- 6) вводные фразы: *I believe, to our knowledge, it is our view that, we feel that*;
- 7) модальные наречия: *perhaps, possibly, probably, practically, presumably*;
- 8) модальные прилагательные: *possible, probable, (un)likely*;
- 9) модальные существительные: *assumption, claim, possibility, estimate, suggestion*;
- 10) модальные глаголы: *might, can, would, could*;
- 11) эпистемические глаголы: *to seem, to appear, to believe, to assume, to suggest*;
- 12) вопросы с отрицанием: *Don't you...*;
- 13) разделительные вопросы;
- 14) пассивные конструкции без субъекта действия;
- 15) союзы придаточных условия: *as long as, assuming that, given that*;
- 16) глаголы в форме настоящего/прошедшего продолженного времени;
- 17) уклончивые (тентативные) предположения: *The mountains **should be** seen from there*;
- 18) придаточные условия;
- 19) металингвистический комментарий: *strictly speaking, so to say, just, almost, exactly, about*) [Fraser 2010: 23–24].

Также Б. Фрейзер пишет, что адресант может хеджировать как одно слово (*She's basically a **teacher***), так и словосочетание (*He has a somewhat **bad temper***),

пропозицию (*As far as I can tell, it is very common*) или целый речевой акт (*I must request that you attend the meeting*) [Fraser 2010: 24].

Еще одну классификацию лингвистических средств хеджинга, широко используемую исследователями, разработал К. Хайленд [Hyland 1995]. Проанализировав 26 научных статей, ученый определил, что авторы хеджируют свои утверждения, как правило, с помощью пяти основных грамматических средств и трех речевых стратегий:

- 1) смысловые глаголы (*indicate, suggest, appear, etc.*);
- 2) наречные конструкции (*probably, possibly, etc.*);
- 3) модальные прилагательные (*likely, most and consistent with, etc.*);
- 4) модальные глаголы (*would, could, etc.*);
- 5) модальные существительные (*possibility, assumption, tendency, etc.*);
- 6) признание недостаточности информации (*we cannot be sure whether*);
- 7) указание на ограничивающие условия (*if these figures are correct*);
- 8) указание на теорию или методологию (*we did not succeed and it is difficult to conclude*) [Hyland 1995: 36].

Позже классификация К. Хайленда была переработана и дополнена в исследовании Т. Вартталы [Varttala 2001]. В работе выделяются следующие средства хеджинга:

- 1) вспомогательные модальные глаголы (*may, might, can, will, etc.*);
- 2) смысловые глаголы:
 - a) нефактивные глаголы отчетности (*argue, predict, hint, imply, etc.*);
 - b) глаголы чувств, мышления и восприятия, указывающие на неопределенность (*believe, consider, deem, feel, view, think, etc.*);
 - c) глаголы-связки, указывающие на неопределенность (*seem, sound, appear, look, etc.*);
- 3) наречия:
 - a) вероятности (*perhaps, apparently, potentially, unlikely, etc.*);
 - b) неопределенной частоты (*commonly, normally, typically, often, etc.*);
 - c) неопределенной степени (*largely, rather, quite, mostly, fairly, etc.*);

d) обозначающие приблизительность (*about, just, some, roughly, etc.*);

4) прилагательные:

a) вероятности (*prone to, apt to, plausible, putative, doubtful, etc.*);

b) неопределенной частоты (*prevalent, scarce, popular, general, etc.*);

c) неопределенной степени (*noticeable, modest, slight, immense, etc.*);

d) обозначающие приблизительность (*close, gross, virtual, etc.*);

5) существительные:

a) утвердительные нефактивные существительные (*clue, claim, prediction, proposal, proposition, contention, charge, etc.*);

b) существительные, обозначающие чувства, мышление и восприятие, указывающие на неопределенность (*hope, idea, view, theory, interpretation, theory, scheme, point of view, thesis, etc.*);

c) существительные неопределенной вероятности (*sign, trend, option, adds, threat, opportunity, etc.*) [Varttala 2001: 289].

Отметим, однако, еще раз, что все представленные выше классификации основаны на материале, относящемся к академическому дискурсу (в основном письменному). Далее обратим внимание на исследования, рассматривающие хеджинг в рамках устного дискурса.

В своей работе Д. Байбер, С. Конрад и Дж. Лич пишут, что в рамках устного общения хеджинг гораздо чаще используется для придания высказыванию неопределенности. Исследователи приводят в качестве примера предложение: «*I've got order forms and stuff like that for music*». Для письменной речи такая степень неопределенности была бы чрезмерна, в то время как для поддержания устного диалога она вполне естественна [Biber et al. 2006: 431].

В исследованиях речевого отгораживания на материале устной коммуникации выделяются средства хеджинга, не упоминаемые в работах, рассматривающих письменный дискурс. Так, в работе Л. И. Лариной и Л. Ю. Витрук к языковым средствам хеджинга отнесены суффиксы прилагательных *-ish/-y/-ly*, обозначающие недостаточную выраженность или

приблизительность признака: «*Her dress is greyish. She has gingery hair. That was a cowardly behaviour*» [Ларина, Витрук 2016: 67].

В исследовании О. Г. Гориной и В. Е. Храбровой к хеджам относятся так называемые «onlineness» (признаки «прямого эфира»), а именно: самоисправления, паузы хезитации, повторы и другие правки, неизбежно возникающие в процессе неподготовленной устной коммуникации: «*So I can... I could help you*». Также авторы включают в список хеджей двойное отрицание (*He's not uninteresting*) и придаточные предложения, дающие оценку всей ситуации (*She decided to tell him the truth, which was a great idea, but the choice of words could have been better*) [Горина, Храброва 2017: 49].

Одним из распространенных средств хеджинга, описанных в работе Р. Картера, М. МакКарти, Дж. Марк и А. О'Кеффе является косвенный вопрос, позволяющий говорящему сделать свое высказывание менее прямым и более вежливым: «*I wondered if you would like to have a coffee with me*» [English Grammar Today 2011].

Исследование М. Ю. Сейранян сосредоточивается на просодической стороне хеджинга в английском языке. Автор приходит к выводу, что рассматриваемая речевая стратегия может быть реализована с помощью просодических средств, таких как вариативность продолжительности и частоты пауз, снижение громкости и уровня тона, средний ровный и нефинальный ядерный тон, растягивание гласного в ядерном слоге [Сейранян 2022: 384–385].

Таким образом, опираясь на все указанные выше работы, мы можем составить следующий список средств хеджинга:

1. Грамматические явления:

- безличные пассивные конструкции;
- расщепленные предложения (*What I mean is...*);
- вводные конструкции;
- конструкции с двойным отрицанием;
- вопросы с отрицанием;

- косвенные вопросы;
- разделительные вопросы;
- придаточные условия;
- придаточные уступки.

2. Лексические явления:

- модальные глаголы;
- модальные наречия;
- модальные прилагательные;
- расплывчатые формулировки (*kind of, and so on, stuff like that*);
- безличные местоимения;
- глаголы умственной деятельности и чувственного восприятия, такие как *feel, think, suppose* и т.д.;
- лексические повторы.

3. Морфологические явления:

- суффиксы прилагательных *-y/-ly/-ish*, выражающие слабость признака или приблизительность.

4. Просодические явления:

- паузы хезитации;
- частые краткие паузы;
- растягивание гласного звука в ядре синтагмы;
- средний ровный ядерный тон;
- средний уровень тона;
- снижение громкости высказывания.

Отметим еще раз, что данный список не претендует на исчерпывающую полноту, так как определение наличия хеджинга в высказывании в первую очередь зависит от контекста. Данный перечень хеджей, однако, представляется достаточным для выполнения задач настоящего исследования.

1.1.3 Просодические особенности хеджинга

Важным аспектом изучения любого языкового явления является рассмотрение особенностей его функционирования на ритмомелодическом (просодическом) уровне, так как интонация играет важную роль в выстраивании взаимопонимания между коммуникантами [Бурнакова, Боргоякова 2018б: 65]. Хеджинг в данном случае не является исключением.

Существует два основных подхода к изучению просодической стороны реализации хеджинга в устной речи. С одной стороны, рассматриваются ритмомелодические особенности лексических и грамматических средств хеджинга. С другой стороны, ряд исследований фокусируется на том, каким образом ритмомелодика высказывания сама становится средством хеджинга при отсутствии в высказывании лексико-грамматических хеджей [Катина 2014]. Второй подход позволил выявить ряд просодических явлений, служащих средствами хеджинга, отмеченных в предыдущем параграфе.

В работе Н. А. Катиной отмечается, что при изучении ритмомелодики как средства хеджинга стоит обратить внимание на исследования, посвященные вопросам просодического обозначения эмоций, выражение которых является одной из функций хеджирования, а именно: неуверенности, сомнения и некатегоричности. К их просодическим индикаторам относят «восходящую интонацию, длительные паузы, более медленный темп речи, снижение громкости, удлиненное произнесение слов, ровный тон в конечных синтагмах» [Катина 2014: 69–70].

Например, в исследовании взаимосвязи эмоциональности и просодического оформления речи Л. Янг и Н. Кэмпбелл пишут, что плавность понижения тона в синтагме сигнализирует о некатегоричности высказывания, а повышение тона и растягивание звуков могут служить индикатором неуверенности говорящего в своих словах [Yang, Campbell 2001]. К аналогичному выводу приходят Е. Л. Фрейдина и М. Ю. Сейранян: их анализ эмоционально-модальной функции просодии на материале британских медиа дебатов показал, что высокий нисходящий тон придает высказыванию весомость

и создает чувство уверенности говорящего в своих словах [Сейранян, Фрейдина 2020: 65].

В другой работе М. Ю. Сейранян обращается к ключевым просодическим средствам, используемым британцами для хеджирования своих высказываний, и относит к ним «средний тональный уровень, паузы хезитации, частые краткие паузы, растягивание гласного ядерного центра высказывания, оформление ядра высказывания тоном среднего уровня (terrace), нефинальным тоном (Mid-Fall)» [Сейранян 2022: 385].

Большое количество работ, описывающих просодические особенности хеджинга, направлены на изучение ритмомелодического оформления конкретных средств речевого отгораживания. Данные исследования нередко демонстрируют взаимозависимость интонационного оформления хеджа и его значения. Например, Г. Кальтенбёк [Kaltenböck 2010], выделив четыре коммуникативные функции вводного сочетания *I think*, сопоставил их с особенностями его ритмомелодической реализации.

Так, данное сочетание может использоваться в качестве хеджа-щита, подчеркивающего нерешительность и неуверенность говорящего, и в качестве хеджа-аппроксиматора. В таких случаях оно, как правило, не выделяется в отдельную интонационную группу, а встраивается по высоте тона в соседствующие синтагмы. В качестве примера Г. Кальтенбёк приводит фразы, где *I think* стоит:

- в середине высказывания: «*One of the things that begins to happen, **I think** in the seventeen-seventies*» (см. Рисунок 1.1);
- в конце высказывания: «*This matter may be decided on the Queen's speech specifically tomorrow and again on, uh, Monday, **I think***» (см. Рисунок 1.2) [Kaltenböck 2010: 246–247].

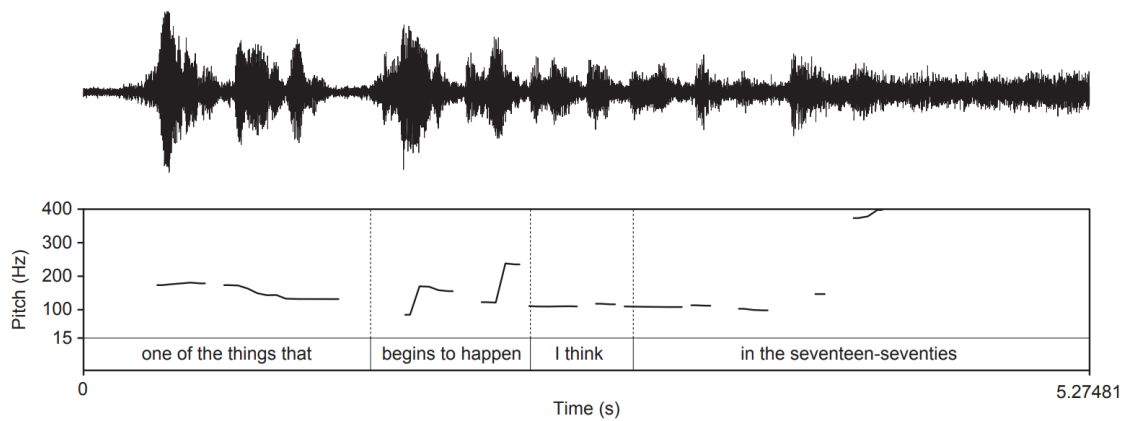

Рисунок 1.1 – Тonoграмма предложения *One of the things that begins to happen, **I think** in the seventeen-seventies* [Kaltenböck 2010: 246]

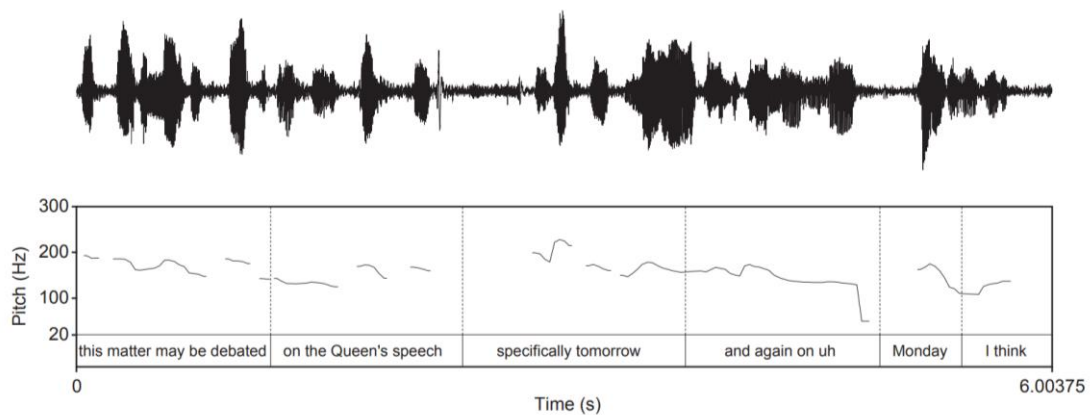

Рисунок 1.2 – Тonoграмма предложения *This matter may be decided on the Queen's speech specifically tomorrow and again on, uh, Monday, **I think*** [Kaltenböck 2010: 247]

Еще одним случаем, когда сочетание *I think* просодически встраивается в высказывание и отдельно не выделяется громкостью и высотой тона, является его использование с целью не только речевого отгораживания, но и структурирования предложения. В данной ситуации говорящий не вкладывает в него никакого значения, то есть создает эффект «семантического выцветания» (*semantic bleaching*), нередко сопровождающегося фонетической редукцией. Г. Кальтенбёк демонстрирует данное явление на примере следующего предложения: *Blinkered **I think** is a nice word if you're describing someone that you don't like* (см. Рисунок 1.3) [Kaltenböck 2010: 250]:

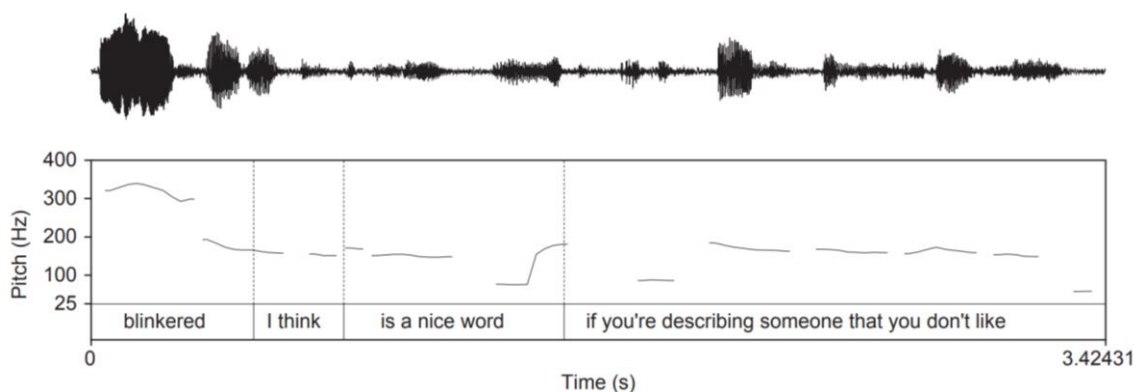

Рисунок 1.3 – Тonoграмма предложения *Blinkered **I think** is a nice word if you're describing someone that you don't like* [Kaltenböck 2010: 250]

Нередко, однако, сочетание *I think* может выполнять функцию, противоположную щиту, и становиться интенсификатором. Как отмечает Г. Кальтенбёк, зачастую (хотя и не всегда) разница между данными функциями также отображается в ритмомелодике высказывания. Интенсификатор *I think* нередко выделяется в отдельную интонационную группу, в которой ядром высказывания может стать и местоимение *I* (в данном случае мнение говорящего противопоставляется остальным) – «*And the importance of the transition to the third <...> is **I think** a key element in the system*» (см. Рисунок 1.4), и глагол *think* – «***I think**, uh, Opera North is always inventive*» (см. Рисунок 1.5). Ядерный тон глагола может быть как нисходящим, так и нисходяще-восходящим. Главной же просодической особенностью сочетания *I think*, использованного в качестве интенсификатора, является высокая начальная точка ядерного тона и широкий диапазон его падения [Kaltenböck 2010: 255–256].

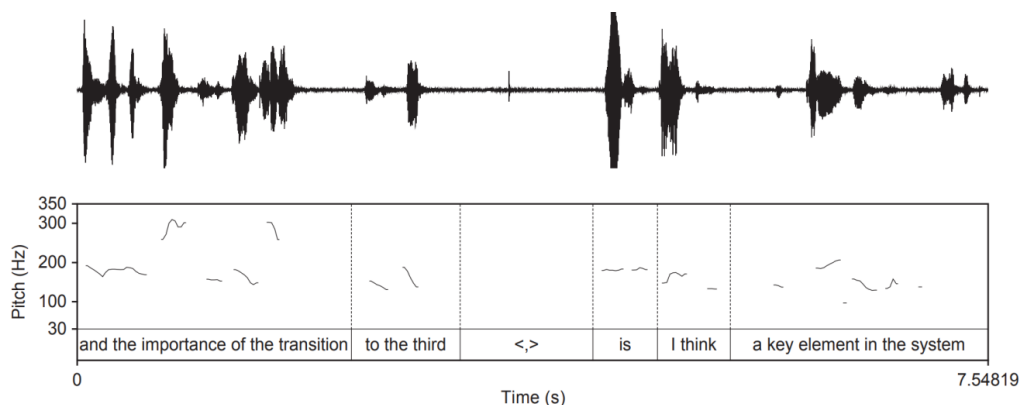

Рисунок 1.4 – Тonoграмма предложения *And the importance of the transition to the third <...> is **I think** a key element in the system* [Kaltenböck 2010: 255]

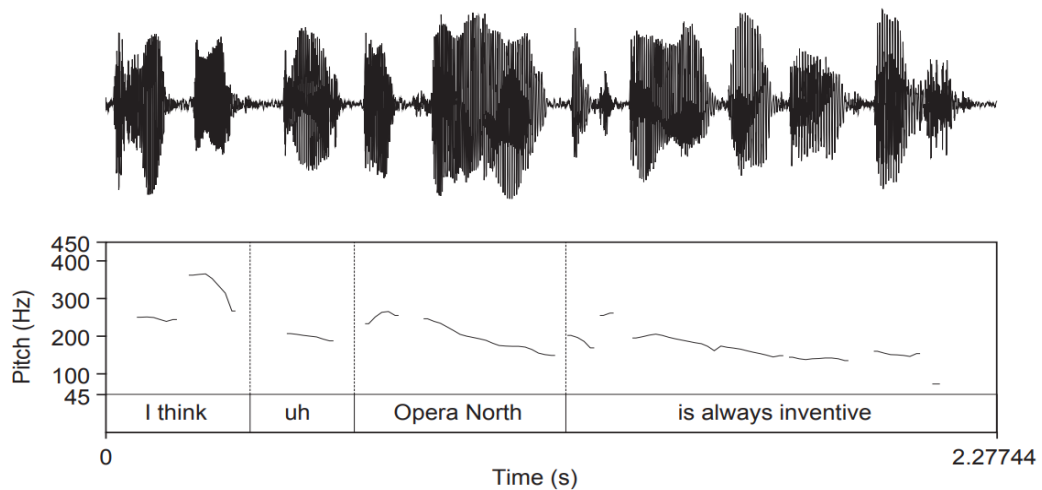

Рисунок 1.5 – Тonoгpамма предложения *I think, uh, Opera North is always inventive* [Kaltenböck 2010: 256]

К аналогичным выводам приходят Н. Дехе и К. Стати. Их исследование взаимосвязи просодии и грамматикализации существительных *sort of, kind of, type of* показало, что одновременно с десемантизацией данных лексических единиц в высказывании можно наблюдать их фонологическую редукцию и утрату просодической выделенности [Dehé 2016].

Таким образом, исследования Г. Кальтенбёка, Н. Дехе и К. Стати показывают важность ритмомелодической составляющей в изучении хеджинга, так как изменение в интонационном оформлении может активировать разные, иногда даже противоположные, функции одного и того же высказывания.

Комплексное рассмотрение особенностей ритмомелодики хеджинга усложняется отмеченной ранее широкой вариативностью средств речевого отгораживания и зависимостью их значения от контекста. Именно поэтому фокус на конкретной языковой единице, выполняющей функцию хеджинга, представляется перспективным (как, например, в работах: Aijmer 1984, 1986, 1997; Kaltenböck 2010; Déhé 2016).

Существует, однако, другой подход, заключающийся в изучении фонетических особенностей средств хеджинга в рамках определенного типа дискурса. Так, например, в исследовании Н. А. Катиной рассматривается просодическая сторона реализации хеджинга в британской академической устной коммуникации. Результаты анализа показали, что в публичных

выступлениях в научной среде средства речевого отгораживания, как правило, могут быть:

- просодически непроминентными, составляя единый интонационный контур с даядерной частью синтагмы;
- ударными или полуударными частями предшкалы, шкалы или затакта, не обладающими самостоятельным тональным рисунком;
- полуударными, оформленными терминальным тоном низкого подъема, средним ровным тоном или низким/средним падением [Катина 2014: 139].

Важными факторами, влияющими на просодическое оформление хеджей, ученые также называют длину и положение анализируемой языковой единицы во фразе. Относительно длинные хеджи (например, *or something like that*) выделяются говорящим в отдельную интонационную группу чаще, чем хеджи, состоящие из одного-двух слов. Также хеджи, находящиеся в конце высказывания, просодически выделяются чаще, чем средства речевого отгораживания, расположенные в начале предложения [Aijmer 1986; Катина 2012а, б, 2014].

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на существование ряда исследований ритмомелодических характеристик средств хеджинга, в данном вопросе до сих пор можно обнаружить недостаточно изученные аспекты. Так, например, представляет интерес рассмотрение особенностей просодии в различных типах дискурса: не только академического, но и политического, публицистического, массмедийного и т.д. В настоящем исследовании обратимся к диалогическому дискурсу в рамках межличностной коммуникации британцев.

1.2 Хеджинг в коммуникации британцев

1.2.1 Лингвокультурологический потенциал хеджинга

Взаимосвязь языка и культуры является объектом исследования лингвистики на протяжении многих лет. В основе данных исследований, как

правило, лежит понимание, что в разных обществах люди говорят по-разному, отражая в языке культурные ценности своего народа [Вежбицка 2003]. Обилие хеджированных конструкций в речи британцев также является отражением определенных особенностей менталитета носителей английского языка.

Согласно точке зрения Кейт Фокс, правила и нормы речевого взаимодействия англичан во многом обусловлены так называемой *social dis-ease* (социальная неловкость / болезнь), которая является одной из ключевых черт их национального характера. Для «облегчения симптомов данной болезни» англичане стараются вести диалог как можно более ненавязчиво, несколько отстраненно, чтобы не нарушить чужие границы [Fox 2014].

Антрополог выделяет три группы стереотипов, порожденных *social dis-ease*, которые являются неотъемлемыми составляющими национального характера англичан и определяют их стиль общения:

- рефлексы: *humour* (юмор), *moderation* (умеренность), *hypocrisy* (лицемерие);
- ценности: *fair play* (честная игра), *courtesy* (любезность), *modesty* (скромность);
- общепринятые позиции и точки зрения: *empiricism* (эмпиризм), *Eeyorishness* (меланхолия), *class consciousness* (классовость) [Fox 2014].

Об умеренности англичан пишут также Э. Майолл и Д. Милстед, отмечая, что сдержанность является важной ценностью для английской культуры и любой человек, который «заходит слишком далеко» в проявлении эмоций, чаще вызывает недовольство [Майолл, Милстед 2017: 11]. В ситуации общения одним из способов проявить сдержанность может стать применение стратегии хеджинга. Например, когда англичанка описывает, как потеряла большую сумму денег из-за ошибки корпорации, она выражает недовольство фразой «*It is kind of too upsetting*» [YouGlish: URL]. В данном случае хедж *kind of* может снижать степень эмоциональности высказывания, отражая спокойствие или сдержанность говорящего даже в неприятной для него ситуации.

Лицемерие (*hypocrisy*), считающееся общепринятой чертой поведения британцев, о которой пишет К. Фокс, не проявляется как стремление обмануть собеседника. Напротив, оно тесно связано с такими ценностями, как любезность и вежливость. Чтобы преодолеть *social dis-ease*, англичане в разговоре ведут себя осторожно и не всегда говорят то, что на самом деле думают [Fox 2014]. Так, англичанин вряд ли прямо скажет, что ужин, которым его угощает хозяйка, оказался ему не по вкусу, а предпочтет прибегнуть к лицемерию (*hypocrisy*), чтобы показаться более вежливым. В данной ситуации на помощь может снова прийти хеджинг, в функции которого входит уход от прямого ответа и создание неопределенности.

Другой яркой чертой британской культуры является юмор. Исследователи, однако, отмечают, что его использование нередко вызвано не желанием развеселить собеседника, а стремлением скрыть свои истинные мысли и чувства [Соседова 2015, Fox 2014, Mikes 2016]. Юмор нередко встречается в английских диалогах и может служить защитной реакцией на табуированные темы, слишком яркие эмоции и т.п. В юморе отображается сдержанность англичан, их «*stiff upper lip*». Зачастую он основывается на *understatement* (преуменьшении, иронии, самоуничижении и притворном пессимизме) [Джигоева 2014; Иванова 2015]. Например, если за окном бушует ураган, то англичане могут сказать: «*The weather isn't very nice today, is it*»; оказавшись в труднейшей ситуации, они скажут: «*Well, it's not quite what I would have chosen*». Несоответствие грандиозности ситуации и характера эмоциональной реакции на нее служат причиной возникновения комического эффекта. Подобная реакция позволяет создать некую двусмысленность и неопределенность, избежать искреннего выражения своих мыслей и тем самым преодолеть *social dis-ease*.

Как было отмечено в предыдущем параграфе, преуменьшение является одной из функций, которую в коммуникации может реализовывать хеджинг. Определим, являются ли средствами непрямой коммуникации отрицательная конструкция, разделительный вопрос и наречие *quite* в приведенных выше высказываниях – реакциях на плохую погоду и тяжелую ситуацию. Для этого

применим описанный в пункте 1.1 тест Н. Райкинен [Reikkinen 2010: 77]. Если перефразировать предложения без использования указанных языковых единиц, то смысл останется неизменным, однако формулировка станет более прямой: «*The weather is bad today*», «*It's not what I would have chosen*». Следовательно, в анализируемых примерах была применена стратегия речевого отгораживания. В то же время без хеджей теряется и юмористический эффект. Таким образом, можно предположить, что использование хеджинга является одним из приемов создания шуток, характерных для английской культуры.

Еще одним важным явлением в речевом взаимодействии англичан, согласно исследованию К. Фокс, является короткая светская беседа (*small talk*). Подобные диалоги выступают средством создания комфортных отношений и характеризуются как менее формальные, чем традиционные этикетные фразы (такие, как «*How do you do?*», «*It's a pleasure to meet you*»), поэтому в меньшей степени вызывает *social dis-ease* [Fox 2014]. С одной стороны, это все еще этикетный разговор, основанный на общепринятой англичанами модели поведения, с другой стороны, он является некой переходной ступенью к более открытому и искреннему общению.

Сама по себе короткая светская беседа (*small talk*) имеет подчеркнуто непрямой характер, так как собеседники могут долго и эмоционально говорить о вещах, которые не имеют для них большого значения (например, о погоде). Представителям других культур такой этикетный диалог может казаться пустой тратой времени и звучать крайне неестественно, в связи с тем, что в нем никогда не затрагиваются действительно важные для его участников вопросы. Однако англичанам он необходим для более комфортного взаимодействия. В работе В. В. Дементьева приводится пример из английской разговорной речи, в котором *small talk* служит инструментом для вежливого перехода к основной цели диалога. Ученым описывается ситуация, в которой работник Том заходит в кабинет своего начальника Грега, чтобы взять отгул:

Tom: Can I just have a quick word?

Greg: Yeah, sure. Have a sit.

Tom: Great weather, eh?

Greg: Mm

Tom: Yeah, been a good week. Did you get away skiing at the weekend?

Greg: Yeah, we did. Now, how can I help you?

*Tom: I was just wondering if I could take Friday off and make it a long weekend?*²

Для англичан такое начало диалога привычно, так как переходить к сути дела без предшествующей короткой светской беседы им представляется невежливым. Им необходим данный акт не прямой коммуникации, чтобы избавиться от неловкости. В то же время на русском языке такой диалог звучит крайне наигранно [Дементьев 2006]. Примечательно, что дословный перевод разговора кажется неестественным также из-за несвойственного русской лингвокультуре обилия хеджей (*Can I, just, eh, I was just wondering if I could*). Применение стратегии речевого отгораживания в *small talk* делает данный вид диалога еще более непрямым и отстраненным.

Из приведенных выше примеров следует, что хеджинг может использоваться англичанами в случаях, когда они хотят соблюсти дистанцию между собой и собеседником, иными словами, защитить *privacy* (личные границы, неприкосновенность, свободу) коммуникантов. Рассмотрим данный концепт подробнее.

Важность концепта *privacy* для английской лингвокультуры отмечается многими исследователями [Джигоева 2006, 2014; Иванова 2015; Чупрына, Паршина 2019; Hewitt 2009; Hitchings 2013; Fox 2014; Mikes 2015]. В русской лингвокультуре он играет гораздо меньшую роль, что подтверждается тем фактом, что подобрать емкий эквивалент слову «*privacy*» в русском языке

² Том: Можно к Вам на пару слов?

Грег: Да, конечно. Присаживайтесь.

Том: Хорошая погода, правда?

Грег: Ага.

Том: Да, неплохая выдалась неделя. Вы ездили кататься на лыжах в эти выходные?

Грег: Да, ездил. Так чем я могу Вам помочь?

Том: Я всего лишь хотел спросить: не могли бы Вы дать мне отгул на пятницу, чтобы у меня было три выходных дня?

невозможно, необходимо прибегать к описательному переводу. В англоязычных словарях можно найти следующие определения:

- the state of being alone, or the right to keep one's personal matters and relationships secret³ [Cambridge Academic Content Dictionary];
- the state of being able to be alone, and not seen or heard by other people; the state of being free from public attention⁴ [Longman Dictionary of Contemporary English];
- (*especially British*) the quality or state of being apart from company or observation; freedom from unauthorized intrusion⁵ [Merriam-Webster Dictionary].

Из приведенных выше словарных статей следует, что под *privacy* понимается нахождение наедине с собой, право человека находиться в одиночестве, свобода хранить в тайне информацию о себе и своих делах, свобода от общественного внимания и незаконного вмешательства в личную жизнь. Таким образом, предлагаемые англо-русскими словарями переводы «уединение», «уединенность», «тайна», «секретность», «личное, частное дело» [Cambridge Learner's Dictionary English-Russian, Новый большой англо-русский словарь] не способны в полной мере передать значение рассматриваемого слова.

В отечественных лингвистических исследованиях, посвященных изучению концепта *privacy*, чаще всего можно встретить термин «автономия личности». Несмотря на то, что данное словосочетание не универсально для перевода в рамках всех контекстов, в которых может встретиться слово «*privacy*», оно представляется наиболее подходящим для обозначения лингвокультурологического концепта. Также, на наш взгляд, в большом количестве ситуаций при переводе удачным оказывается использование сочетания «личные границы».

³ Состояние одиночества, или право держать в тайне свои личные дела и отношения.

⁴ Состояние, когда существует возможность находиться в одиночестве, не будучи слышимым или видимым другими людьми; состояние свободы от общественного внимания.

⁵ Качество или состояние нахождения в стороне от компании или всеобщего наблюдения; свобода от несанкционированного вторжения.

Примечательно, что в словарной статье американского толкового словаря [Merriam-Webster Dictionary] есть помета о том, что слово «*privacy*» наиболее часто используется в британском варианте английского языка. Данный факт указывает на то, что концепт автономии личности в британской культуре имеет большую важность, чем в американской.

О важности концепта *privacy* в культуре британцев пишут О. Г. Чупрына и Н. Д. Паршина в учебном пособии «Межкультурное общение. Всё, что Вам необходимо знать». Авторы говорят о том, что англичане крайне высоко ценят личные границы окружающих и испытывают дискомфорт, когда приходится их нарушать. Именно поэтому каждый британец в среднем говорит «*sorry*» 8 раз в день, даже в тех ситуациях, когда ему не за что извиняться. Например, если официант нечаянно прольет на посетителя кофе, то извинятся оба [Чупрына, Паршина 2019].

Как отмечает К. Хьюит, англичан с самого детства учат не нарушать личные границы (*privacy*) окружающих. Например, не поощряется, когда ребенок рассказывает о том, как прошел его день, кому-то за пределами семейного круга, потому что это приравнивается к навязыванию своей компании собеседнику. Считается дурным тоном начинать разговор, если у коммуниканта нет уверенности, что его потенциальный собеседник действительно хочет принять в нем участие [Hewitt 2015]. Таким образом, с одной стороны, англичане могут казаться холодными и слишком отстраненными, а с другой, благодаря стремлению избегать вторжения в чужие личные границы, английская культура оказывается толерантной ко всему новому и непривычному, так как в ней не принято открыто выражать свое недовольство.

Рассмотрим подробнее, каким образом важность концепта *privacy* отображается в использовании хеджинга в речи англичан. Для начала следует определить, какие существуют виды личных границ (*privacy*). Исследователи Р. Финн, Д. Райт и М. Фридевальд [2013] выделяют семь типов личных границ:

1. *Privacy of the person* (неприкосновенность личности) – заключается в том, что каждый человек имеет право на неприкосновенность, право хранить информацию о своем физическом состоянии в тайне.
2. *Privacy of behaviour and action* (свобода действий) – заключается в том, что каждый человек имеет право иметь собственные предпочтения (религиозные, политические, сексуальные и т.д.) и поступать на свое усмотрение; нельзя заставлять человека делать что-то против его воли.
3. *Privacy of communication* (свобода общения) – заключается в том, что человек имеет право хранить в тайне свои переписки, звонки и т.д., а также имеет право отказаться от общения, если захочет.
4. *Privacy of data and image* (неприкосновенность информации и репутации) – заключается в том, что никто не имеет права получать доступ к личной информации человека без его ведома и согласия.
5. *Privacy of thoughts and feelings* (свобода мыслей и чувств) – заключается в том, что человек имеет право думать, о чем ему угодно, и испытывать любые эмоции, при этом он не обязан делиться ими с окружающими.
6. *Privacy of location and space* (свобода передвижения) – заключается в том, что человек имеет право находиться там, где считает нужным, и сам может решать, куда ему отправиться.
7. *Privacy of association, group privacy* (свобода связей) – заключается в том, что человек имеет право ассоциировать себя с любой группой людей (например, с демократами, баптистами и т.п.) [Finn, Wright, Friedewald 2013].

При этом важно помнить о том, что границы (*privacy*) одного человека заканчиваются там, где начинаются границы другого. Во время разговора собеседникам чаще всего приходится нарушать свободу общения, свободу действий, свободу мыслей и чувств.

Свобода общения зачастую нарушается, например, когда турист на улице подходит к прохожему и пытается что-то спросить (например: «*How can I get to*

*King's Cross?*⁶»), тем самым как бы вынуждая собеседника вступить в речевое взаимодействие. Как пишет К. Хьюитт, британцы предпочитают по возможности избегать общения с незнакомцами и испытывают дискомфорт при необходимости вступить в диалог [Hewitt 2015]. Однако если прибегнуть к стратегии хеджинга и сформулировать запрос, например, следующим образом: «*Could you, please, tell me how I can get to King's Cross?*»⁷, – то формально у собеседника остается выбор: он может либо согласиться помочь и показать дорогу до вокзала, либо сказать: «*No, I couldn't*»⁸, – и уйти.

Когда один из собеседников выражает просьбу, дает совет или критикует, то есть формулирует высказывание с целью добиться от другого человека определенных действий, то он нарушает чужую свободу действий. Представителям британской культуры свойственно избегать ситуаций воздействия на окружающих [Иванова, Михалёва 2024: 94], однако это не всегда представляется возможным. Чтобы минимизировать подобное вторжение в чужие личные границы, также можно использовать хеджи: «*Could you, please, pass me the salt?*»; «*It can be useful for you to read this book*»; «*I reckon, you sounded a bit too loud*», etc. Таким образом адресант показывает, что выбор всегда остается за его собеседником и что ни одно решение не принимается за него.

Одной из отличительных черт менталитета англичан является повышенная забота о *свободе мыслей и чувств*. К. Фокс также отмечает, что, несмотря на то, что на самом деле у англичан есть потребность в искреннем выражении своих эмоций, в более тесных контактах, все нормы и традиции, регулирующие социальное и речевое взаимодействие в их культуре, направлены на то, чтобы подавлять свои чувства и не навязывать их окружающим [Fox 2014]. Поэтому носителям английской культуры свойственно часто использовать в своей речи преуменьшение (*understatement*), и, например, даже о лучшем концерте в своей жизни они могут сказать: «*It was not bad, kind of interesting*»⁹. *Understatement*

⁶ Как мне добраться до Кингс-Кросса?

⁷ Не могли бы Вы подсказать, как мне добраться до Кингс-Кросса?

⁸ Нет, не могу.

⁹ Было неплохо, довольно интересно.

(недооценка, преуменьшение, смягчение, недосказанность, умолчание) – это «прием намеренного занижения оценки или неполной подачи информации о предмете, создающий несоответствие правде» [Джигоева 2006: 42]. Джордж Майкс в своем исследовании английского юмора пишет, что *understatement* – не это просто речевой прием, это стиль жизни англичан [Mikes 2015: 46]. Как было отмечено ранее, данный прием может быть реализован в диалоге средствами хеджинга (в примере выше это было сделано с помощью отрицательной конструкции *not bad* и сочетания *kind of*): снижается эмоциональность высказывания, а значит, и уровень навязывания своих чувств и эмоций собеседнику.

Хеджинг также используется для защиты остальных типов свободы личности (*privacy*). Приглашая собеседника куда-нибудь сходить, адресант рискует нарушить его право на свободу передвижения. Следовательно, в данной ситуации предпочтительно использовать стратегию речевого отгораживания, чтобы у адресата была возможность отказаться:

– *Would you like to go to the park tonight?*

– *No, I wouldn't*¹⁰.

Примером нарушения неприкосновенности информации является ситуация, когда молодой человек просит у девушки номер ее телефона. Хеджинг снова позволяет сделать это вежливо и по возможности ненавязчиво:

– *Would it be OK if I asked you for your phone number?*

– *No, it wouldn't*¹¹.

Таким образом, хеджинг является вербальным отражением важности концепта *privacy* для английской культуры. Данная речевая стратегия позволяет представителям рассматриваемой культуры справиться со свойственной их национальному характеру социальной неловкостью (*social dis-ease*) и по возможности избежать вторжения в чужие личные границы.

¹⁰ – Не хочешь пойти сегодня в парк?

– Нет.

¹¹ – Вы не возражаете, если я попрошу Ваш номер телефона?

– Возражаю.

1.2.2 Прагматический потенциал хеджинга

Вопрос о прагматике хеджинга уже затрагивался нами в первом параграфе диссертационной работы, так как данный аспект лег в основу многих классификаций средств речевого отгораживания (например, классификации К. Хайленда, Э. Принс и др.). Остановимся на нем более подробно.

Большой интерес среди исследователей вызывает прагматическая сторона хеджинга в рамках политического дискурса. Как отмечают Т. И. Грибанова и Т. М. Гайдукова, средства речевого отгораживания являются важной составляющей как подготовленной, так и неподготовленной речи политиков. В подготовленных выступлениях, однако, они встречаются несколько реже, так как выступающим не приходится использовать хеджи для заполнения пауз хезитации [Gribanova, Gaidukova 2019].

Анализ научных работ, рассматривающих прагматику хеджинга в речи политических деятелей, показал, что стратегия речевого отгораживания в рамках политического дискурса используется для:

- демонстрации вежливости;
- избегания категоричных заявлений и обещаний, которые сложно выполнить, однако выгодно давать для привлечения внимания избирателей;
- интимизации общения с публикой;
- снятия ответственности за высказанную информацию или критику;
- придания высказыванию неимпозитивности, для представления ситуации в выгодном для адресанта свете;
- снижения риска конфликта с оппонентами;
- демонстрации открытости к диалогу;
- эвфемизации речи;

- размывания собственного мнения по неоднозначным вопросам [Мурашова 2018; Табаринцева-Романова 2018; Пастухова 2018, 2020; Гусева, Баркина 2022; Rabab'ah 2015; Gribanova, Gaidukova 2019].

Примечательно, что в работе Б. Фрейзера, посвященной анализу хеджинга в речи президента Дж. Буша-младшего, автор приходит к выводу, что вежливость крайне редко является целью использования хеджей в высказываниях политика. Гораздо важнее оказывается создание неоднозначности, стремление избежать точных заявлений [Fraser 2010]. Таким образом, стратегия речевого отгораживания является неотъемлемым признаком речи политиков, позволяя им сохранять свой имидж и оставляя им место для маневра.

Прагматика хеджинга в академической среде также нередко становится объектом исследования в лингвистических работах. Анализируются как устный дискурс [Катина 2014; Михалева, Пушнина 2022], так и письменный [Salager-Meyer 1995; Hyland 1996; Hu 2011; Samaiea et al. 2014; Loi 2015; Livytska 2019].

В статье А. П. Марюхина хеджинг выделяется как один из главных маркеров научного текста [Марюхин 2008б: 114]. Исследование прагматики данной речевой стратегии позволило выделить ряд основных функций, выполняемых средствами хеджинга в рамках письменного академического дискурса:

- **Прототипизация**, то есть создание некоего прообраза, необходимая ученым для разработки классификаций и отнесения объекта или явления к определенной категории. В данном случае важно различать, например, такие фразы, как «*A carp is a sort of a fish*¹²» и «*A whale is a sort of a fish*¹³». Так как кит на самом деле рыбой не является, во втором предложении сочетание *sort of* использовано в качестве хеджа, в то время как в первом предложении оно используется в прямом значении (вид рыбы).

- **Градуализация**, как правило, представленная формами степеней сравнения прилагательных, наречиями степени и прилагательными с

¹² Карп – это вид рыбы.

¹³ Кит – это что-то вроде рыбы.

суффиксами прилагательных типа *-ish*. Хеджинг позволяет ученым описывать не до конца изученные явления, оставляя пространство для некоторой неточности и допуская изменение результатов с ходом развития науки: «*That is the lowest temperature recorded **thus far***¹⁴».

- **Квантификация**, в рамках которой хеджинг позволяет снижать категоричность предложений, содержащих «нечеткие числа». Например, утверждение «*Nearly all dwarf planets are small in size*¹⁵» становится менее категоричным за счет хеджа *nearly*.

- **Неопределенность**, создаваемая средствами речевого отгораживания, также свойственна научному тексту. Примечательно, что хеджи могут быть использованы с целью повышения неопределенности даже в предложениях, содержащих конкретные числовые данные: «*The number of such people is **relatively** high, 45% of the respondents*¹⁶».

- **Преуменьшение** является еще одним приемом снижения категоричности суждения в научном тексте. Примером может служить следующее высказывание: «*Some of the respondents felt **a bit** nervous when the following question was asked*¹⁷».

- **Митигация**, то есть смягчение утверждений, позволяет автору снизить негативное воздействие на читателя, а также защитить свое «лицо» через ослабление силы высказывания и подчеркивание его субъективности: «*We **believe**, the obtained data allow us to...*¹⁸» [Марюхин 2010: 115–116].

Анализ литературы показал, что если раньше авторы старались писать свои научные труды максимально обезличенным языком и их единственной функцией считалось одностороннее информирование о результатах исследования, то сегодня доминирует точка зрения, согласно которой, выпуская, например, статью, автор вступает в диалог со всем научным сообществом. Как следствие,

¹⁴ Это самая низкая температура, зафиксированная на сегодняшний день.

¹⁵ Почти все карликовые планеты имеют небольшой размер.

¹⁶ Число таких людей относительно велико – 45% респондентов.

¹⁷ Некоторые респонденты немного нервничали, когда им был задан следующий вопрос.

¹⁸ Мы считаем, что полученные данные позволяют нам...

некоторые черты диалогического дискурса стали использоваться и в письменных работах [Meyer 1997; Hyland 2009; Михалёва 2022; Сулейманова, Тивьяева 2022].

Одной из диалогических черт в академических текстах является вежливое снижение силы высказывания с помощью хеджинга. Как пишет П. Дж. Майер, использование стратегии речевого отгораживания позволяет усиливать вес аргументов [Meyer 1997]. Если хеджировать самое смелое предположение, тем самым снижая его категоричность, то повышаются шансы на то, что оно будет положительно принято научным сообществом. Данный факт объясняется нелюбовью человека к ситуациям, когда ему агрессивно навязывают определенную точку зрения.

В устном англоязычном дискурсе также наблюдается тенденция к увеличению количества хеджей. Проанализировав публичные выступления англоязычных ученых, Е. И. Михалева и И. В. Пушнина отметили повышение уровня интеракциональности и снижение уровня формальности высказываний [Михалева, Пушнина 2022]. Вероятно, одним из факторов, влияющих на выбор спикерами чуть более неформального стиля общения, является растущий тренд на популяризацию и коммерциализацию науки [Владыкин 2013; Устинов 2017; Журавлева, Фурсов 2018; Панина 2019]. Успех спикера у слушателей зависит от его способности создать привлекательный образ и умения «говорить на одном языке» с аудиторией [Просодия современного англоязычного устного дискурса 2015: 17]. Чем выше коммуникативные навыки ученого, тем большую аудиторию он сможет привлечь.

Хеджинг играет важную роль в выстраивании положительного образа выступающего. Так, например, нередко участники научного дискурса в рамках устной коммуникации стремятся снизить свой социальный статус с помощью хеджей-аппроксиматоров и хеджей-щитов: «*I must admit I'm beginning to feel a little bit like a dinosaur in the world of Corpus linguistics*¹⁹» или «*It looks as though*

¹⁹ Должен признаться, я начинаю чувствовать себя динозавром в мире корпусной лингвистики.

*I'm going to say 5 important things but actually there are only 2 main takeaway notes*²⁰» [Михалёва, Пушнина 2022: 118]. Данный прием позволяет говорящему соблюсти максимум скромности, которая, согласно теории Дж. Лича, наравне с максимумами такта, щедрости, согласия, одобрения и симпатии является одной из составляющих принципа вежливости [Leech 1983].

Во многих работах авторы пишут о конвенциональной природе хеджирования в английской лингвокультуре: в современном социуме успешная коммуникация практически невозможна без использования данной стратегии, и собеседники используют ее неосознанно, соблюдая нормы, принятые в обществе. Важно, однако, отметить, что данное высказывание относится именно к англоязычному академическому дискурсу. Как показывают исследования, в других культурах, например, в русской, арабской или китайской, спикеры предпочитают использовать более прямые формулировки [Hu 2011; Samaiea 2014; Ларина, Витрук 2016]. Соответственно, в подобных социумах, где принято более прямое выражение мыслей, чем в английской культуре, большое количество хеджей может быть воспринято негативно: уровень доверия к научной работе, в рамках которой данные представлены слишком размыто, будет достаточно невысоким.

Трудов, посвященных анализу прагматики хеджинга в рамках межличностной коммуникации британцев, написано относительно немного. Вероятно, одной из причин тому может служить сложность в сборе материала, на основе которого можно было бы провести анализ, так как для определения прагматических особенностей хеджей необходимо опираться на контекст.

Одной из работ, где рассматривается стратегия речевого отгораживания в межличностном общении, является статья М. Ю. Россихиной и И. И. Икатовой. Авторы сфокусировались на прагматике хеджей *a bit* и *somewhat*. Преимущество данной работы заключается в том, что ученые анализировали авторский корпус диалогов и имели возможность уточнить у коммуникантов, что именно

²⁰ Может показаться, что я собираюсь рассказать о пяти важных вещах, но на самом деле в моем выступлении есть только две основных мысли.

адресанты имели в виду, используя то или иное языковое средство. Анализ типичных микродиалогов позволил выявить, что хедж *a bit* может быть использован в рамках межличностного общения в следующих целях:

- для смягчения критики. Так, во фразе «*a bit salty to my taste*²¹» речевое отгораживание подчеркивает субъективность суждения, снижает категоричность и добавляет вежливости;
- для предоставления себе свободы действий при высказывании намерения. Например, в ситуации, когда девушку-шопоголика спрашивают, чем она собирается заняться, она говорит: «*A bit of window-shopping*²²». В данном случае также создается комический эффект (ирония);
- для снижения уровня напряжения при описании критической ситуации. Например, когда помощница воспитателя уронила на пол поднос с грязной посудой и ее спросили, что случилось, она использовала формулировку «*a bit of an accident*²³»;
- для проявления скромности, скрытого несогласия или достижения компромисса в ответ на похвалу или критику: «*Yeah, I'm a bit like that*²⁴».

Хедж *somewhat*, согласно исследованию, используется британцами:

- для снижения степени эмоциональности высказывания. Например, когда учительница получила очень хорошую новость от руководства, она описала свои чувства следующим образом: «*I was somewhat surprised*²⁵»;
- как «филлер» (прагматическая вставка), дающий говорящему время на подбор слов. В подобных случаях данное средство речевого отгораживания нередко выделяется дополнительными паузами с обеих сторон: «*I'm feeling... | somewhat... | worried*²⁶»;

²¹ На мой вкус, чуть пересолили.

²² Немного погляжу витрины.

²³ Небольшое происшествие.

²⁴ Да, это немного похоже на меня.

²⁵ Я была несколько удивлена.

²⁶ Мне... немного... тревожно.

- для смягчения критики: «*You don't need to sound somewhat... businesslike*²⁷» [Россихина, Икатова 2020: 254–259].

Таким образом, полифункциональность средств непрямого общения и высокая зависимость их значения от контекста, отмечаемые многими учеными, несколько затрудняют изучение прагматики хеджинга. Прагматические особенности стратегии речевого отгораживания наиболее подробно описаны в рамках научного и политического дискурсов, в то время как функционирование хеджей в иных коммуникативных ситуациях, на наш взгляд, пока не получило достаточного освещения в современных лингвистических исследованиях.

1.2.3 Социокультурные особенности хеджинга

Несмотря на то, что в речи носителей одного и того же языка можно выявить определенное количество общих характеристик, утверждать, что представители одной лингвокультуры говорят одинаково, было бы недопустимым упрощением. Социолингвистика на протяжении уже многих десятилетий занимается описанием особенностей речи разных социальных групп: мужчин и женщин, представителей разных профессий, возрастных групп, людей с разным уровнем доходов и т.д. Нередко объектом таких исследований становится не прямая коммуникация в целом и хеджинг в частности.

Результаты исследований гендерной специфики использования хеджинга несколько противоречивы. Одна из первых работ, посвященных данной теме, была написана Р. Лакофф [Lakoff R. 1973]. Лингвист сравнила частоту использования ряда средств непрямого общения (хеджи, разделительные вопросы, аффективные прилагательные и интенсификаторы) в мужской и женской речи. В результате сопоставительного анализа Р. Лакофф пришла к выводу, что женщины гораздо чаще прибегают к использованию средств непрямого общения.

²⁷ Тебе не обязательно говорить в таком... несколько деловом тоне.

Объяснением различий в степени прямоты коммуникации среди двух гендеров послужило следующее предположение: в процессе воспитания девочек приучают выражать свои мысли менее прямо, чтобы звучать менее категорично, чем мужчины, в то время как мальчикам внушают идею о необходимости доминирования, в том числе через прямолинейность и директивность. Таким образом, женщины привыкают снижать силу своих высказываний и использовать «извинительный тон», например, добавляя средства речевого отгораживания, словно оправдываясь за то, что они посмели высказать свое предположение [Lakoff R. 1973]. Подобные идеи основываются на доминировавшем ранее представлении о распределении гендерных ролей: женщина должна была быть хорошей домохозяйкой, матерью и покладистой женой, а мужчина – защищать интересы своей семьи, успешно выстраивая коммуникацию за пределами домашнего очага.

Идеи, сформулированные в данном объяснении результатов исследования, некоторым лингвистам, однако, представляются несколько устаревшими и, возможно, несправедливыми по отношению к женщинам. Так, Дж. Холмс оспаривает точку зрения Р. Лакоффа, представляя результаты собственного сопоставительного анализа хеджинга в речи мужчин и женщин. Внимание исследователя было сосредоточено на следующих языковых средствах: разделительный вопрос, сочетания *sort of*, *you know*, *I think*, *of course*. Дж. Холмс пришла к выводу, что представители обоих полов прибегают к стратегии хеджинга с примерно одинаковой частотой, однако с разными целями: разделительные вопросы чаще используются мужчинами для выражения неуверенности, в то время как для женщин они в большем количестве случаев становятся способом проявить вежливость. Сочетания *sort of* и *you know* как маркеры неуверенности в основном встречаются в мужской речи, а сочетание *I think* в качестве интенсификатора чаще используется женщинами (мужчины предпочитают использовать с данной целью выражение *of course*) [Holmes 1990].

Расхождения в выводах двух ученых можно было бы объяснить относительно большим количеством времени, прошедшим между двумя

исследованиями (около 15 лет) и изменением в представлении о гендерных ролях, произошедшим за последние десятилетия. Однако более поздние работы, посвященные данной тематике, в основном подтверждают идею Р. Лакофф о том, что женщины более склонны к использованию не прямой коммуникации, хотя причины различий в речевом поведении двух полов предлагаются иные.

Например, Д. Теннен пишет, что хеджинг в женской речи зачастую отражает не позицию подчинения, а поддержку и понимание. Стратегия речевого отгораживания и другие средства не прямой коммуникации могут служить для женщины инструментами контроля и ведения беседы [Tannen 1994]. Таким образом, женщина имеет возможность встать в позицию силы по отношению к адресату в менее очевидной форме, чем при использовании «мужского» прямого способа выражения мыслей.

С точки зрения анализа динамики в изменении степени прямооты мужских и женских высказываний представляет интерес сравнение выводов из исследования Р. Лакофф [Lakoff R. 1973] с выводами, к которым в 2014 году приходят М. Ханафией и А. Афгари. Ученые замерили и сопоставили частоту использования обоими полами средств не прямой коммуникации, проанализированных в работе Р. Лакофф, и получили схожие результаты. В статье отмечается, что женщины чаще мужчин используют хеджи, разделительные вопросы, интенсификаторы и аффективные прилагательные. Разница в распространенности наречий оказалась незначительной [Hanafiye, Afghari 2014].

Однако нередко на особенности речи человека в большей степени влияет не гендерная принадлежность, а профессиональная деятельность. Так, исследование В. А. Баркиной и А. А. Гусевой показало, что американские политики (и женщины, и мужчины) используют хеджинг в своих выступлениях примерно с одинаковой частотой [Гусева, Баркина 2022]. Поэтому ученые часто специально оговаривают, что для получения наиболее точных и объективных результатов анализа необходимо принимать во внимание множество факторов: гендер, возраст, достаток, профессию, семейное положение и т.д., что, к

сожалению, не всегда представляется возможным, особенно в рамках корпусных исследований.

Если работ, посвященных гендерному вопросу в использовании хеджинга, существует относительно большое количество [Гусева, Баркина 2022; Lakoff R. 1973; Holmes 1990; Tannen 1994; Hanafiye, Afghari 2014], то исследований связи социального статуса и склонности использовать средства речевого отгораживания нам обнаружить не удалось. Косвенно судить о популярности стратегии хеджинга среди представителей определенных профессий можно по обилию исследований ее особенностей в научном, политическом и массмедийном дискурсах. Однако становится очевидным, что вопрос об особенностях использования средств не прямой коммуникации в целом и хеджинга в частности среди людей, относящихся к разным слоям общества, требует дальнейшего изучения.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Анализ научных работ, посвященных изучению не прямой коммуникации в целом и хеджинга в частности, позволяет сделать следующие выводы.

1. Непрямая коммуникация в лингвистике – это содержательно осложненная коммуникация, понимание которой требует от адресата дополнительных интерпретативных усилий, так как заложенный смысл не отображается в высказывании напрямую. Основные признаки не прямой коммуникации – осложненная интерпретативная деятельность адресата, ситуативная обусловленность и креативность. К языковым и речевым явлениям, которые охватывает не прямая коммуникация, относят имплицитность, эвфемию, косвенные речевые акты, художественные тропы, иронию, языковую игру и т.п.

2. Представители разных культур по-разному строят свои высказывания, а следовательно, и по-разному подходят к использованию средств не прямой коммуникации в речи. Так, если в английской лингвокультуре наличие таких средств необходимо для ведения вежливой беседы, то в русскоговорящем сообществе косвенные высказывания нередко воспринимаются негативно.

3. Для английского языка характерно использование такого вида не прямой коммуникации, как хеджинг. Под средствами хеджинга понимаются фразы и слова, придающие высказыванию неопределенность, подчеркивающие неуверенность говорящего в своей правоте и в некоторой мере снимающие с него ответственность за сказанное.

4. Хеджинг реализуется в речи через ряд лексических, грамматических и фонетических средств. К ним можно отнести особое использование видовых и временных форм глаголов, модальность, глаголы умственной деятельности и чувственного восприятия, безличные конструкции и местоимения, отрицание, двойное отрицание, не прямые и разделительные вопросы, придаточные условия, выражающие слабость признака или приблизительность суффиксы, паузы

хезитации, средний ровный ядерный тон, снижение громкости высказывания и т.д.

5. Широкая вариативность средств речевого отгораживания усложняет комплексное рассмотрение его ритмомелодических характеристик. В связи с этим представляется, что одной из наиболее перспективных стратегий изучения просодии хеджинга является фокус на конкретных языковых единицах.

6. В языковой картине мира англичан хеджинг является вербальным отражением важности концепта *privacy* для английской культуры. Данная речевая стратегия позволяет англичанам справиться со свойственной их национальному характеру социальной неловкостью (*social dis-ease*) и по возможности избежать вторжения в чужие свободу общения, свободу действий, свободу мыслей и чувств.

7. Средства речевого отгораживания полифункциональны, и их функция напрямую зависит от контекста, что осложняет изучение их прагматической стороны. В современной лингвистике наблюдается особый интерес к прагматике хеджинга в академическом и политическом дискурсе, где стратегия речевого отгораживания помогает создать положительный образ коммуниканта, оставить ему место для отступления, снизить категоричность высказываний.

8. В большинстве работ, посвященных вопросу о гендерных особенностях использования хеджинга, исследователи приходят к выводу, что данная речевая стратегия чаще используется женщинами. Однако гендер нельзя назвать главным фактором, влияющим на степень прямоты высказываний коммуниканта. Важно также учитывать возраст, профессию, финансовое положение, семейное положение, классовую принадлежность и т.д.

ГЛАВА II. ОСНОВЫ ФОНЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ХЕДЖИНГА НА МАТЕРИАЛЕ КИНОДИАЛОГОВ

2.1 Материал исследования

2.1.1 Художественный фильм как материал фонетического исследования

Кинотекст является объектом лингвистических исследований уже на протяжении многих лет. Под кинотекстом в науке понимается «постановочный кинофильм, состоящий из образов, движущихся и статических, речи, устной и письменной, шумов и музыки, особым образом организованных и находящихся в неразрывном единстве» [Слышкин, Ефремова 2004: 22].

Одной из важных составляющих кинотекста является кинодиалог. Мнения исследователей о том, можно ли использовать диалоги персонажей художественных фильмов в качестве материала, но не объекта, лингвистического исследования, неоднозначны.

С одной стороны, все происходящее на экране является не трансляцией реальной жизни, а лишь ее имитацией, в первую очередь ориентированной на восприятие зрителем [Джураева 2021б: 35]. Так, в работе С. Козлофф утверждается, что кинодиалог нереалистичен: его заранее сочиняют, переписывают, вычищают лишнее, цензурируют, художественно украшают, репетируют и отыгрывают. Все черты естественности включены в него намеренно и тщательно продумываются [Kozloff 2000: 19, 25]. С данной точкой зрения соглашается А. А. Алборова, отмечая, что сценаристы зачастую стараются избегать «обыденной» речи, придавая каждому слову «весомость», вкладывая в реплики смысл, необходимый для понимания общей картины [Алборова 2013: 16].

Важно при этом отметить, что большое влияние на правдоподобность имитации живого общения в кинокартине оказывает ее жанровая

принадлежность. Как замечает Т. Берлинер, зачастую по одной фразе из голливудского фильма можно определить его жанр. Например, по прибытии полицейских грабители могут произнести фразу «*We got company*²⁸» в криминальном боевике, но не в реальной жизни [Berliner 2013: 103–104].

В то же время С. Козлофф пишет, что с развитием кинематографа как отдельного от драмы вида искусства авторы фильмов все больше тяготеют к реализму, уходя от вычурных театральных диалогов. Дополнительно сказывается снижение уровня элитарности кино и доминирования в нем белого высшего класса [Kozloff 2000: 24]. Современные сценаристы прикладывают усилия, чтобы диалоги в кино звучали естественно и соответствовали социальному происхождению персонажей [Там же: 28].

О способности современных художественных произведений отражать социолингвистическую ситуацию в обществе и «создавать на экране максимально правдоподобное отражение реальности» пишут многие исследователи [Джураева 2021а: 396]. Так, Н. Н. Кислицына и А. Г. Службина отмечают, что кинотекст может служить «репрезентативным источником потенциальных коммуникативных ситуаций» [Кислицына, Службина 2019: 518]. В работе В. Д. Шевченко кинофильм рассматривается как эффективный способ познакомиться с социальными и культурными особенностями другой страны, а также с особенностями разговорной речи ее жителей [Шевченко 2005: 135]. С этим соглашаются Т. Н. Ефименко и Ю. Е. Иванова, делая вывод о том, что кинодиалог содержит ценностно маркированные коммуникативные единицы, способные репрезентировать ценности лингвокультурного сообщества, а также генерирует и фиксирует ценностные модели социума [Ефименко, Иванова 2020: 62]. Схожую идею, с некоторыми оговорками, транслирует и Е. Казакевичуте, призывая исследователей не только анализировать язык кино и фильм как форму коммуникации, но и обратить внимание на язык и коммуникацию в кино [Kazakeviciute 2019: 5]. Таким образом, точка зрения, согласно которой

²⁸ У нас гости.

кинодиалог может стать источником знаний о языковых и речевых особенностях разных социальных групп, встречается в ряде лингвистических работ.

Кроме того, одним из важных свойств аудиовизуальных дискурсов, к которым в том числе относится кинодискурс, является псевдоустность [Козуляев 2019: 95]. Данное свойство тем не менее предполагает, что диалог в современном кинодискурсе звучит приближенно к спонтанной устной речи, словно он не был заранее написан [Корячина 2015: 93]. Для того чтобы добиться такого эффекта, авторы, переводчики, актеры и режиссеры учитывают все стороны языка, в том числе фонетическую, лексическую, грамматическую и синтаксическую [Козуляев 2018: 188]. Следовательно, можно предположить, что кинодиалоги из фильмов, снятых в жанрах, стремящихся наиболее точно передать реальную жизнь, с высокой степенью вероятности достаточно адекватно отражают аутентичную языковую действительность и в силу этого могут служить материалом для изучения особенностей речевого поведения носителей разных языков.

Для фонетистов кинодиалоги нередко становятся материалом, на котором проводятся исследования. Данные тексты позволяют изучить особенности звучания коммуникативных актов представителей ряда профессий, доступ к которым в силу разных причин может быть ограничен: полицейских [Белорукова 2015] или участников судебного процесса [Кожедуб 2009]. Также благодаря тому, что в определенных жанрах актеры стараются отыгрывать чувства и состояния своих персонажей максимально естественно, появляются работы, посвященные анализу влияния эмоций на просодию высказываний [Корлыханова 2000; Пальянов 2005]. Ученые анализируют речь людей, относящихся к разным социальным группам [Верещагина 2000; Рахматуллина 2012], или реализацию определенных речевых явлений [Сытина 2015; Туяков 2017].

В рамках настоящей диссертации мы обратились к просодическим особенностям хеджинга в репрезентации среднего и рабочего социальных классов в британских художественных фильмах и сериалах. Материалом

исследования выступили следующие британские художественные кинофильмы и сериалы:

- «Love Actually» (2003), реж. Р. Кёртис;
- «Shameless» (2004–2013), созд. П. Эбботт;
- «Fish Tank» (2009), реж. А. Арнольд;
- «Misfits» (2009–2013), созд. Г. Оверман;
- «About Time» (2013), реж. Р. Кёртис;
- «I, Daniel Blake» (2016), реж. К. Лоуч;
- «Fleabag» (2016–2019), созд. Ф. Уоллер-Бридж;
- «Sorry We Missed You» (2019), реж. К. Лоуч;
- «State of the Union» (2019–2022), созд. Н. Хорнби;
- «Staged» (2020–2022), созд. С. Эванс, Ф. Глинн;
- «Breiders» (2020–2023), созд. М. Фримен, К. Эддисон, С. Блэквел.

Все вышеперечисленные картины, созданные британскими сценаристами и режиссерами, повествуют о жизни современного британского общества. Многие из них были отмечены престижными наградами и отдельно отмечались кинокритиками за правдоподобное отображение реалий жизни в Соединенном Королевстве. Общая продолжительность анализируемого видеоматериала составила 12 часов 45 минут. Из диалогов героев-британцев, сыгранных британскими актерами, методом сплошной выборки нами были отобраны высказывания, содержащие лексико-грамматические средства хеджинга (1032 единицы: 516 реплик героев из среднего класса и 516 – из рабочего класса). Таким образом, в среднем хеджинг использовался персонажами около одного раза в минуту, что указывает на крайне высокую частотность данной речевой стратегии в межличностной коммуникации британцев обеих социальных групп.

2.1.2 Хеджи в речи героев – представителей среднего класса

Определение британского среднего класса

Вопрос, связанный с определением своего социального статуса, в силу исторически обусловленных причин крайне важен в Соединенном Королевстве. Вслед за В. И. Карасиком под социальным статусом мы понимаем «соотносительное положение человека в социальной системе, включающее права и обязанности и вытекающие отсюда взаимные ожидания поведения» [Карасик 2002: 5]. Таким образом, статус индивида или группы обуславливается местом их в иерархически организованной структуре. Он включает в себя множество занимаемых человеком социальных позиций, как данных ему от рождения, так и приобретенных. Одной из таких позиций является социальный класс.

Согласно «Большому толковому социологическому словарю», британское общество традиционно принято делить на три основных класса: рабочий, средний и высший [БТСС 1999а: 285]. Учеными периодически предпринимаются попытки придать данной классификации точность, расширив количество классов с учетом все большего количества факторов: финансового положения индивида, его профессии, престижа, титула, образования и т.д. Так, например, в 2013 году корпорацией BBC было проведено исследование, направленное на описание стратификации британского общества XXI века сквозь призму социального, культурного и экономического измерений. В результате было выявлено семь классов:

- 1) элита (высокий социальный, культурный и экономический уровень жизни);
- 2) укоренившийся средний класс (высокий социальный и экономический уровень, второе место по культурному уровню);
- 3) промышленный средний класс (высокий достаток, но низкий уровень социального и культурного статуса);
- 4) новые зажиточные рабочие (социально и культурно активный класс со средним уровнем достатка);

- 5) традиционный рабочий класс (низкий социальный, культурный и экономический уровень жизни, однако уровень достатка не позволяет отнести представителей к неимущим);
- 6) развивающиеся работники в сфере обслуживания (довольно бедный класс, но с относительно высоким социальным и культурным уровнем развития);
- 7) «прекариат», или неустойчивый пролетариат (самый бедный и неимущий класс с самым низким уровнем социальной и культурной жизни) [BBC: URL].

В задачи настоящего исследования не входит подробное описание классовой системы британского общества, поэтому далее будет использоваться традиционная классификация с делением на три социальных класса.

Одним из ярких проявлений принадлежности к тому или иному классу является речь. Т. И. Шевченко отмечает, что при установлении социального статуса индивида большое значение имеют фонетические признаки, так как в них отражаются особенности образа жизни человека [Шевченко 2017: 216]. Информацию о положении человека в обществе несут характер и степень отклонения от произносительного стандарта [Шевченко 2016: 40]. В Великобритании – стране, славящейся разнообразием акцентов и диалектов, – это проявляется особенно ярко. Как показало исследование, описанное в работе британского лингвиста Дж. Ч. Уэллса, для британцев «речевые характеристики» оказались более показательным индикатором социального статуса, чем профессия, доход и образование. При этом, по мнению ученого, главным образом в понятие «речевых характеристик» участники опроса вкладывали именно произносительные особенности, и только потом лексические и грамматические [Wells 1982]. В других странах ответы респондентов, вероятно, могли бы оказаться иными, однако для жителей Соединенного Королевства связь между фонетическими и социальными признаками неразрывна.

Примечательно, что работа над произношением является одним из способов изменения своего положения в обществе. Так, Д. Кристалл и

Б. Кристалл пишет, что в течение жизни многие носители английского языка целенаправленно меняют акцент, чтобы приблизиться к звучанию социальной группы, к которой они стремятся принадлежать [Crystal 2014: 16]. Зачастую данные изменения направлены на избавление от отклонений от нормы, которой в Британии традиционно считается *Received Pronunciation (RP)*.

Сегодня, однако, исследователи говорят о значительных изменениях в английском произносительном стандарте по сравнению с прошлым веком и предпочитают вместо термина *RP* использовать сочетания *Modern RP*, *General British (GB)*, либо *Standard Southern British (SSB)* [Lindsey 2019: 4]. Именно с данным акцентом, присущим современному британскому среднему классу, в основном говорят персонажи, анализ просодии хеджинга в речи которых отражен далее в параграфе 3.1.

Таким образом, в настоящем исследовании мы отнесли к среднему классу героев кинофильмов, говорящих с акцентом *SSB*, а также, согласно словарям, занимающихся «неручным трудом» [БТСС 1999б: 282], относящихся к социальной группе, состоящей из «хорошо образованных людей (например, доктора, юристы, учителя), имеющих хорошую работу, не бедных, но и не очень богатых» [Cambridge Advanced Learner's Dictionary 2024: URL].

Рассмотрим далее прагматические и лексико-грамматические особенности хеджинга в речи представителей среднего класса в корпусе исследования.

Прагматические особенности хеджинга в речи среднего класса

Речевой акт и его ритмомелодика очень тесно взаимосвязаны с прагматикой [Бурнакова, Боргоякова 2018б: 65]. Поэтому для корректной лингвистической интерпретации дальнейшего фонетического исследования нами был проведен контекстуальный и функционально-прагматический анализ хеджированных высказываний в речи киногероев с целью выявить коммуникативные задачи (далее по тексту – КЗ), для решения которых британцы могут прибегать к стратегии хеджинга в рамках межличностного общения. Всего

нами было установлено десять основных КЗ. Основываясь на статьях «Большого толкового словаря русского языка» [2014], определим каждую из них:

- 1) **запрос информации** – адресанту необходимо получить от собеседника ответ на конкретный вопрос;
- 2) **критика** – адресант дает негативную оценку действиям, поведению или внешнему виду собеседника;
- 3) **мнение** – адресант делится оценочным суждением о чем-либо или о ком-либо;
- 4) **предположение** – адресант высказывает предварительное суждение либо допускает возможность чего-либо, не обладая точными знаниями о предмете разговора;
- 5) **факт** – адресант говорит о том, что произошло или объективно существует в действительности, обладая точными знаниями о предмете разговора;
- 6) **намерение** – адресант предупреждает о своих дальнейших действиях (согласие собеседника не требуется);
- 7) **предложение** – адресант говорит о своей готовности к определенным совместным или индивидуальным действиям (при желании на то собеседника) либо выносит на рассмотрение план действий, которому при желании может последовать собеседник;
- 8) **просьба** – адресант обращается к собеседнику с призывом удовлетворить его желания или нужды (у собеседника есть возможность отказать);
- 9) **требование** – адресант с позиции силы обращается к собеседнику с призывом удовлетворить его желания или нужды (у собеседника нет возможности отказать);
- 10) **совет** – адресант предлагает собеседнику поступить определенным образом.

На Рисунке 2.1 представим результаты количественного анализа КЗ хеджированных высказываний в корпусе исследования.

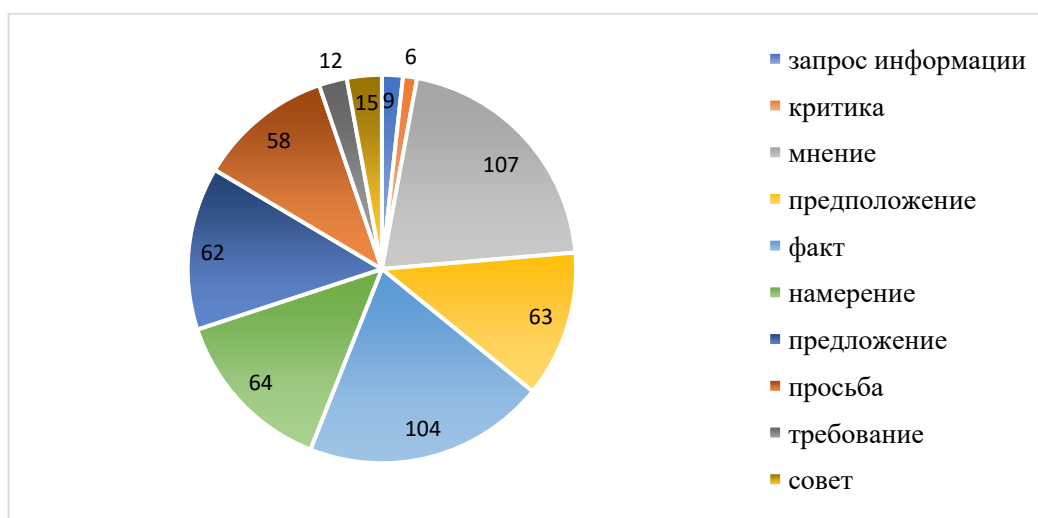

Рисунок 2.1 – КЗ, решенные с использованием хеджинга (средний класс)

Чаще всего в проанализированных диалогах хеджируются выражение мнения (107 высказываний) и констатация факта (104 высказывания).

Как отмечалось в первой главе исследования, хеджинг позволяет коммуникантам снизить силу воздействия на собеседника, что оказывается особенно актуально при выражении **мнения**. В первую очередь данный эффект достигается путем подчеркивания субъективности высказанной точки зрения:

- *I think it's brilliant* (Love Actually, 2003).
- *I just feel we've been bad sons this year* (Love Actually, 2003).
- *I don't think I was never as nice as you are* (Breeders, 2020–2023).
- *I thought it was incredible* (About Time, 2013).

В приведенных выше примерах говорящий отмечает, что высказывает лишь свои мысли, в то время как его собеседник может иметь совершенно иной взгляд на предмет обсуждения: ‘я думаю так, а ты можешь думать иначе’. Данный смысл вкладывается в высказывание при использовании вводных конструкций с глаголами умственной деятельности (*think, believe, suppose, guess* и др.) чувственного восприятия (*feel*) и эмоций (*fear, be afraid*).

Другим способом хеджировать мнение является снижение уровня эмоциональности высказывания при помощи наречий *a bit, quite, kind of, sort of* и т.д. Таким образом, даже такие яркие определения, как, например, *incredible* (невероятный) могут быть сглажены средствами хеджинга. В результате

эмоциональное воздействие на собеседника снижается, и вторжение в его личные границы минимизируется:

- *A **bit** weird* (About Time, 2013).
- *It's **sort of** moving* (Fleabag, 2016–2019).
- *That's **quite** incredible* (About Time, 2013).
- *So this is **probably** the worst* (About Time, 2013).
- *That was **a bit** sarcastic* (State of the Union, 2019–2022).

Третьим распространенным приемом для речевого отгораживания от высказанного мнения является использование безличных конструкций и разделительных и общих вопросов. Говорящий максимально отстраняется от данной им оценки, оставляет себе место для отступления и возможность сказать, что ему лишь показалось, что он не был уверен, поэтому просто поинтересовался мнением собеседника:

- ***Seems** elitist and wrong* (Love Actually, 2003).
- ***Sounds** like it's really good* (Fleabag, 2016–2019).
- *Pathetic, **isn't it?*** (Love Actually, 2003).
- *It's a conundrum, **isn't it?*** (Breeders, 2020–2023).
- ***Isn't** this room beautiful?* (About Time, 2013).

Факты в корпусе исследования хеджируются почти так же часто, как и выражение мнения. Нередко коммуниканты старались снизить значимость озвученной информации с помощью частицы *just*:

- *I **just** popped down for a while* (About Time, 2013).
- *I **just** said he was making a fuss* (State of the Union, 2019–2022).
- *It's **just** an ex-girlfriend* (Fish Tank, 2009).
- *We were **just** having a sleep, a nice little car sleep* (Breeders, 2020–2023).

В данных примерах герои просят не придавать большого значения происходящему: «Не обращайтесь внимания, мы **всего лишь** заснули в машине», или «Не стоит беспокоиться: я **всего лишь** ненадолго зашел вас проводить».

Похожий смысл выражают и сочетания со словами *kind of*, *sort of*, *a bit*, *pretty*, *quite* и т.д.:

- *I am a lawyer... sort of, sort of* (About Time, 2013).
- *It's just, you know, in the court scenes some of those lines are pretty complex* (About Time, 2013).
- *I suppose I am a bit [trying to fill the time before we go]* (State of the Union, 2019–2022).
- *So yeah, kind of on my own* (Fleabag, 2016–2019).

Глаголы умственной деятельности и чувственного восприятия также используются для хеджирования фактов достаточно часто. Несмотря на свою уверенность в сказанном, коммуниканты предпочитают использовать формулировки, характерные для выражения субъективного мнения. Таким образом они оставляют себе право на ошибку и предоставляют собеседнику возможность усомниться в истинности их слов:

- *I think he might've had a bit of nap today at my folks* (Breeders, 2020–2023).
- *Your father, I think, is not so well* (About Time, 2013).
- *I'm afraid you did it again, Bill* (Love Actually, 2003).
- *I think I can hear your dad* (Fleabag, 2016–2019).

Для вовлечения адресата в диалог и для того, чтобы формально поинтересоваться, что он думает о сказанном, при констатации факта британцы могут использовать конструкцию разделительного вопроса. Данная формулировка также позволяет собеседнику выразить свое несогласие и оспорить утверждение:

- *Yeah, but he'd stopped writing by then, hadn't he?* (Staged, 2020–2022).
- *I've introduced him to most things, haven't I, darling?* (About Time, 2013).
- *Look around, there is no fire, is there?* (Breeders, 2020–2023).
- *Well, I'm here now, aren't I?* (Fish Tank, 2009).

Третьей и четвертой по частотности КЗ в корпусе исследования стали: выражение **намерения** (72 высказывания) и **предложение** (70 высказываний)

соответственно. Данные КЗ схожи, так как обе чаще всего предполагают дальнейшие действия со стороны участников коммуникации. Для их решения наиболее часто в качестве хеджей используются модальные глаголы. Однако если намерение, как правило, формулируется с помощью повествовательного предложения, то, предлагая собеседнику что-либо сделать, британцы нередко используют вопросительные формы (из 45 предложений с модальными глаголами, 25 – вопросительные по цели высказывания).

Намерения, хеджированные модальным глаголом, словно снижают вероятность совершения действия:

- *I'd better be getting inside, actually* (Love Actually, 2003).
- *Later on, I **may** tell you about Tim's many failings as a man and as a table tennis player* (About Time, 2013).
- *I'd **better** get back to work* (Fish Tank, 2009).
- *There are a couple of details we **need** to iron out, and one or two bits and pieces I'm going to **need** to see some more on* (Fleabag, 2016–2019).

Когда герои используют формулировки: «**Лучше бы** мне зайти внутрь» или «**Я могу** рассказать вам о неудачах Тима в игре в настольный теннис», на вербальном уровне нет указаний на то, что они точно поступят именно таким образом. Также модальные глаголы при выражении намерения могут подчеркнуть вынужденность выбора дальнейших действий. Говоря: «**Мне бы лучше** вернуться к работе», «**Нам надо** уладить пару деталей», – коммуниканты указывают на то, что их поведение продиктовано внешними обстоятельствами, необходимостью, а не собственным желанием

Предложения, хеджированные модальным глаголом (особенно в сочетании с вопросительными формами), являются вербальным проявлением интереса адресанта к мнению или желаниям собеседника и звучат более осторожно, чем прямые формулировки. Так, представленная ниже в первом примере формулировка «**Могу ли** я принести тебе что-нибудь?» нарушает личные границы адресата в гораздо меньшей степени, чем прямое высказывание «**Я**

принесу тебе что-нибудь» или, еще более грубое, но точное «*Выпей что-нибудь»*»:

- *Can I get you anything?* (Fleabag, 2016–2019).
- *Hey, I was thinking we **could** take in a film after this* (About Time, 2013).
- *We **could** forget about this and try to find a man* (State of the Union, 2019–2022).
- *I just wondered if you **might** come and have a bite to eat with me instead* (About Time, 2013).

Еще одним частотным хеджем при выражении намерения в речи британцев среднего класса в корпусе исследования является наречие *just*. Оно позволяет несколько снизить значимость своих планов. Когда герой говорит: «*Мне просто/всего лишь надо спуститься вниз*» (см. первый пример далее в списке), он показывает, что данное действие не вызывает у него никаких затруднений, что он не нуждается в помощи или сочувствии со стороны собеседника:

- *I'm gonna **just** go with my mum and dad* (Breeders, 2020–2023).
- *Yeah, I **just** thought to swing by* (Fleabag, 2016–2019).
- ***Just** have to go downstairs* (About Time, 2013).
- *Can I **just** pay?* (Love Actually, 2003).

Модальные глаголы, вопросительные формы и наречие *just* также являются наиболее распространенными способами хеджировать пятую по частотности КЗ в корпусе исследования — **просьбу**. Почти половина таких высказываний сочетают в себе вопрос и модальный глагол *can*, предоставляя адресату возможность выразить отказ, а также создавая впечатление, что говорящего интересует лишь гипотетическая возможность совершения собеседником определенного действия:

- *Can you give me any clues at all?* (Love Actually, 2003).
- *Darling, **could** you just make sure the kids are ready to go?* (Love Actually, 2003).
- *Can you walk me home?* (About Time, 2013).

- *Luke, **can** you open the door?* (Breeders, 2020–2023).

На каждый из данных вопросов адресат может ответить: «*No, I can't*». Таким образом, его свобода действий остается неограниченной (по крайней мере на вербальном уровне), и в то же время его отказ будет более вежливым, так как будет обосновываться не отсутствием желания выполнить просьбу, а отсутствием возможности.

Предположение, отличаясь от сформулированного факта степенью уверенности адресанта в сказанном, в основном хеджируется схожим образом: глаголами умственной деятельности и чувственного восприятия, модальными глаголами и модальными наречиями. Каждый из данных хеджей в первую очередь направлен на то, чтобы подчеркнуть наличие сомнений говорящего в своих словах и их субъективность:

- *I **think** he was about to talk about your Hamlet* (Staged, 2020–2022).
- *It **should** be a lot easier with me than with the last lot* (Love Actually, 2003).
- *Weeks, I'm **afraid*** (About Time, 2013).
- ***Maybe** it's her counselling identity* (State of the Union, 2019–2022).

Требование и **совет**, седьмая и восьмая по частотности КЗ в корпусе исследования соответственно, направлены на изменение поведения собеседника. Однако, если совету коммуникант следовать не обязан, то выполнение требования является обязательным. Несмотря на это, на вербальном уровне британцы предпочитают создать для адресата иллюзию выбора. Обратимся к примеру, в котором начальник говорит своему водителю: «*Ты **можешь** остановиться здесь*». Очевидно, что водитель должен подчиниться, однако формулировка подразумевает, что это лишь один из вариантов его действий и что он *может* остановиться и в другом месте (что не соответствует действительности). Для того, чтобы предоставить свободу выбора (в совете) или создать ее иллюзию (в требовании), британцы в корпусе исследования, как правило, используют модальные глаголы:

- *OK, you **can** stop there* (Love Actually, 2003).

- *You **need** sorting out, you do* (Fish Tank, 2009).
- *Because you don't **need** to be worried* (Breeders, 2020–2023).
- *Although you **should** be a little careful with that, by the way* (About Time, 2013).

Вторым по распространенности хеджем в советах и требованиях стало наречие *just*, которое указывает на незначительность ожидаемого от собеседника действия и подразумевает, что ему будет несложно поступить так, как того хочет говорящий:

- *And Jerry says if you could **just** put your hands on her breasts* (Love Actually, 2003).
- *You **just** wait there* (About Time, 2013).
- *If they offer you tea, **just** say no* (About Time, 2013).
- ***Just** don't get drunk and scream through his letterbox again* (Fleabag, 2016–2019).

Запрос информации стал одной из наиболее редко хеджируемых КЗ в корпусе исследования. Так как у собеседника всегда есть возможность ответить: «Я не знаю», – дополнительно использовать средства речевого отгораживания не всегда представляется необходимым. Зачастую герои прибегали к данной стратегии в моменты, когда чувствовали себя неловко и словно хотели максимально отстраниться от ситуации в целом:

- *And I... **I just wondered** whether, by any chance, you might share my feelings* (About Time, 2013).
- ***So**, was that, **like**, "you can have my number" or...?* (Fleabag, 2016–2019).

Реже всего в проанализированных в настоящей работе диалогах средства хеджинга использовались при **критике**. Однако данный факт может говорить не столько о нежелании использовать стратегию речевого отгораживания при решении данной КЗ, сколько о склонности британцев избегать критических замечаний. Как пишет К. Хьюитт в книге «Understanding Britain Today», навязывание собственного мнения и озвучивание критики считаются

неприемлемыми для представителей английской культуры. Фразу «*Вы не должны себя так вести*» можно услышать от них только в крайних случаях. Как правило, даже если англичан что-то не устраивает, они предпочитают промолчать [Hewitt 2009]. Если все-таки возникает необходимость покритиковать собеседника (например, когда отец воспитывает непослушных детей или начальник недоволен работой своего подчиненного), то хеджинг позволяет сделать это наиболее отстраненно:

- *How many times do I **have to** tell you to be quiet?* (Breeders, 2020–2023).
- *I **think**, you're way off on the units, **aren't** you?* (Breeders, 2020–2023).
- *Is that the best you **can** do?* (About Time, 2013).

Таким образом, анализ речи героев кинофильмов и сериалов позволил выделить десять основных КЗ, решая которые британцы предпочитают прибегать к стратегии хеджинга для того, чтобы минимизировать вторжение в *личные границы* собеседников.

Отдельно отметим, что, хотя хеджинг в основном связывают со стратегиями вежливости, контекстный анализ позволил выявить ряд ситуаций, в рамках которых данное утверждение нельзя назвать справедливым. В моменты ссор и сильного эмоционального накала герои также использовали средства речевого отгораживания.

Об особенностях косвенных речевых актов, к которым относятся хеджированные высказывания, в конфликтных ситуациях писали С. Пинкер и Дж. Дж. Ли [Pinker, Lee 2010]. Согласно их точке зрения, в подобных случаях говорящий стремится оставить себе возможность для отступления и в случае неблагоприятной для него развязки опровергнуть обвинения, отрицая, что в его словах был заложен некий негативный подтекст. Однако данное объяснение не универсально. Так, например, в ссоре с женой муж говорит: «*I'm **quite** crude if you **don't mind me saying***» (State of the Union, 2019–2022). Или рассерженный отец кричит на сына: «*So **how about I just** push safety man down a fu**ing starewell then he won't be safety man anymore, **will he?***» (Breeders, 2020–2023). В данных ситуациях герои вряд ли заботились о том, что впоследствии их могут обвинить

в грубости, и осознанно хеджировали свои высказывания. Напротив, эмоциональное возбуждение не позволяет героям обдумывать свою речь, и мы можем предположить, что они проявляют наиболее естественную для себя реакцию.

С прагматической точки зрения трактовать функцию хеджинга в подобных высказываниях может быть затруднительно, так как у героев нет стремления выразиться двусмысленно, уклончиво или вежливо (иначе они избегали бы, например, так называемых *f-words*). Хеджи в их речи звучат скорее чужеродно и контрастируют с ее посылом. В связи с этим мы можем предположить, что хеджинг настолько сильно укоренился в языковой картине мира англичан, что, даже переживая яркие негативные эмоции, герои не могут отказаться от его использования и продолжают вербально избегать прямого воздействия на собеседника.

Лексико-грамматические особенности хеджинга в речи среднего класса

Прагматика высказывания является лишь одним из факторов, влияющих на его ритмомелодическое оформление. Как отмечается в работе Н. А. Катиной, для описания просодических особенностей хеджинга важно также обратить внимание на структурно-синтаксические особенности хеджей, а именно на то, относятся ли они к конкретным членам предложения или ко всей фразе в целом, а также на их местоположение (начало, середина или конец высказывания) [Катина 2012: 201]. В связи с этим обратимся к анализу данного аспекта реализации стратегии речевого отгораживания в корпусе исследования.

Во-первых, представляется важным отметить, что в 209 хеджированных высказываниях было зафиксировано не одно, а два или более средства речевого отгораживания, что составляет около 41% от общего корпуса исследования. Чем больше хеджей использует говорящий, тем ярче проявляется его желание отстраниться от своих слов. Так, например, молодой человек оказывается вынужден дать совет незнакомому актеру и формулирует его следующим образом: «...*and I just thought maybe it might be worth, you know, having one last*

look at the lines before you go on» (About Time, 2013). В одной фразе используется сразу шесть лексико-грамматических средств хеджинга: наречие *just*, два глагола умственной деятельности, модальное наречие, безличная конструкция и модальный глагол. Такое нагромождение указывает на сильное чувство неловкости говорящего, так как напрямую его идею можно было бы выразить гораздо короче: «*Have one last look at the lines before you go on»* (About Time, 2013).

Чаще всего сочетаются с другими хеджами модальные глаголы (134 раза). Больше чем в трети данных высказываний (50 раз) они появляются вместе с вопросительными формами. Самый частотный глагол в формуле **вопрос + модальный глагол can/could**:

- *Can't they come back and record it again?* (Breeders, 2020–2023).
- *In fact, can you just give me one minute?* (About Time, 2013).
- *Can we go back to Brexit?* (State of the Union, 2019–2022).

Модальный глагол стал самым распространенным средством речевого отгораживания во всем корпусе исследования: 207 случаев употребления. Из них: 80 – *can/could*, 28 – *would*, 25 – *may/might*, 18 – *should*, 17 – *have to*, 15 – *need*, 8 – *must*, 2 – *shall*. С их помощью решались все КЗ, представленные в предыдущем параграфе.

Далее следуют вводные конструкции с глаголами умственной деятельности и чувственного восприятия. Среди них самым частотным является глагол *think* (нередко в форме прошедшего времени – *thought*): он был использован в 80 высказываниях из 118. Данный факт можно объяснить отсутствием у данного глагола коннотативных значений, что позволяет употреблять его практически в любом контексте.

Примечательно, что в 72% примеров вводная конструкция с глаголом умственной деятельности или чувственного восприятия ставится в начало фразы, словно позволяя говорящему выиграть немного времени на формулировку своей мысли и подчеркивая субъективность озвучиваемой далее позиции:

- *I thought it was translated* (Staged, 2020–2022).

- *I think, she'll just write you a blank cheque* (State of the Union, 2019–2022).
- *I think, you're way off on the units, aren't you?* (Breeders, 2020–2023).

Еще одним популярным хеджем является наречие *just*: в корпусе исследования было зафиксировано 116 высказываний с данной лексической единицей. В 82% случаев наречие относилось к глаголам, снижая силу их значения, благодаря чему стало удобным средством речевого отгораживания в ситуациях, когда коммуникантам необходимо воздействовать на поведение собеседника: «*Please, just leave*» (Fleabag, 2016–2019), «*In fact, can you just give me one minute*» (About Time, 2013); или посвятить его в свои планы: «*I'm gonna just go with my mum and dad*» (Breeders, 2020–2023), «*Let me just pop it in the box*» (Love Actually, 2003). Значительно реже (в 18% примеров) слово *just* ставится говорящим и перед именами существительными, прилагательными или числительными, также несколько ослабляя их: «*It's just the level of noise*» (Breeders, 2020–2023), «*Said it was just two hours*» (Breeders, 2020–2023), «*It's just such a long way to your car*» (About Time, 2013).

Еще одним средством хеджинга, которое мы отдельно рассмотрим на данном этапе исследования, является вопросительная форма, использованная героями анализируемых кинокартин и сериалов 132 раза. Чаще всего это общий вопрос, с помощью которого адресант формулирует просьбу, требование или предложение что-либо сделать (68 высказываний): «*Do you wanna go for a drink?*» (Fleabag, 2016–2019), «*Can you walk me home?*» (About Time, 2013). Гораздо реже (8 раз) использовался специальный вопрос, начинающийся с «*Why*» или «*How*»: «*Why don't I give you a lift and we can talk about this state business... business in the car?*» (Love Actually, 2003), «*How do you fancy stretching the night out a bit?*» (About Time, 2013).

Разделительный вопрос в качестве хеджа встретился в корпусе исследования 57 раз и использовался для решения всех КЗ, кроме требования и совета. Отметим, что в подавляющем количестве случаев говорящие строили вопрос верно с точки зрения нормативной грамматики (*вспомогательный или модальный глагол + местоимение*), лишь 11 раз употребляя в вопросительной

концовке (термин по В. Г. Вейхману [2009: 45]) такие слова, как *right, yeah, eh* или *OK*.

Таким образом, на первом этапе анализа корпуса исследования нам удалось выявить ряд наиболее распространенных лексико-грамматических средств хеджинга в межличностной коммуникации современных британцев из среднего класса. Подведем итог данному параграфу, отразив самые частотные хеджи и решаемые ими КЗ в Таблице 2.1.

Таблица 2.1 – Наиболее частотные лексико-грамматические средства хеджинга в соответствии с решаемой КЗ в речи героев из среднего класса

КЗ	Средства хеджинга		
Мнение (107)	Глаголы умственной деятельности и чувственного восприятия (38)	Расплывчатые формулировки с наречиями типа <i>quite, sort of, pretty</i> и т.д. (28)	Вопросительные формы (19)
Факт (104)	Just (32)	Глаголы умственной деятельности и чувственного восприятия (30)	Модальные глаголы (16)
Намерение (72)	Модальные глаголы (44)	Just (23)	
Предложение (70)	Модальные глаголы (45)	Вопросительные формы (38)	
Предположение (63)	Глаголы умственной деятельности и чувственного восприятия (24)	Модальные наречия (9)	Разделительные вопросы (9)
Просьба (58)	Модальные глаголы (37)	Вопросительные формы (34)	Just (20)
Совет (15)	Модальные глаголы (9)	Just (5)	
Требование (12)	Модальные глаголы (9)	Just (4)	
Запрос информации (9)	Закономерности не выявлено		
Критика (6)	Закономерности не выявлено		
Всего (516)	Модальные глаголы (207)	Глаголы умственной деятельности и чувственного восприятия (124)	Just (116)

2.1.3 Хеджи в речи героев – представителей рабочего класса

Определение британского рабочего класса

Согласно исследованию британской Комиссии по социальной мобильности, в 2021 году к среднему классу себя относил лишь 36% британского общества, в то время как 48% определили себя как представителей

рабочего класса [SMB 2021]. К данным результатам необходимо отнестись критично, так как, во-первых, как было отмечено в предыдущем параграфе, границы между классами крайне размыты, а во-вторых, в данном опросе главным образом измеряются не объективные показатели принадлежности к той или иной группе, а субъективное ощущение респондентов.

Как правило, британцы, принадлежащие к рабочему классу, говорят с акцентами, отличными от *SSB*. Как отмечает Дж. Сеттер, несмотря на то, что, согласно общественному мнению и стереотипам, они могут звучать менее образованно, это не значит, что такие варианты произношения хуже. Нередко они могут восприниматься, например, более дружелюбно или доверительно [Setter 2021: 59]. Одним из свидетельств возможного положительного отношения англоговорящего социума к отклонению от произносительной нормы является развитие так называемого «мокни» – акцента, имитирующего звучание кокни, к которому прибегают представители более высоких социальных слоев (нередко это популярные люди), когда хотят звучать «ближе к народу». Данный факт также указывает на то, что отклонение от стандартов современного *RP* не обязательно говорит о принадлежности говорящего рабочему классу: необходимо учитывать комплекс факторов.

Таким образом, в настоящем исследовании под рабочим классом, в соответствии с определением «Большого толкового социологического словаря», понимается социальная группа людей, состоящая из работников ручного труда, т. е. тех, кто «использует прежде всего свои руки, а не умственные способности», относится к категории наемных рабочих и «не обладает и не управляет средствами производства» [БТСС 1999б: 118]. В речи представителей данной социальной группы прослеживаются отклонения от произносительной нормы *SSB*. В корпусе исследования к рабочему классу были отнесены представители таких профессий, как доставщик, сиделка, столяр, механик, охранник, уборщица и т.д.

Прагматические особенности хеджинга в речи рабочего класса

Далее рассмотрим прагматические особенности хеджей в речи героев – представителей рабочего класса. На Рисунке 2.2 отражены результаты количественного анализа КЗ, решаемых при использовании стратегии речевого отгораживания.

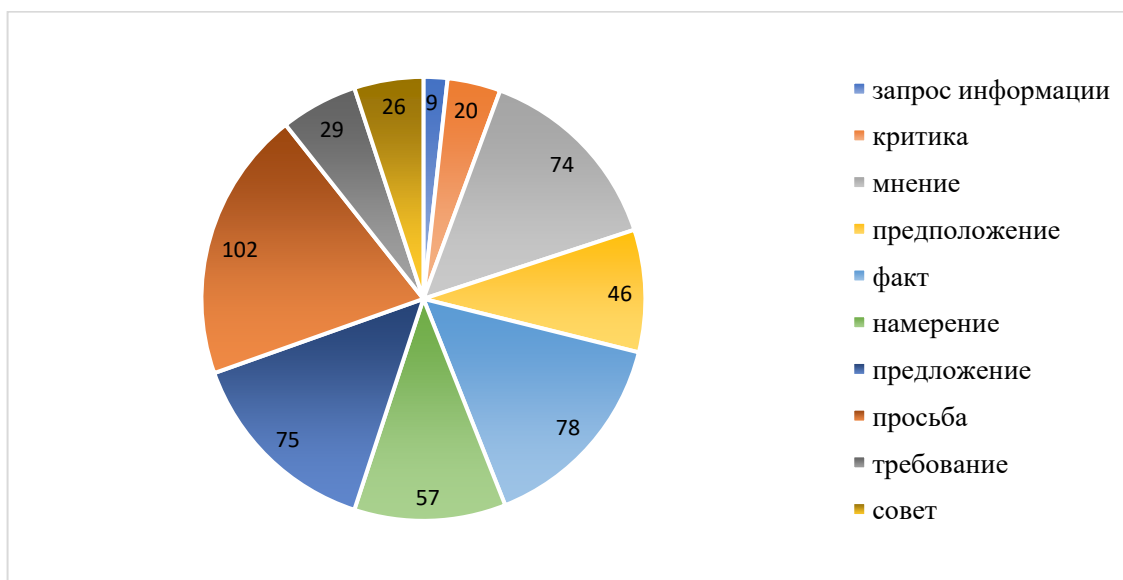

Рисунок 2.2 – КЗ, решенные с использованием хеджинга (рабочий класс)

Самой частотной КЗ, решаемой с использованием средств речевого отгораживания, в речи представителей рабочего класса стала **просьба** (102 высказывания). Так же, как и среди героев из среднего класса, в основном в качестве хеджей используются модальные глаголы (59 высказывания), общие вопросы (52 высказывания) и наречие *just* (31 высказывание):

- *Can you do us a favour and ring Seb?* (Sorry, We Missed You, 2019).
- *Can you keep an eye out for a postman?* (I, Daniel Blake, 2016).
- *Mia, will you get up?* (Fish Tank, 2009).
- *Well, can I have the flowers for doing Lip's leg?* (Shameless, 2004–2013).

Формулируемое с хеджингом **требование** (КЗ, схожая по целеполаганию с просьбой, однако высказываемая из позиции силы) было зафиксировано в корпусе исследования гораздо реже – всего 29 раз. Данную количественную разницу можно объяснить более директивной, а следовательно, прямолинейной природой требования. В случаях, когда говорящему оказывается важно

подчеркнуть отсутствие свободы выбора у собеседника, он может использовать прямые формулировки. Кроме того, в рамках межличностного общения в корпусе исследования подобные высказывания в целом встречались реже, чем просьбы.

Приведем примеры:

- *Will you get out of bed to do some housework?* (I, Daniel Blake, 2016).
- *Debbie, Carl, you **need to** put them things out* (Shameless, 2004–2013).
- *I'd like a Budweiser, please* (Love Actually, 2003).

Отдельно отметим, что просьбы и требования могут высказываться героями в крайне грубой форме, в состоянии проживания ярких негативных эмоций, однако все равно содержать средства хеджинга. Данные примеры снова подтверждают, что речевое отгораживание далеко не всегда направлено на придание высказыванию вежливости:

- *Will you stop being so f***ing mysterious?* (Misfits, 2009–2013).
- *Will you, please, f**k off?* (Misfits, 2009–2013).
- *Just give me the f***ing van keys* (Sorry, We Missed You, 2019).
- *Oh, just give us the f***ing phone* (Sorry, We Missed You, 2019).

Вторая по частотности КЗ – констатация **факта** – в речи рабочего и среднего класса совпадает. Чуть менее чем в половине случаев (32 из 78) отгораживание происходит за счет использования наречия *just*, а в 7 фразах расплывчатость формулировки достигалась с помощью сочетания *a bit*. Таким образом, хеджирование фактов героями из рабочего класса в первую очередь направлено не на подчеркивание неуверенности адресанта или придание его словам субъективности, а на снижение их силы или важности сказанного. Так, рассказывая о том, как их с детьми выгнали из квартиры, героиня говорит, что они столкнулись с *небольшими* проблемами. Другой герой, описывая серьезный нервный срыв своей жены, использует формулировку: «Она *просто немного* расстроена». Высказывая озабоченность тем, что хозяин дома начал слишком много пить, рабочий поддерживает его и отмечает, что он *всего лишь* хотел сказать, что тоже испытывал подобные трудности.

- *She's **just a bit** upset* (Sorry, We Missed You, 2019).
- *We got in **a bit** of trouble* (I, Daniel Blake, 2016).
- *We **just** wanted to say that, um, well, we've both been there, buddy* (Breeders, 2020–2023).

Схожим способом герои из рабочего класса хеджировали еще две КЗ: чуть более четверти **предложений** (20 из 75 высказываний) и около 38% **намерений** (22 из 57 высказываний). С помощью наречия *just* снижается важность или энергозатратность того, что предлагает или намеревается сделать говорящий: *просто / всего лишь* добираться до работы на автобусе, а не на собственном автомобиле, *просто / всего лишь* толкнуть сестру, *просто / всего лишь* поговорить, *просто / всего лишь* заняться поиском работы и т.д.:

- ***Just** get a bus* (Sorry, We Missed You, 2019).
- ***Just** give her a prod* (Fish Tank, 2009).
- ***I just** wanna talk to you* (Misfits, 2009–2013).
- ***I'm just** looking for some work, you know* (I, Daniel Blake, 2016).

Предложение что-либо сделать, однако, чаще формулируется через вопросительную форму (в корпусе исследования зафиксировано 39 подобных вопросов, 18 из них – разделительные) или модальные глаголы (36 высказываний). В данных случаях говорящий показывает, что собеседник в равной степени может как согласиться, так и не согласиться, а также что он формулирует лишь возможное развитие событий, ни на чем не настаивая:

- ***Would** you want to wait outside while I take care of the bill?* (Shameless, 2004–2013).
- *I mean, **I can** get your shopping sorted out for you, you know* (I, Daniel Blake, 2016).
- *Maybe **I should** come along and hold your hand?* (Misfits, 2009–2013).
- *I mean, **I can** go to Greggs right now* (Sorry, We Missed You, 2019).

При выражении намерений данные подходы также оказываются достаточно распространенными. В 18 случаях говорящий подчеркивал

вынужденность своих действий, с помощью модальных глаголов указывая на то, что инициатива исходит не от него и что он лишь действует согласно обстоятельствам. Также герои прибегали к вопросительным формулировкам (15), уточняя, не возражает ли собеседник против озвученного плана действий:

- *There's something I **need** to tell youse* (Sorry, We Missed You, 2019).
- *I **should** just go to America* (Love Actually, 2003).
- *I'll be back in a minute, **all right**?* (Fish Tank, 2009).
- *I'd **better** get off and let you get to bed, **all right**?* (Shameless, 2004–2013).

Мнение хеджируется в корпусе исследования с той же частотой, что и предложение (74 высказывания). Примечательно, что если в диалогах представителей среднего класса чаще всего отгораживание происходило через подчеркивание субъективности точки зрения (*я думаю, мне кажется* и т.д.), то герои рабочего класса в основном используют хеджинг, выражая свою неуверенность или заинтересованность в согласии или несогласии собеседника с помощью вопросительных форм (34 разделительных и 2 общих вопроса). То есть они дают свою оценку, а после сразу же уточняют: «*Не так ли? / Верно? / Ты согласен?*». Приведем некоторые примеры:

- *Sounds good, **don't it**?* (I, Daniel Blake, 2016).
- *It's been a bit of an off day today, **hasn't it**?* (Shameless, 2004–2013).
- *Yeah, a bit dodgy, **isn't it**?* (Love Actually, 2003).
- *So, this is really cool, **huh**?* (Misfits, 2009–2013).

Предположение в корпусе исследования хеджировалось 46 раз. Чуть чаще (21) представители рабочего класса в фильмах отгораживались от данных высказываний, указывая на неточность, вероятную ошибочность своих выводов с помощью модальных глаголов и наречий:

- ***Maybe** he knows I missed lunch* (Misfits, 2009–2013).
- *They **might** as well have time for the toilet* (Sorry, We Missed You, 2019).

Другой достаточно распространенной тактикой при хеджировании предположений стало подчеркивание субъективности суждения, а

следовательно, и необязательности согласия собеседника (11 случаев). Например, рассуждая о причинах странного поведения сына, героиня фильма «I, Daniel Blake» (2016) говорит, что *думает*, что он скучает по друзьям (однако она не может с уверенностью это утверждать): «*I think, he's missing his friends*». В другой кинокартине мать аналогичным способом пытается описать состояние своего ребенка, говоря, что *думает*, что он был шокирован неприятной новостью: «*I think, he's in shock*» (Sorry, We Missed You, 2019).

Обращение к адресату с вопросом – еще один способ отгородиться от своего предположения (в корпусе исследования было зафиксировано 10 подобных высказываний). Вопросительная форма указывает на заинтересованность говорящего в мнении собеседника и на допущение им существования иных точек зрения:

- *There's no way he's gonna be doing his work at home, is there?* (Sorry, We Missed You, 2019).
- *Kash bought you the trainers, didn't he?* (Shameless, 2004–2013).

Совет (26) и **критика** (20) так же, как и в речи героев из среднего класса, стали самыми редко встречающимися хеджированными КЗ в диалогах представителей рабочего класса. Так как данные высказывания изначально направлены на непосредственное воздействие на поведение собеседника, речевое отгораживание позволяет формально проявить уважение к *личным границам* собеседника. В основном это происходит через указание либо на некую объективную необходимость, либо на имеющуюся возможность поступить определенным образом:

- *You should really get to bed* (I, Daniel Blake, 2016).
- *You can wear all black* (Fish Tank, 2009).
- *So you'd better pick it up before it rots* (Shameless, 2004–2013).

Совет и критика также могут хеджироваться с использованием вопросительных форм: «*Поступи следующим образом, хорошо? / Ты был не прав, не так ли?*» Таким образом, у адресата снова появляется формальная возможность возразить. В то же время хеджированные подобным образом фразы

могут включать в себя обценную лексику, что несколько противоречит желанию избежать оскорбления собеседника или критикуемой стороны: «*That's f***ing joke, innit?*» (Sorry, We Missed You, 2019).

Хеджированный **запрос информации** встретился в корпусе исследования лишь 9 раз, и средства речевого отгораживания были слишком разнообразны, чтобы мы смогли выявить определенные закономерности.

Подводя итог, отметим, что хеджинг используется в речи представителей среднего и рабочего социальных классов для решения десяти выделенных КЗ с относительно схожей частотой, однако наблюдаются отличия в подходах к речевому отгораживанию. Так, представители среднего класса чаще указывают на субъективность своей позиции, в то время как герои рабочего класса более склонны искать согласия или несогласия собеседника через вопросительные формы.

Лексико-грамматические особенности хеджинга в речи рабочего класса

Анализ лексико-грамматических особенностей хеджинга в корпусе исследования показал, что персонажи из рабочего класса более склонны использовать одно средство речевого отгораживания в рамках одного высказывания, чем представители среднего класса. Реплики персонажей, занимающих более высокое социальное положение, чаще содержали одновременно несколько хеджей (см. Рисунок 2.3).

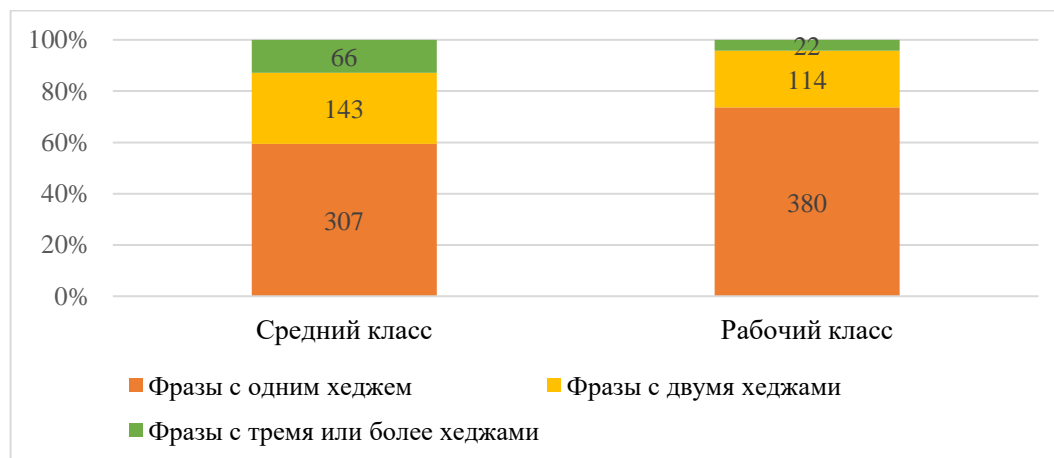

Рисунок 2.3 – Количество реплик с одним, двумя, тремя или более лексико-грамматическими средствами хеджинга

Формула *вопрос + модальный глагол*, как и в речи представителей среднего класса, стала самым распространенным сочетанием хеджей (75 высказываний). В большей части случаев (44 высказывания) она была использована в рамках просьб, хеджированных с помощью глагола *can*:

- *Dad, **can** you come home now, please?* (Sorry, We Missed You, 2019).
- ***Can** you keep an eye out for a postman?* (I, Daniel Blake, 2016).
- *Well, **can** I have the flowers for doing Lip's leg?* (Shameless, 2004–2013).

Еще одно сходство особенностей хеджирования в двух социальных классах заключается в том, что в диалогах персонажей из рабочего класса самым частотным хеджем также стал модальный глагол (187). Среди глаголов самым распространенным остается *can/could* – он использовался для речевого отгораживания 102 раза. Остальные глаголы были зафиксированы в корпусе исследования реже: *need* – 23, *may/might* – 15, *should* – 15, *would* – 14, *have to* – 9, *must* – 8, *shall* – 1. Данное средство было использовано при решении всех установленных КЗ, чаще всего при формулировании просьб, советов и предложений.

Второй по частотности хедж в речи героев рабочего класса – разделительный вопрос: он был использован в 148 репликах. Отметим, что, несмотря на низкий уровень образования героев, данные предложения практически всегда были составлены правильно с точки зрения нормативной грамматики. Было зафиксировано лишь 2 предложения, где глагол *were* сочетался с местоимением третьего лица единственного числа, а также один «*direct question tag*» (прямой вопрос-уточнение, термин по Дж. О’Коннору [O’Connor 1973: 61]), где и первая, и вторая части предложения являются утвердительными:

- *That was silly, **weren't it?*** (Fish Tank, 2009).
- *And it was making him really sick, **weren't it**, Dais?* (I, Daniel Blake, 2016).
- *And that makes you some kind of expert, **does it?*** (Fish Tank, 2009).

Отдельно отметим, что в 9 из 14 вопросов, заканчивающихся сочетанием *isn't it*, данный «хвост» прозвучал в его редуцированном варианте – *innit*. Согласно некоторым исследованиям, такая форма становится все более распространенной среди современных жителей Лондона [Pichler 2021], однако в нашем корпусе исследования ее использование было зафиксировано лишь в речи представителей рабочего класса.

В большей части реплик, однако, герои хеджировали свои реплики такими вопросительными концовками, как: *yeah* (24), *all right* (17), *eh* (13), *right* (9), *OK* (8), *huh* (1), *aye* (1):

- *Just get rid of the bullshit tattoos, yeah?* (Misfits, 2009–2013).
- *I'll be back in a minute, all right?* (Fish Tank, 2009).
- *You're our worst enemies, you two, eh?* (Shameless, 2004–2013).

Другие типы вопросов были использованы с целью речевого отгораживания гораздо реже: общий вопрос – 71 раз, специальный – 13 раз. Примечательно, что 10 из 13 специальных вопросов – это предложения, намерения и просьбы, начинающиеся с местоимения *why* и содержащие отрицательную частицу:

- *Why can't you just ring the family?* (Sorry, We Missed You, 2019).
- *Why don't you speak to her?* (I, Daniel Blake, 2016).
- *Hey, why don't I put some music on?* (Misfits, 2009–2013).

Из 71 общего вопроса 49 употреблены для хеджирования просьб. В 77,5% случаев данное средство речевого отгораживания использовалось в связке с модальным глаголом *can/could*, как в следующем примере: «*Can I borrow your lighter?*» (Shameless, 2004–2013).

Практически столь же распространенным средством речевого отгораживания, как и разделительный вопрос, в корпусе исследования стало наречие *just* (142 реплики). В подавляющем большинстве случаев оно относится к глаголу (85% в рабочем классе, 76 – в среднем):

- *Let's **just** get a few things straight at the start, though, shall we?* (Sorry, We Missed You, 2019).
- *I **just** wanted to get all the cleaning done in there so you can have a nice bath tomorrow* (I, Daniel Blake, 2016).
- ***Just** give me one second* (Love Actually, 2003).

Ярким отличием в использовании наречия *just* героями двух социальных классов стала его сочетаемость с другими хеджами. Если персонажи из среднего класса чаще использовали его вместе с другими средствами речевого отгораживания (глаголами умственной деятельности, модальными глаголами, вопросительными формами и т.д.), то в репликах рабочего класса оно чаще (90 раз) являлось единственным хеджем:

- *I **just** don't know what to do, Abby* (Sorry, We Missed You, 2019).
- *I **just** want the money* (Fish Tank, 2009).
- *I'm **just** not looking, Steve* (Shameless, 2004–2013).

Последнее средство хеджинга, которое мы рассмотрим в данном параграфе, – глаголы умственной деятельности и чувственного восприятия. Если, как было отмечено выше, в речи персонажей из среднего класса они являются одним из самых распространенных хеджей, то в диалогах представителей рабочего класса они встретились лишь 34 раза. Глагол *think*, как наиболее нейтральный, снова был использован в 68% случаев: «*I **think** you've punctured your knuckles as well, though*» (Sorry, We Missed You, 2019).

Неодинаковая частота данных хеджей в речи двух социальных классов может быть вызвана разницей в основной деятельности их представителей. Люди, занимающиеся интеллектуальным трудом, как правило, посвящают много лет получению образования, а их работа подразумевает активную мыслительную деятельность. Как следствие, в их речи услышать глаголы, обозначающие эту деятельность (*think, suppose, guess, etc.*), можно чаще, чем в контексте бесед работников физического труда.

Представим результаты анализа прагматических и лексико-грамматических особенностей хеджинга в речи персонажей из рабочего класса в Таблице 2.2.

Таблица 2.2 – Наиболее частотные лексико-грамматические средства хеджинга в соответствии с решаемой КЗ в речи героев из рабочего класса

КЗ	Средства хеджинга		
Просьба (102)	Модальные глаголы (59)	Вопросительные формы (52)	Just (31)
Факт (78)	Just (32)	Разделительный вопрос (28)	Модальные глаголы (11)
Предложение (75)	Модальные глаголы (36)	Вопросительные формы (21)	Just (20)
Мнение (74)	Разделительный вопрос (34)	Just (15)	
Намерение (57)	Just (22)	Модальные глаголы (18)	Разделительный вопрос (13)
Предположение (46)	Модальные глаголы (15)	Глаголы умственной деятельности и чувственного восприятия (11)	Разделительный вопрос (10)
Требование (29)	Модальные глаголы (15)	Just (9)	Разделительный вопрос (8)
Совет (26)	Модальные глаголы (15)	Just (7)	Разделительный вопрос (7)
Критика (20)	Разделительный вопрос (13)	Модальные глаголы (4)	
Запрос информации (9)	Закономерности не выявлено		
Всего (516)	Модальные глаголы (187)	Разделительный вопрос (148)	Just (142)

2.2 Методика исследования

2.2.1 Слуховой анализ

В ходе представленного в предыдущем параграфе анализа было отобрано 874 реплики, содержащие самые частотные средства хеджинга (модальные глаголы, наречие *just*, глаголы умственной деятельности и чувственного восприятия и разделительный вопрос). Героями из среднего класса было произнесено 414 из данных примеров, героями из рабочего класса – 460.

Далее при проведении слухового и электроакустического анализа мы опирались на опыт исследования просодии хеджинга в академическом дискурсе Н. А. Катиной [Катина 2014].

В рамках слухового анализа были решены следующие задачи:

- 1) определение наличия и характера пауз;
- 2) определение скорости произнесения реплики;
- 3) определение громкости произнесения реплики;
- 4) описание мелодических характеристик рассматриваемых фраз: типа и характера ядерного тона (направление движения, крутизна, тональный уровень начала и конца), характер предъядерной части, тональный уровень синтагмы, тональный диапазон синтагмы;
- 5) интонационная разметка анализируемых реплик с учетом указанных выше характеристик.

В процессе слухового анализа были применены следующие перцептивные градации по каждому из признаков:

- 1) **тип паузы:** сверхкраткая, краткая, средняя, длительная, сверхдлительная;
- 2) **скорость произнесения синтагмы:** медленная, средняя, быстрая;
- 3) **громкость произнесения синтагмы:** низкая, средняя, высокая;
- 4) **тип ядерного тона синтагмы:** нисходящий (низкий, средний, высокий), восходящий (низкий, средний, высокий), ровный, нисходяще-восходящий, восходяще-нисходящий;
- 5) **тональный уровень синтагмы:** низкий, средний, высокий, сверхвысокий;
- 6) **тональный диапазон синтагмы:** узкий, средний, широкий, сверхширокий.

2.2.2 Электроакустический анализ

Цель проведения электроакустического анализ заключается в подтверждении и визуализации результатов слухового анализа. На основе

полученных на предыдущем этапе исследования данных был сформирован узкий корпус звукового материала из 870 высказываний, содержащих самые частотные лексико-грамматические средства хеджинга: модальные глаголы, наречие *just*, глаголы умственной деятельности и чувственного восприятия, разделительный вопрос.

Электроакустический анализ был проведен на персональном компьютере с помощью программ Praat (v.6.4.01) и Speech Analyzer (v.3.1.2.0). Возможности обеих программ позволяют получать абсолютные значения частоты основного тона отдельных звуков, а также параметры среднего, минимального и максимального уровня частоты основного тона в выбранном диапазоне в герцах и полутонах; абсолютные значения силы звукового давления для отдельных звуков и среднего уровня звукового давления в заданном участке в децибелах; и абсолютные значения длительности выбранного сегмента в миллисекундах.

Дальнейшее сопоставление результатов электроакустического и слухового анализа позволило в том числе снять затруднения, типичные при компьютерном анализе звучащей речи, такие как учет речевых дефектов говорящего, эмоциональной заряженности высказывания и наличие фоновых шумов [Петрова 2022: 144].

Таким образом, в ходе электроакустического анализа удалось получить следующие данные:

- значение длительности синтагмы (в мс);
- значение длительности пауз (в мс);
- значение силы звукового давления (в дБ);
- минимальное значение уровня частоты основного тона (далее по тексту – ЧОТ) в синтагме (в Гц);
- максимальное значение уровня ЧОТ в синтагме (в Гц);
- среднее значение уровня ЧОТ в синтагме (в Гц).

Частотный диапазон синтагмы (в пт) определялся через нахождение разности между максимальным и минимальным показателем уровня ЧОТ в интонационной группе.

Значение среднеслоговой длительности синтагмы (далее по тексту – СДС) в миллисекундах вычислялось на основе значений длительности высказывания по формуле:

$$\text{СДС} = \frac{t \text{ синтагмы}}{\text{количество слогов в синтагме}}.$$

Также благодаря данным, полученным в ходе электроакустического анализа, была определена скорость изменения ЧОТ (в пт / 50 мс). Значение вычислялось по формуле:

$$V_{\text{изм. ЧОТ}} = \frac{(\text{ЧОТ}_{\text{кон.}} - \text{ЧОТ}_{\text{нач.}}) * 50}{t \text{ ядра}}.$$

2.2.3 Соотнесение результатов слухового и электроакустического анализа

Путем сопоставления данных слухового анализа перцептивно воспринимаемых просодических характеристик синтагм и их физических коррелятов, полученных в ходе электроакустического анализа, были выделены стандартные зональные соответствия, представленные в Таблицах 2.3 – 2.6.

Таблица 2.3 – Соотношение тонального и частотного диапазонов

Зоны тонального диапазона	Частотный диапазон (в пт)
Узкий диапазон	0 – 6
Средний диапазон	7 – 12
Широкий диапазон	12 – 19
Сверхширокий диапазон	20 – 29

**Таблица 2.4 – Соотношение скорости произнесения и среднеслоговой
длительности синтагмы**

Зоны скорости произнесения	СДС (в мс)
Быстрая	125 – 180
Средняя	181 – 230
Медленная	> 231

Таблица 2.5 – Длительность пауз

Характер паузы	Длительность паузы в мс
Сверхкраткая	< 200
Краткая	200 – 400
Средняя	401 – 600
Длительная	601 – 1000
Сверхдлительная	> 1000

**Таблица 2.6 – Соотношение скорости изменения ЧОТ и крутизны угла
падения (восхождения)**

Угол падения/восхождения	Скорость изменения ЧОТ (пт/50 мс)
Пологий	0,1 – 2
Средней крутизны	2,1 – 3,5
Крутой	3,6 – 5
Очень крутой	>5,1

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

В ходе подготовки узкого корпуса исследования были сделаны следующие выводы.

1. Кинодиалог, с некоторыми оговорками, может послужить релевантным источником материала лингвистического (в частности, фонетического) исследования, ввиду стремления создателей фильмов максимально приблизить свои произведения к реальной жизни.

2. Хеджинг является крайне частотной речевой стратегией в межличностной коммуникации британцев, принадлежащих как к среднему классу, так и к рабочему.

3. Британцы обоих социальных классов используют хеджинг для решения целого ряда коммуникативных задач, среди которых можно выделить следующие: запрос информации, критика, выражение мнения, предположение, констатация факта, озвучивание намерения, предложение, просьба, требование и совет. Чаще всего хеджируются мнения, факты, намерения и предложения, с целью избежать навязывания собеседнику своей точки зрения и воли. Хеджинг позволяет говорящему на вербальном уровне обозначить наличие свободы выбора у собеседника.

4. Несмотря на то, что хеджинг в основном ассоциируется с попыткой сформулировать вежливое высказывание, привычка его использовать настолько сильна, что британцы нередко хеджируют даже эмоционально негативно окрашенные высказывания. Как правило, в таких ситуациях хеджирование происходит с помощью грамматических средств, тогда как лексика может быть грубой.

5. Самыми частотными лексико-грамматическими средствами хеджинга в межличностной коммуникации британцев, принадлежащих к среднему классу, являются модальные глаголы (особенно часто используется глагол *can/could* в вопросах), вводные конструкции с глаголами умственной деятельности и

чувственного восприятия (как правило, сочетание *I think*), вопросительные формы.

6. Самыми частотными лексико-грамматическими средствами хеджинга в межличностной коммуникации британцев из рабочего класса являются модальные глаголы (так же, как и в среднем классе, глагол *can/could* в вопросах встречается наиболее часто), разделительные вопросы, наречие *just*.

7. Британцы из среднего класса более склонны к одновременному использованию нескольких средств хеджинга в рамках одного высказывания, чем британцы из рабочего класса.

8. Одним из наиболее частотных способов речевого отгораживания у представителей британского среднего класса является подчеркивание субъективности высказанной точки зрения, в то время как персонажи, принадлежащие к рабочему классу, чаще на вербальном уровне запрашивают согласие или несогласие с высказанной позицией, тем самым показывая, что допускают существование иных мнений.

ГЛАВА III. ПРОСОДИЯ ХЕДЖИНГА В МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ БРИТАНЦЕВ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящей главе представлены результаты анализа просодических особенностей хеджинга в кинодиалогах британцев – представителей среднего и рабочего социальных классов.

3.1 Особенности просодии лексико-грамматических средств хеджинга в межличностной коммуникации британцев среднего класса

3.1.1 Просодические особенности реализации модальных глаголов как средств хеджинга

Модальные глаголы являются самым частотным средством хеджинга в корпусе исследования. Рассмотрим отдельно ритмомелодические особенности наиболее распространенных из них.

Can/could. Главной чертой данного глагола, выявленной в ходе анализа, оказалась его просодическая непроминентность. Под проминентностью в фонетике понимается акцентное (тональное, динамическое или темпоральное) выделение участка звучащей фразы [Русская фонетика в развитии 2013: 13]. В корпусе исследования глагол *can* оказывался в безударной позиции (в основном в предтактовой части) в 68 случаях из 80, как, например, в следующих предложениях:

- *You **could** ˈtɛl in the ˈru:m a ˈmɑːstəˈpiːs ɜː wəz ˈbiːŋ ˈʌnfɜːld* | | (About Time, 2013).
- ***Could** you ˈhɛlp me with ˈθɪs, ˌpleɪz?* | | (About Time, 2013).
- *This **could** be ˈweɪd* | | (About Time, 2013).
- *I think I **can** ˈhiə your ˈdɑːd* | | (Fleabag, 2016–2019).

- *Can I 'get you /anything?* | | (Fleabag, 2016–2019).

Также *can/could* могли находиться в безударной позиции внутри мелодической шкалы синтагмы, однако таких примеров оказалось гораздо меньше:

- *>Yeah, § 'or we **could** just go 'back to vmine...* | | (Fleabag, 2016–2019).
- *It would be 'great § if 'we **could** be vfriends* | | (Love Actually, 2003).

В ударной позиции рассматриваемый хедж оказывается реже и, как правило, в моменты, когда говорящему необходимо некоторое время, чтобы сформулировать свою мысль. Поэтому *can/could* может реализоваться с помощью ровного ядерного тона со средней или длительной паузой после. Пауза может следовать как непосредственно за глаголом, так и за следующим за ним словом:

- *Judy, >**could** you | 'take the 'top 'off this time?* | | (Love Actually, 2003).
- *^But § I >just § 'wondered if >I **could** | 'walk 'round with you* | | (About Time, 2013).
- *>**Couldn't** have | 'put it 'better 'myself* | | (About Time, 2013).

Ядерная позиция – единственная, в которой глагол не был редуцирован на сегментном уровне. В подавляющем же большинстве случаев он звучал как /kən/ с временами выпадающим /ə/.

Would. Слуховому и электроакустическому анализу подверглась только полная форма данного глагола (примечательно, что таковых было 84% от всех случаев использования *would*, а краткой формы *'d* – всего 16%).

Процентное соотношение просодически непроминентных хеджей *would* гораздо ниже, чем *could*: под фразовым ударением в синтагмах было зафиксировано чуть меньше половины от общего числа (47%). В основном это были общие вопросы, прагматическая функция которых заключалась в выражении просьбы или предложения:

- *'**Would** you mind hanging 'on to /that?* | | (Love Actually, 2003).

- >Do you | ↗want to ↘know | the >big | ↘secret § or ↗**would** you 'rather 'find it out your ↘self § like ↘I did? | | (About Time, 2013).
- >**Would** it | be ↗very ↘wrong § if I ↗asked you for your ↘number? | | (About Time, 2013).

В первых двух примерах *would* служит началом мелодической шкалы высказываний, в то время как в последнем предложении, где герой просит номер телефона у понравившейся девушки, рассматриваемый нами хедж реализуется ровным ядерным тоном, что указывает на испытываемое говорящим волнение, неуверенность в себе. Сама просьба построена максимально отстраненно: с использованием косвенного вопроса, безличной формулировки, сослагательного наклонения; вместе с ровным ядерным тоном в начале, полусекундной паузой, медленным темпом и постепенным снижением ЧОТ (см. Рисунок 3.1) данные средства работают на смягчение силы высказывания и предоставление собеседнице свободы выбора.

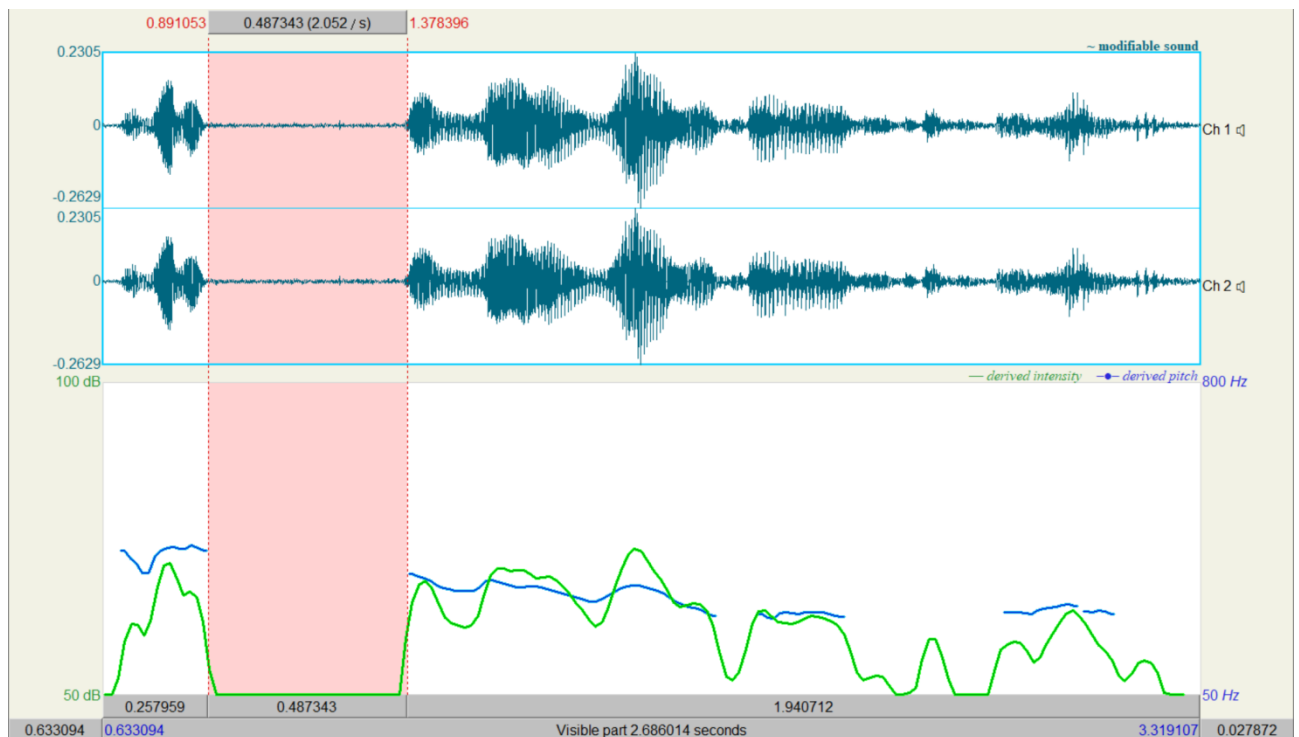

Рисунок 3.1 – Тонограмма реплики ***Would** it be very wrong if I asked you for your number* (About Time, 2013)

Чуть чаще, однако, *would* используется англичанами среднего класса в корпусе исследования в рамках безударного предтакта (52% высказываний), где

он произносится героями менее нарочито для того, чтобы придать высказыванию дежурную вежливость (особенно во фразе «*Would you like...*») или сделать предположение более осторожным:

- *Would you like a 'bag?* | | (About Time, 2013).
- *Would you \like to 'meet your 'household \staff?* | | (Love Actually, 2003).
- *It would be \nice § not to have to \work* | | (About Time, 2013).

На сегментном уровне мы также отметим характерную для модального глагола редукцию, однако если *could* в основном редуцируется качественно, то *would* – количественно.

Might/may. Данный модальный глагол указывает на отсутствие у адресанта абсолютной уверенности в том, что он говорит. Как правило, в корпусе исследования *might/may* либо являлся одним из ударных слогов мелодической шкалы (61%), либо реализовывался с ровным ядерным тоном (34%). Обратимся к некоторым примерам:

- *And then we >might... | we \might try § and \nothing \happens* | | (About Time, 2013).
- *And ↗much as it \grieves me § >to § \say it, § it >might be § that the ↗people >I § \love § ↗is, 'in >fact, § \you* | | (Love Actually, 2003).
- *And >I... | ↗I just \wondered § ↗whether, by \any chance, | you ↗might 'share my \feelings* | | (About Time, 2013).

На примере первого предложения, в котором *might* повторяется дважды, наглядно видны способы выделения данного слова в речи. Во-первых, после него может последовать заметная пауза (в данном случае в 500 мс). Примечательно, что перед паузой глагол нередко чуть затягивается: так, первый модальный глагол произносится героем за 200 мс, а второй – за 100 мс. Также данный хедж может звучать громче остальных слов в синтагме: в рассматриваемом примере интенсивность достигает своих пиков на уровне 68 дБ и 71 дБ именно на анализируемых хеджах, в то время как без их учета громкость высказывания находится в диапазоне 52–65 дБ. Кроме того, ЧОТ, на которой звучит

анализируемый глагол, является одной из самых высоких в реплике (см. Рисунок 3.2).

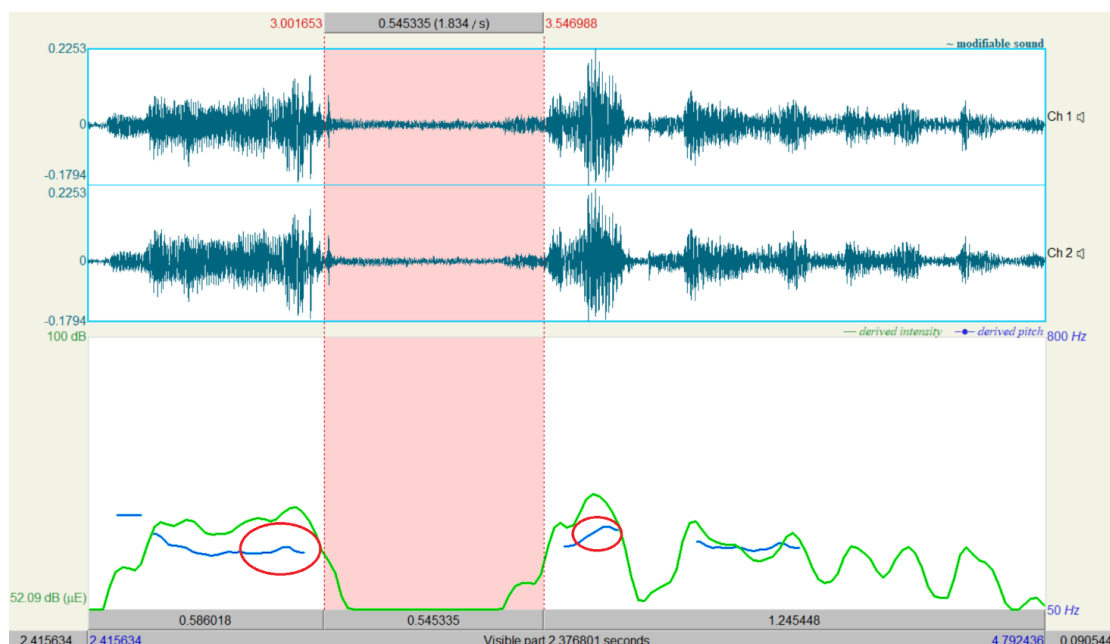

Рисунок 3.2 – Тonoгpамма реплики *And then we might... we might try and nothing happens* (About Time, 2013)

Should. Данный модальный глагол зачастую используется для хеджирования самых опасных для личных границ собеседника высказываний – советов и предложений – и нередко идет в паре с другими средствами речевого отгораживания (в основном с *just* (17%) или вводными конструкциями с глаголами умственной деятельности (41%)).

Случаи, когда *should* становится ударным, в корпусе исследования единичны и снова связаны с неловкостью, испытываемой коммуникантами. Также выделялись все зафиксированные сокращения *shouldn't*, однако их небольшое количество не дает возможности выявить определенную закономерность. В подавляющем большинстве высказываний данный глагол все же остается в безударной предтактовой части синтагмы, произносится относительно тихо, редуцированно, с высоким темпом, на низких ЧОТ (76%):

- *I should just* ↗go to `America | | (Love Actually, 2003).
- *I think we should* ↗really `answer the `phone | | (About Time, 2013).

- *Now, there √is one 'final \thing, √ I think, we **should** \look at | |* (Love Actually, 2003).

Have to. В рамках корпуса исследования данный модальный глагол чуть чаще входил в безударную предтактовую часть, чем был ударным слогом мелодической шкалы, особенно в ситуациях, когда герои выражали свои намерения или мнения, которые не сильно влияли на собеседника:

- *I **have to** √leave \Jimmy, √ \don't \I | |* (About Time, 2013).
- *I **have to** \say, Judy, √ this is a √real >pleasure... | |* (Love Actually, 2003).

Однако в ситуациях, когда говорящий стремился усилить степень хеджирования высказывания, подчеркивая, что его намерение исходит не от его желания, а от необходимости, или указывая на важность своих дальнейших действий, интенсивность и ЧОТ, с которыми произносился глагол *have to*, возрастали:

- *There's √something 'very \important √ that I √**have to** ^do | |* (About Time, 2013).
- *>And √ I **have to** √ \go \out √ with √some 'one 'nice >and √ \boring | |* (About Time, 2013).

Редукция и элизия на сегментном уровне также влияют на то, насколько сильно проявляется хеджирующая функция модального глагола. Чаще всего он звучал как /həf tə/, /həv tə/ или как /əv tə/.

Need. Данный хедж также стал одним из немногих модальных глаголов, в основном оказывающихся под фразовым ударением (72%). Можно предположить, что, по аналогии с *have to*, формулируя просьбы, требования, советы и намерения, англичане среднего класса стараются подчеркнуть их вынужденность и недвусмысленно отгородиться от своих слов. *Need* при этом, как правило, выделяется как один из ударных слогов мелодической шкалы:

- *I just √**need** you to be √quiet | |* (Breeders, 2020–2023).
- *√**Need** you to do a \favour for me | |* (Love Actually, 2003).

Для усиления эффекта говорящий также может выделить *need*, например, нисходяще-восходящим тоном, средней или длительной паузой после него, а также протянув ударный дифтонгоид /i:/ чуть дольше среднего. Например, такой интонационный рисунок использует отец, пытаясь успокоить своего сына: «*Because >you | ↗don't ∨need | to be ∨worried | |*» (Breeders, 2020–2023).

Подводя **итог** анализу ритмомелодических особенностей модальных глаголов как средств хеджинга в речи киногероев, представляющих британский средний класс, еще раз отметим, что чаще всего их можно охарактеризовать просодической непроминентностью. Выделяются они в речи англичан лишь в тех случаях, когда говорящий испытывает необходимость дополнительно подчеркнуть их хеджирующие свойства.

3.1.2 Просодические особенности реализации вводных конструкций с глаголами умственной деятельности и чувственного восприятия как средств хеджинга

Как было отмечено в предыдущем параграфе, самым распространенным хеджирующим глаголом умственной деятельности стал глагол *think*, использованный говорящими в 69% подобных вводных конструкций. В корпусе исследования также встретились синонимичные в рассматриваемых контекстах *I suppose*, *I guess*, *I'm sure*, *I'm afraid*, *I feel* и т.д.:

- *I ↗suppose I'd 'better 'go and 'do the ∨duty round | |* (Love Actually, 2003).
- *I'm ∨sure she is a 'lovely ∨girl | |* (Love Actually, 2003).
- *I just feel we've been ↗bad ∨sons this year | |* (Love Actually, 2003).
- *I'm a↗fraid you 'did it a`gain, ∨Bill | |* (Love Actually, 2003).

В начальной позиции конструкции типа *I think* чаще всего не выделяются коммуникантами в отдельную синтагму и либо входят в безударный предтакт, либо становятся началом мелодической шкалы (19% и 42% примеров соответственно). Как правило, первым ударным слогом мелодической шкалы становится сам глагол. При этом диапазоны громкости, темпа и высоты тона, в которых он произносится, существенно не отличаются от остальной части

высказывания, что видно, например, на Рисунке 3.3, отображающем данные, полученные в результате электроакустического анализа фразы: «*I →think I can 'hold a `baby } ∨ thanks | |*» (Breeders, 2020–2023).

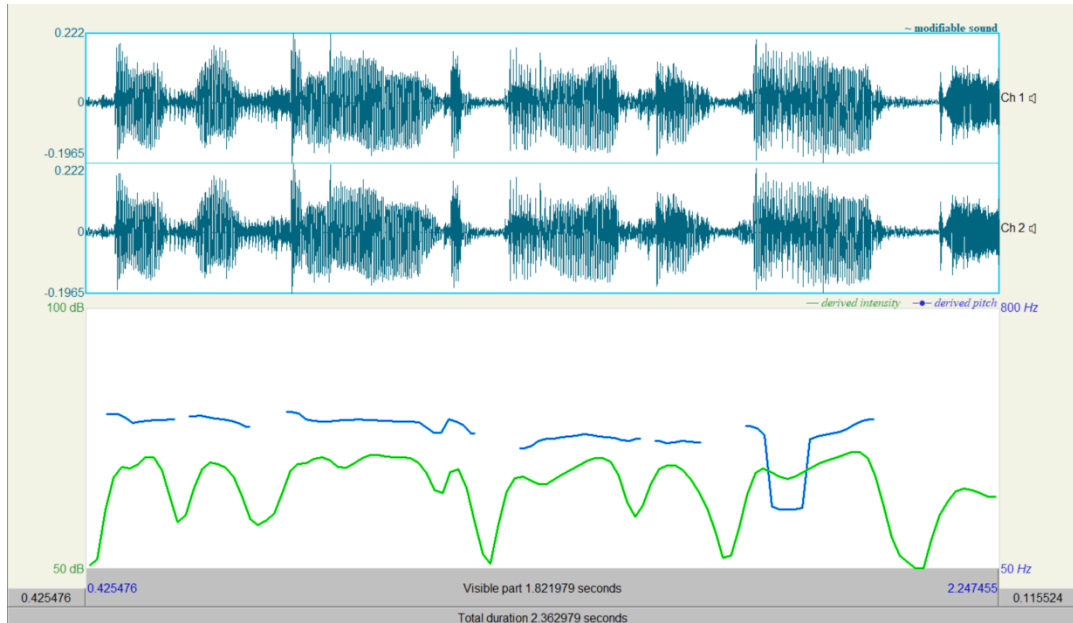

Рисунок 3.3 – Тонограмма реплики **I think I can hold a baby, thanks** (Breeders, 2020–2023)

Обратимся к другим примерам, имеющим схожее интонационное оформление:

- *I →thought you said 'eight 'forty 'five | |* (Breeders, 2020–2023).
- *I →thought it was trans`lated | |* (Staged, 2020–2022).
- *I was →thinking we could 'take in a `film after this | |* (About Time, 2013).
- *I →think, if your 'mum 'dies 'before ∨ me } I'll just ↗step in 'front of a `lorry | |* (Breeders, 2020–2023).
- *>Listen, erm... | -I've been `thinking... | I →think per'haps we ought to take `mum out } for her ~birthday on `Friday | |* (Love Actually, 2003).

Ударная позиция слова *think* может указывать на желание говорящего подчеркнуть осознанность высказываемого мнения, предположения или факта (именно эти КЗ чаще всего решаются данным хеджем), не вставая при этом в оппозицию, как при выделении местоимения *I*.

Примеров второго типа в корпусе исследования набралось существенно меньше, чаще всего они звучали в моменты, когда эмоциональное состояние героев было не совсем стабильно. Так, в споре жена говорит мужу: «*Oh, I think it 'is | |*» (Breeders, 2020–2023). Данной фразой она подчеркивает свое несогласие с высказанной им позицией. В другой ситуации жена находится в возбужденном состоянии, предвкушая дорогой подарок от супруга: «*I think, >I want | 'this one | |*» (Love Actually, 2003). Или актер, волнуясь, что рабочие переговоры проходят неудачно, пытается смягчить своего коллегу-товарища и расположить его к режиссеру: «*I think he was about to 'talk about your 'Hamlet | |*» (Staged, 2020–2022). Данное предложение отобразим на Рисунке 3.4.

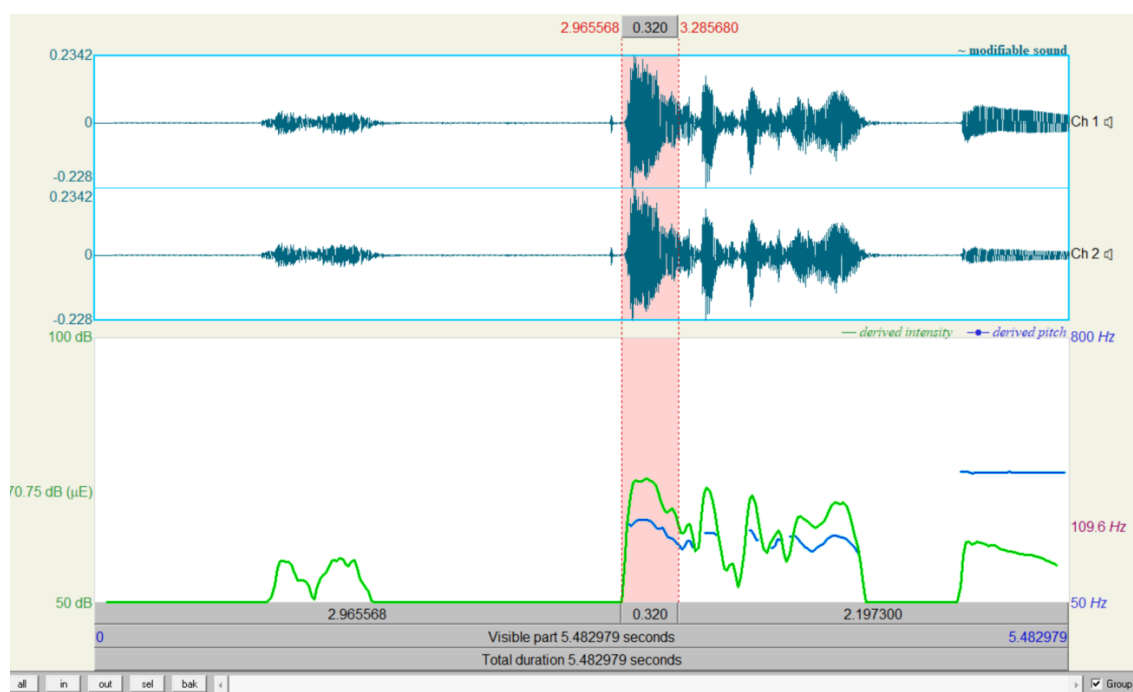

Рисунок 3.4 – Тонограмма реплики *I think he was about to talk about your Hamlet* (Staged, 2020–2022)

Как видно из примеров выше, местоимение *I*, становясь первым ударным слогом синтагмы, зачастую начинает падающую шкалу (Falling head) и звучит несколько выше (а иногда и громче) остальной части высказывания.

В 39% высказываниях, хеджированных сочетанием типа *I think*, расположенным в начале предложения, вводную конструкцию интонационно можно выделить в отдельную синтагму. Чаще она завершается либо нисходящим, либо ровным ядерным тоном. При нисходящем тоне ядром практически всегда

становится глагол, а паузу, отделяющую *I think* от остальной части реплик, можно охарактеризовать как сверхкороткую:

- *Well, I suppose, → apart from getting a 'slightly 'better haircut | |* (About Time, 2013)...
- *I'm → starting to think we → slightly 'wasted that → summer 'holiday | |* (About Time, 2013).
- *I just think it'd be → better 'coming from you | |* (Breeders, 2020–2023).

Ровный ядерный тон в сочетаниях типа *I think* в начале высказывания встречался в корпусе исследования не менее часто. Позволяя коммуниканту выиграть немного времени для формулирования своей идеи, данный тон, как правило, сопровождается снижением темпа речи, а также относительно длинными паузами. Примечательно, что пауза может звучать как сразу после вводной конструкции, так и после слова или словосочетания, следующего за ней:

- *I suppose it's... | It's → quite 'rare, 'yeah | |* (Fleabag, 2016–2019).
- *I'm >afraid there's 'something 'really 'wrong, 'you 'know? | |* (Love Actually, 2003).
- *>Well, I suppose, >I should | → take a 'look at it or something | |* (Love Actually, 2003).
- *So I >thought, | >um, | → best 'thing is to → find a 'book about 'speeches | |* (About Time, 2013).

Отметим также, что случаи, когда вводная конструкция с глаголом умственной деятельности, произнесенная говорящим как отдельная синтагма, содержит в себе не один, а два ударных слога, в нашем корпусе исследования единичны. Большинство из них включали в себя еще одно слово, совпадающее с началом мелодической шкалы. Например: «*I → always 'think | |*» или «*I'm → starting to 'think | |*».

Расширение вводной конструкции другими словами (чаще всего при отрицании) в целом, как показал анализ, нередко приводит к смещению на них ударения. Это происходит как при выделении конструкции в отдельную

синтагму, так и при включении ее в мелодическую шкалу. Единственным словом, довольно часто используемым в рамках рассматриваемой конструкции, которое всегда оставалось безударным, является наречие *just*:

- *I ↗don't think we're 'making 'progress here | |* (Love Actually, 2003).
- *I ↗don't think we'll be 'staying in the 'same 'room, ↗somehow | |* (About Time, 2013).
- *I'm ↗not sure that's en 'tirely 'fair | |* (About Time, 2013).
- *↗I just 'thought I'd pop >back and § ↗see if she's 'better* (Love Actually, 2003).
- *I just 'think § it'd be ↗better 'coming from 'you | |* (Staged, 2020–2022).

Последним выявленным способом просодического оформления рассматриваемого хеджа в начале высказывания является включение его в безударный предтакт, зафиксированное в 19% примеров. Как правило, он произносится в ускоренном темпе, без паузы и тише последующей части синтагмы. Так, в высказывании «*Well I thought you ↗warried about 'fire | |*» (Breeders, 2020–2023) вводная конструкция «*well I thought*» произносится с интенсивностью около 60 дБ, в то время как далее громкость говорящего повышается до 75 дБ (см. Рисунок 3.5).

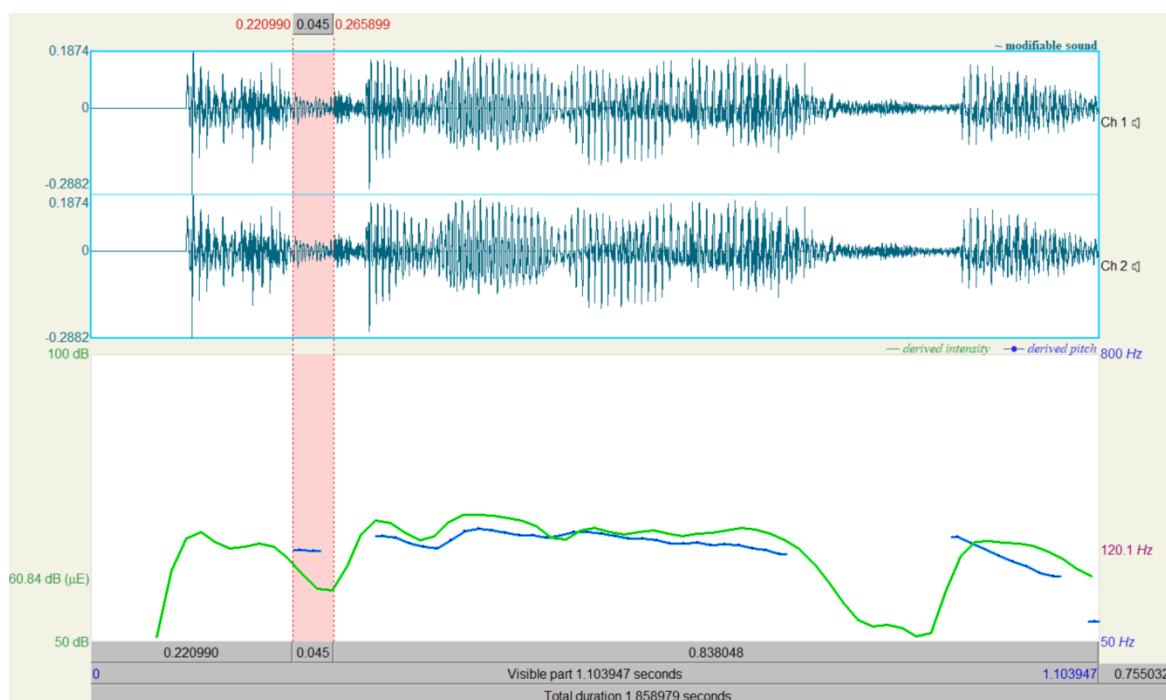

Рисунок 3.5 – Тонограмма реплики *Well I thought you worried about fire* (Breeders, 2020–2023)

Схожая картина наблюдается и в других репликах, где хедж в начале синтагмы характеризуется просодической непроминентностью:

- *So I think the dis[^]traction would be \good^ξ >for... | |* (Staged, 2020–2022).
- *I just feel we've been ↗bad \sons this year | |* (Love Actually, 2003).
- *I think I can ↗hear your \dad | |* (Fleabag, 2016–2019).

Важно отметить, что начальная позиция – самая частотная для вводных конструкций типа *I think* в корпусе исследования, встречается в 77% высказываний с данным хеджем. В середине и конце фразы она использовалась в 11% и 12% случаев соответственно. Таким образом, количество примеров данного типа существенно меньше, что затрудняет выявление строгих закономерностей, однако позволяет выявить некоторые варианты ритмомелодического оформления подобных высказываний.

Сочетания с глаголами умственной деятельности в **середине высказываний** отличаются большим разнообразием просодических особенностей. В ходе исследования было зафиксировано три типа реализации данных средств хеджинга. В первом варианте конструкция *I think* остается безударной, тихой и с узким диапазоном ЧОТ. Например: «Now, there *is* 'one

'final \thing, § **I think**, we should \look at, § that's >very | →close to my \heart, | just →give me a \sec | | » (Love Actually, 2003). В данной реплике интенсивность *I think* в среднем составляет 53,8 дБ, в то время как в среднем вся фраза звучит с громкостью в 66,7 дБ. Также диапазон ЧОТ хеджа – 90–93 Гц при высшей точке в 157 Гц (см. Рисунок 3.6).

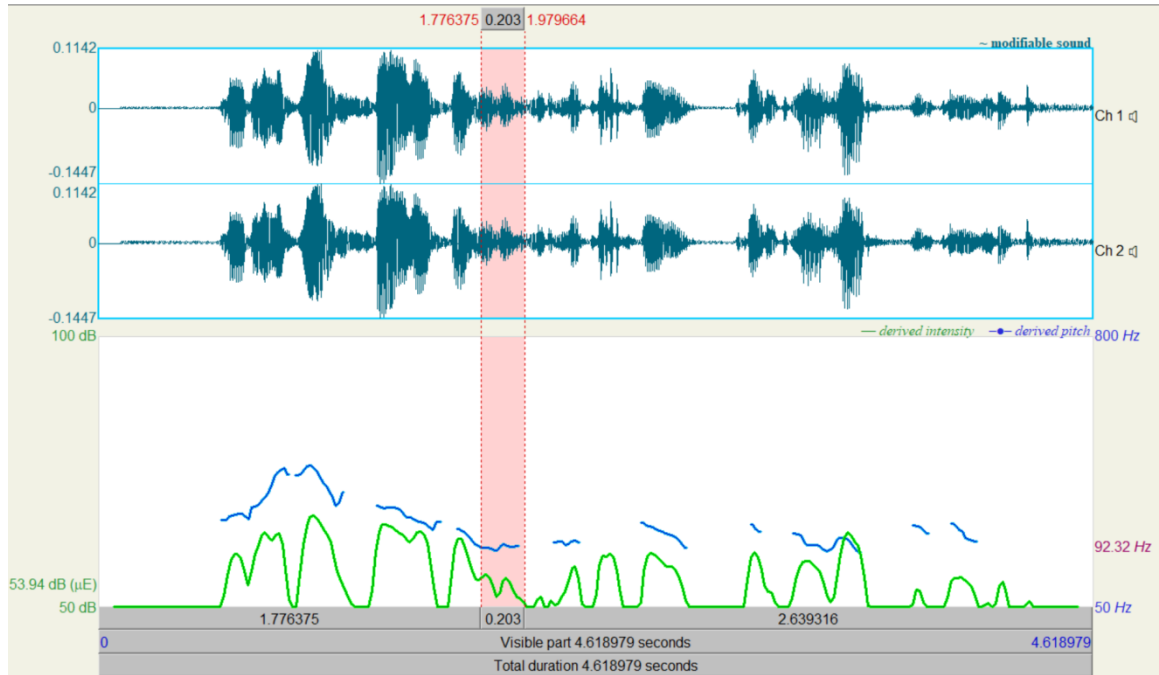

Рисунок 3.6 – Тонограмма реплики *Now, there is one final thing, I think, we should look at, that's very close to my heart... Just give me a sec* (Love Actually, 2003)

Второй вариант интонационного оформления – встраивание сочетания в мелодическую шкалу, когда глагол содержит в себе ударный слог синтагмы, как, например, в предложении: «*No, it's just in the \early hours | I →thought I heard \Paul | →shouting about \killing | |*» (Breeders, 2020–2023). При этом интенсивность, высота и скорость произнесения хеджа не выбиваются из реплики в целом.

Также в середине высказывания один из слогов вводной конструкции может стать ядерным. Тон при этом может быть и восходящим, и нисходящим, и ровным. Паузация, темп, интенсивность также сильно варьируются, что не позволило нам выявить определенных закономерностей:

- \Okay, | I'll have a \look, | but **I'm** →pretty \sure § I \wiped it | | (Love Actually, 2003).

- \rightarrow *Clever* \vee *guys*, | *although I \textbf{think} \xi the o\rightarrow riginal \textbackslash version was... \xi was >by* | \rightarrow *Frankie 'Valli & the 'Four \textbackslash Seasons* | | (Love Actually, 2003).
- $U\rightarrow ntil$, $>and$ | \rightarrow *this is the 'crucial \textbackslash plot point, I \textbf{think}, \xi >until \xi the \rightarrow lead* *'actor had the >most \xi \textbackslash massive 'dry in the 'history of \textbackslash theatre* | | (About Time, 2013).

В конце высказываний в интонационном оформлении сочетания типа *I think* преимущественно встречается следующий паттерн: глагол либо становится последним ударным слогом при нисходяще-восходящем ядерном тоне (73%), либо выделяется в отдельную синтагму с восходящим терминальным тоном (25%). Он имеет тенденцию звучать несколько затянуто, возможно, чуть медленнее остальной фразы, с заметной паузой после. В данной позиции подобные вводные конструкции ярче всего передают неуверенность говорящего в своих словах, максимально подчеркивая его сомнения:

- *\textbackslash Horace*, | *I \textbf{think}* | | (About Time, 2013).
- \rightarrow *Weird \textbackslash c*ck*, | *I always \textbf{thought}* | | (About Time, 2013).
- \rightarrow *Ten \textbackslash minutes \xi is \rightarrow long \textbackslash enough \xi for \rightarrow any \textbackslash party, I \textbf{think}* | | (About Time, 2013).

Таким образом, проведенный анализ показал, что в межличностной коммуникации британцев вводные конструкции с глаголами умственной деятельности и чувственного восприятия, используемые в качестве средств хеджинга, чаще всего стоят в начале высказывания и содержат один из ударных слогов синтагмы. В конечной позиции они, как правило, характеризуются восходящим терминальным тоном.

3.1.3 Просодические особенности реализации хеджа «just»

Частое использование наречия *just* является одним из ярких признаков неформальной английской речи, и в корпусе настоящего исследования оно использовалось в 24% хеджированных реплик. Основной чертой его фонетической реализации, выявленной в ходе слухового и электроакустического

анализа, можно назвать просодическую непроминентность. В 82% высказываний оно звучало безударно и встраивалось либо в предтактную часть синтагмы, либо в мелодическую шкалу:

- *I'm **just** gonna* →turn off the `radio | | (About Time, 2013).
- ***Just** √checking 'everything's `OK | |* (Breeders, 2020–2023).
- *I √want you to **just** 'lie √here, | 'right? | |* (Breeders, 2020–2023).
- *You →know, >um, | →being prime `minister, { >I | →could **just** have him √murdered | |* (About Time, 2013).

Иногда, однако, *just* произносится коммуникантами ударно, с ровным ядерным тоном, за которым, как правило, следует долгая или даже сверхдолгая пауза (от 0,6 с и дольше). В основном данный паттерн используется в моменты, когда говорящий испытывает трудности с выражением своей мысли либо находится в эмоциональном потрясении. Так, например, когда герой понимает, что ему надо попрощаться с умирающим отцом, он, с трудом подбирая слова, говорит следующую фразу: «*I →think I >**just** | | →thought with the `time √thing... | |*» (About Time, 2013). В данной реплике за хеджем *just* следует секундная пауза (см. Рисунок 3.7).

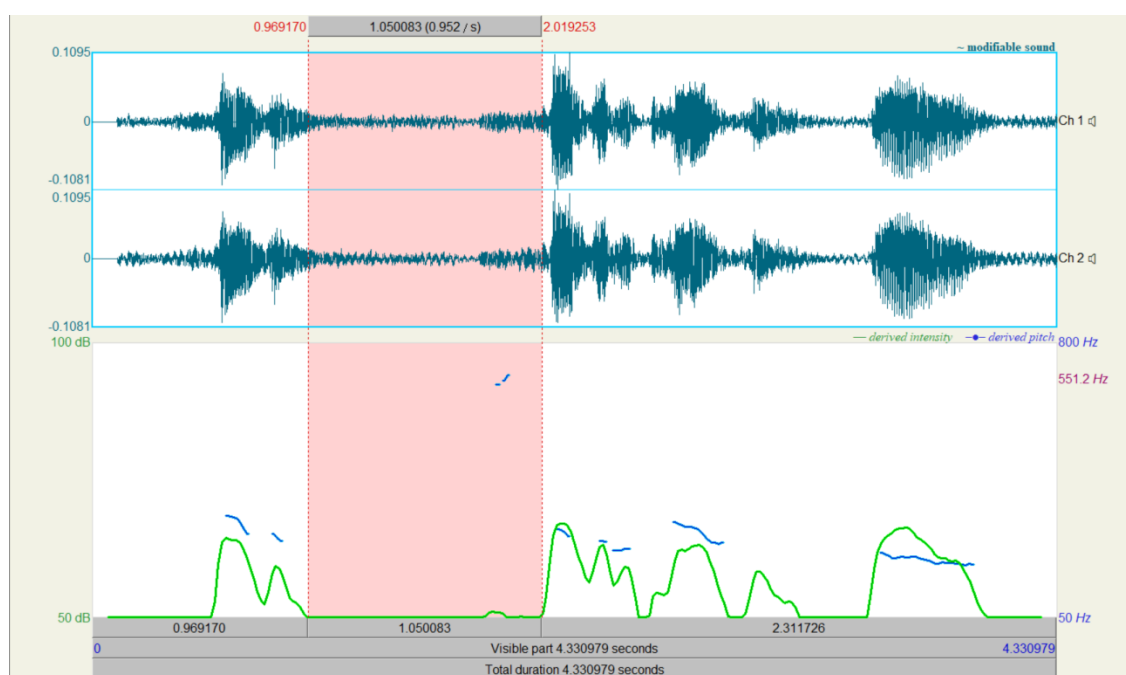

Рисунок 3.7 – Тонограмма реплики *I think I just thought with the time thing* (About Time, 2013)

Столь же длинная пауза последовала за *just*, когда девушка рассказывала таксисту о недавно погибшей подруге: «*She >just... | | √found out that her \boyfriend ∫ ∇fu**ed someone ∧else and ∫ wanted to \punish him ∫ by ∇ending up in \hospital ∫ and →not letting him \visit her for a bit | |*» (Fleabag, 2016–2019). Сказав «*she just*», героиня словно показывает, что она намеревается начать свой рассказ, однако ей нужно некоторое время, чтобы собраться с мыслями, поэтому она делает паузу. Само наречие также несколько обесценивает важность того, что будет сказано далее. Таким образом девушка одновременно и призывает слушателя не реагировать слишком сильно (несмотря на ужас того, о чем она рассказывает), и использует механизм защиты своей психики: случилось *всего-навсего* следующее, нет нужды переживать.

Случаи, когда *just* встраивается в мелодическую шкалу в качестве ударного слога, единичны. В ситуациях, когда коммуникант особенно остро осознает, что вынужден нарушить личные границы собеседника (например, давая совет), он может неосознанно выделить средство речевого отгораживания чуть ярче:

- *...and I ∇just >thought ∫ >maybe ∫ it ∇might be ∧worth, ∫ you √know, ∫ having ∇one 'last \look ∫ at the \lines ∫ before you ∇go \on | |* (About Time, 2013).
- *If they ∇offer you √tea, | ∇just say √no | |* (About Time, 2013).

На сегментном уровне в рассматриваемом нами хедже в подавляющем большинстве случаев можно отметить редукцию и элизию, вследствие которых он звучит не как /dʒʌst/, а как /dʒəs/. Даже произнося «*just*» с ровным ядерным тоном, коммуниканты в основном реализуют фонему /ə/, затягивая, однако, конечный /s/.

3.1.4 Просодические особенности реализации разделительного вопроса как средства хеджинга

Как было отмечено в предыдущей главе, разделительный вопрос как средство хеджинга в первую очередь распространен в речи англичан из рабочего класса, однако в диалогах представителей среднего класса он также присутствует и использовался в 11% проанализированных высказываний.

Фонетисты отмечают, что вторая часть разделительного вопроса заканчивается восходящим тоном, если говорящий искренне хочет услышать ответ собеседника, и нисходящим тоном, если он рассчитывает исключительно на согласие с высказанной мыслью [Wells 2018: 48–49]. В рамках настоящего исследования соотнесение результатов слухового, электроакустического и контекстного анализа показало зависимость терминального тона от степени уверенности адресата в своих словах и желания быть ненавязчивым и осторожным, что в целом не противоречит вышеизложенному утверждению.

В корпусе исследования количество разделительных вопросов с восходящим и нисходящим терминальными тонами оказалось примерно равным. Примечательно, однако, что пауза перед хвостовой частью в основном свойственна предложениям с восходящим тоном. Оба данных признака подчеркивают неуверенность говорящего. Обратимся к некоторым примерам.

- Режиссер пытается уговорить актера, не особо ему симпатизирующего, принять участие в его постановке: *\OK, \xi well, \neg I'll \vee start, | 'yeah? | |* (Staged, 2020–2022).
- Герой предлагает незнакомцам в кафе занять ненадолго их ребенка, чтобы они смогли поесть: *>Uh, \xi ex\cuse me, \xi you \neg don't need a \vee hand, | \do you? | |* (Breeders, 2020–2023).
- Неуверенный в себе мужчина приглашает девушку на первое свидание: *\Look, | \neg sorry to >be a | a \neg bit \vee forward and all \neg that, but | you \neg don't fancy to >have a | \neg Christmas \neg drink, | \do you? | |* (Love Actually, 2003).
- Раздраженный отец, пытаясь скрыть гнев, укладывает сына спать: *I \neg want you to just \neg lie \neg here, | 'right? | |* (Breeders, 2020–2023).

В первых трех репликах очевидны переживания героев, неловкость от ситуации, в которой они находятся. На лингвистическом уровне, помимо паузы и восходящего терминального тона, это проявляется также и в использовании ряда других хеджей (*uh*, модальный глагол в отрицательной форме, *well, a bit, and all that, just*). Паузы в данных высказываниях можно охарактеризовать как долгие

и сверхдолгие. Так, электроакустический анализ показал, что в первом примере герой выдержал паузу в 0,86 с (см. Рисунок 3.8).

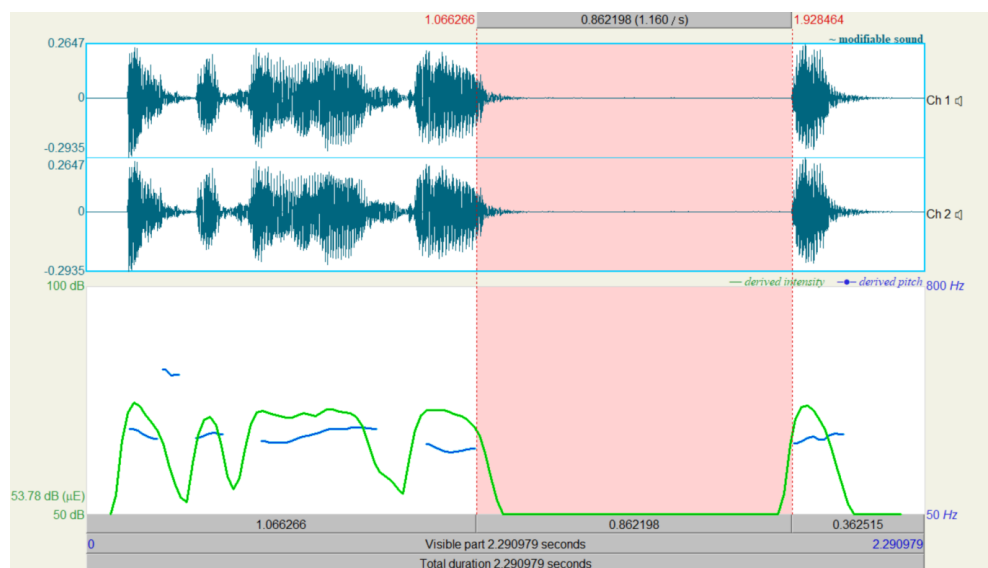

Рисунок 3.8 – Тонорама реплики *OK, well, I'll start, yeah* (Staged, 2020–2022)

Последний из приведенных выше примеров несколько отличается от остальных, однако демонстрирует эффект, которого герой стремится достичь, используя анализируемый хедж. Отец не хочет злиться на ребенка, и ему тяжело совладать со своими эмоциями. Все его усилия направлены на то, чтобы звучать как можно спокойнее, поэтому он говорит в относительно медленном темпе. В начале фразы он использует сразу два средства речевого отгораживания: наречие *just* в ударной позиции, что делает его более заметным в предложении; модальный глагол *need*, на вербальном уровне предоставляющий ребенку свободу выбора — делать или не делать то, что нужно от него отцу. Свое требование герой заканчивает ярким нисходяще-восходящим тоном, еще больше смягчая силу высказывания. Далее он делает паузу в 0,8 с (см. Рисунок 3.9), после чего добавляет «*right*» с высоким восходящим тоном, словно спрашивая, согласен ли сын выполнить требование. Повышение диапазона ЧОТ (94–129 Гц в начале фразы и 117–150 Гц в «хвосте») также работает на снижение агрессивности.

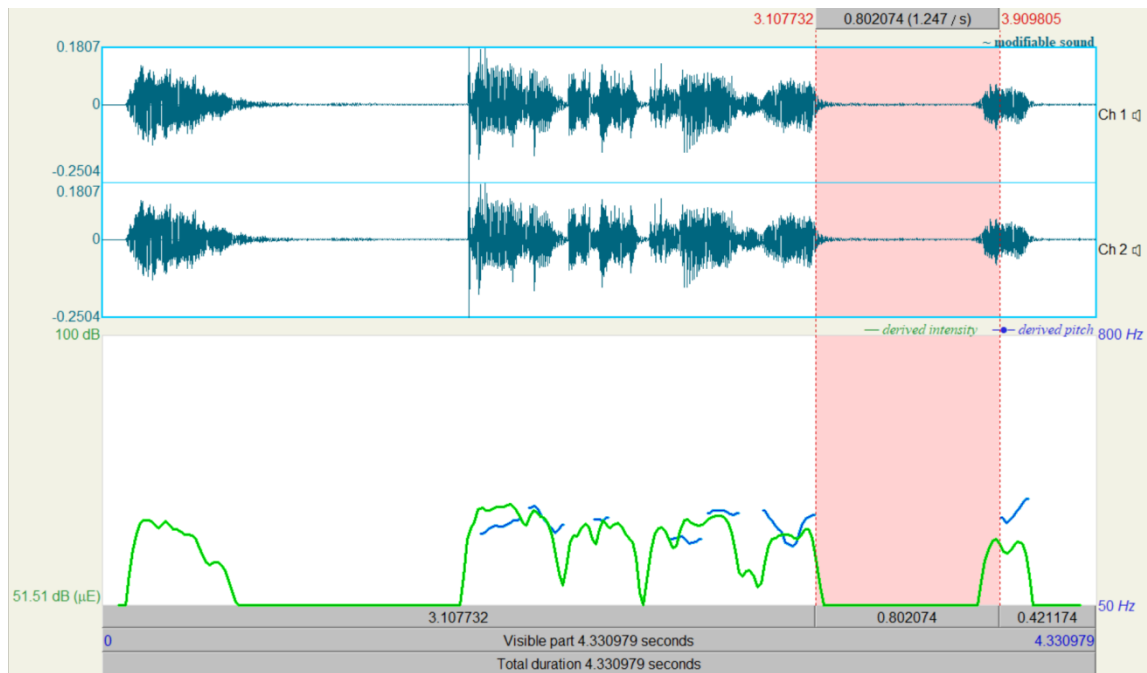

Рисунок 3.9 – Тонограмма реплики *I want you to just lie here, right* (Breeders, 2020–2023)

Однако, как показало исследование, повышение диапазона ЧОТ скорее не свойственно концу разделительного вопроса и встретилось лишь в 20% высказываний. Гораздо чаще наблюдается ситуация, когда диапазон либо сужается в сторону более низких частот, либо остается неизменным.

Естественно, более низкие частоты чаще слышны в конце вопросов с нисходящим терминальным тоном. В основном данный тон использовался при выражении мнения, предположения и констатации фактов:

- *↗Blonde means \blonde hair, § \doesn't it? | |* (About Time, 2013).
- *↗Well, | ↘girls § ↗love mu\sicians, § \don't they? | |* (Love Actually, 2003).
- *Well, that's ↗always been \our \family, § \isn't it? | |* (Breeders, 2020–2023).
- *This doesn't ↗happen very \often, § \does it? | |* (Fleabag, 2016–2019).

Примерно в половине случаев (включая четыре приведенных выше примера) также было отмечено снижение интенсивности звучания в вопросительной концовке. Чуть реже громкость оставалась неизменной, и не было зафиксировано ни одного примера в корпусе исследования, в котором она повышалась бы к концу предложения. Более тихое произнесение делает рассматриваемый хедж чуть менее навязчивым и более осторожным.

Напротив, ярко выделяет анализируемое средство непрямо́й коммуникации наличие в вопросительной концовке сразу двух ударных слогов. Такие примеры в корпусе исследования единичны, и все они были реализованы по модели «высокая ровная шкала + высокий нисходящий ядерный тон». Так, в ссоре с мужем жена говорит: «'Cause ↗work from ↘home § is ↗still ↘work, § ↗isn't ↘it?» (Breeders, 2020–2023). Примечательно, что глагол *isn't* героиня начинает произносить со скорее несвойственным британскому английскому твердым приступом, что также работает на подчеркивание структуры вопроса. В данном случае хедж работает в большей степени не на смягчение силы высказывания, а как недвусмысленное предоставление мужу возможности согласиться с супругой. Таким образом, на вербальном уровне личные границы обоих коммуникантов будут сохранены: героиня задала вопрос, собеседник решил с ней согласиться. Однако на фонетическом уровне становится очевидна безальтернативность вариантов ответа, которые мог бы дать адресат. Данный пример ярко иллюстрирует важность ритмомелодической составляющей при реализации стратегии хеджинга, так как более агрессивная интонация может противоречить на первый взгляд вежливым формулировкам.

Обобщим вышеизложенные результаты слухового и электроакустического анализа частотных средств хеджинга в корпусе исследования в Таблице 3.1. Отметим также, что главной закономерностью, которую удалось выявить в ходе исследования, является высокая вариативность в звучании и интонировании хеджей, поэтому ниже представлены лишь наиболее типичные, но не исчерпывающие характеристики их фонетической реализации.

Таблица 3.1 – Просодические особенности реализации частотных хеджей в речи представителей британского среднего класса

Средство хеджинга		Наиболее частотные ритмомелодические особенности в кинодиалогах среднего класса
Модальные глаголы	<i>can/could</i>	Диапазон ЧОТ: низкий, средний Скорость: высокая Интенсивность: низкая, средняя Паузы: отсутствуют
	<i>would</i>	Диапазон ЧОТ: средний, высокий Скорость: средняя, высокая

Средство хеджинга		Наиболее частотные ритмомелодические особенности в кинодиалогах среднего класса
		Интенсивность: средняя, высокая Паузы: отсутствуют
	<i>may/might</i>	Диапазон ЧОТ: средний, высокий Скорость: низкая, средняя Интенсивность: средняя, высокая Паузы: варьируются Ядерный тон: ровный (перед паузами хезитации)
	<i>should</i>	Диапазон ЧОТ: низкий, средний Скорость: высокая Интенсивность: низкая, средняя Паузы: отсутствуют
	<i>have to</i>	Диапазон ЧОТ: низкий, средний, высокий Скорость: низкая, средняя, высокая Интенсивность: низкая, средняя, высокая Паузы: отсутствуют
	<i>need</i>	Диапазон ЧОТ: средний, высокий Скорость: низкая, средняя Интенсивность: средняя, высокая Паузы: отсутствуют
Вводные конструкции с глаголами умственной деятельности и чувственного восприятия	В начале высказывания	Диапазон ЧОТ: средний Скорость: высокая Интенсивность: средняя Паузы: отсутствуют
	В середине высказывания	Диапазон ЧОТ: низкий, средний, высокий Скорость: низкая, средняя, высокая Интенсивность: низкая, средняя, высокая Паузы: варьируются
	В конце высказывания	Диапазон ЧОТ: средний, низкий Скорость: средняя, высокая Интенсивность: средняя Паузы: отсутствуют Ядерный тон: низкий восходящий
<i>Just</i>		Диапазон ЧОТ: низкий, средний Скорость: средняя, высокая Интенсивность: низкая, средняя Паузы: отсутствуют
Разделительный вопрос (хвостовая часть)		Диапазон ЧОТ: низкий, средний Скорость: средняя, высокая Интенсивность: низкая, средняя Паузы: могут предшествовать восходящему ядерному тону Ядерный тон: низкий нисходящий, низкий восходящий

3.2 Особенности просодии лексико-грамматических средств хеджинга в межличностной коммуникации британцев рабочего класса

3.2.1 Просодические особенности реализации модальных глаголов как средств хеджинга

Как было отмечено в предыдущей главе, модальные глаголы стали самым частотным средством речевого отгораживания в корпусе исследования. Обратимся к просодическим особенностям их реализации в речи персонажей, принадлежащих к рабочему классу.

Can/could. Данный глагол в речи представителей рабочего класса, как правило, оказывается в безударной позиции в составе либо предтакта (65%), либо мелодической шкалы (5%). В основном он звучит менее интенсивно, чем остальная часть высказывания, в быстром темпе:

- *I >mean, ξ I **can** \rightarrow go to \backslash Greggs right now... | |* (Sorry, We Missed You, 2019).
- ***Can** you \rightarrow give 'Keeley a \backslash message for \nearrow me? | |* (Fish Tank, 2009).
- ***Can** I \rightarrow borrow your \backslash lighter? | |* (Shameless, 2004–2013).
- ***Can** we just \sim talk about me \wedge heart? | |* (I, Daniel Blake, 2016).

На Рисунке 3.10 представлен последний из четырех приведенных выше примеров. Глагол *can* выделен красным цветом. На графике виден суженный диапазон интенсивности звучания (зеленая линия), а также высокая СДС. В связи с редукцией на сегментном уровне (глагол в данном предложении звучит практически как /kn/) высоту ЧОТ, входящую в один диапазон с последующим местоимением *we*, можно определить лишь при звучании последнего сонанта /n/.

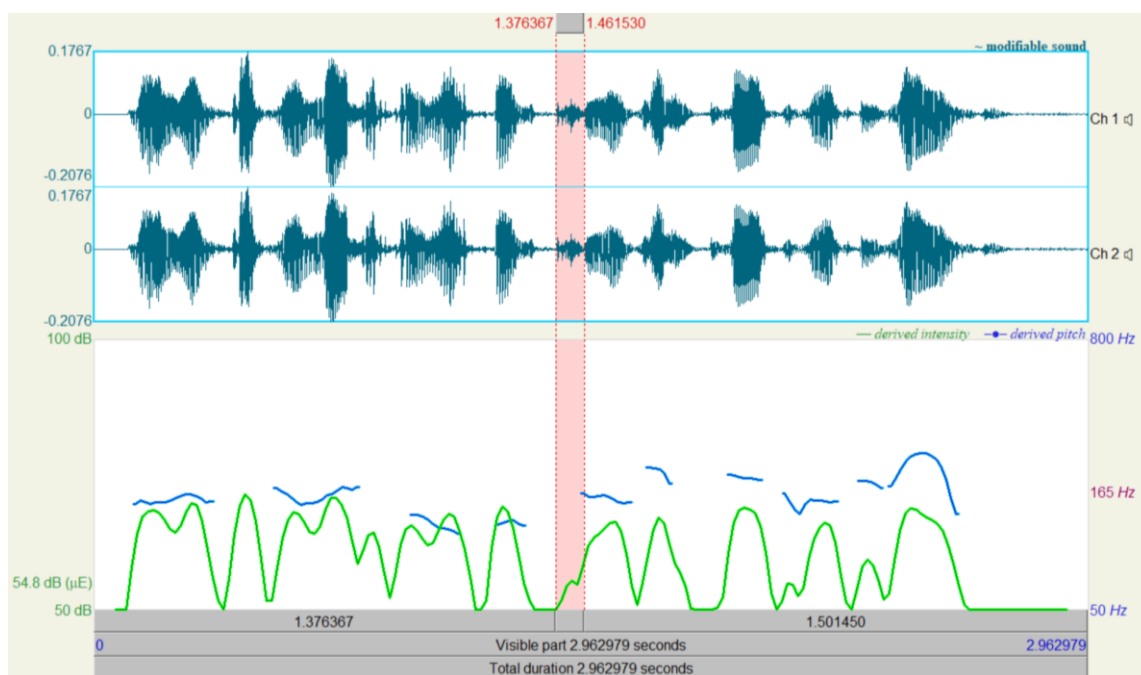

Рисунок 3.10 – Тонограмма реплики *Can we just talk about me heart* (I, Daniel Blake, 2016)

Ударно *can/could* чаще всего звучит в рамках мелодической шкалы в отрицательных предложениях. Данная тенденция наблюдается как при использовании краткой формы *can't/couldn't*, так и полной *cannot*, в том числе в случаях, когда в вопросах между глаголом и отрицательной частицей стоит подлежащее:

- *↗Can you 'not get a `company van? | |* (Sorry, We Missed You, 2019).
- *You ↗can't tell `any of them | |* (Misfits, 2009–2013).
- *↗Can you 'not let her 'sign <on? | |* (I, Daniel Blake, 2016).

Обратимся к тонограмме последнего примера (Рисунок 3.11). Глагол *can* произносится заметно громче, чем в предложении «*Can we just 'talk about me ^heart?*» (см. Рисунок 3.10). Также герой несколько растягивает сонант /n/, что снижает скорость произнесения хеджа практически в три раза. Важно отметить, что кроме отрицательной частицы *not* на звучание хеджа, вероятно, оказало влияние эмоциональное состояние говорящего: персонаж был раздражен тем, что работники социальной службы отказывались оказать помощь находящейся в трудном положении матери-одиночке из-за того, что она перепутала автобус и немного опоздала.

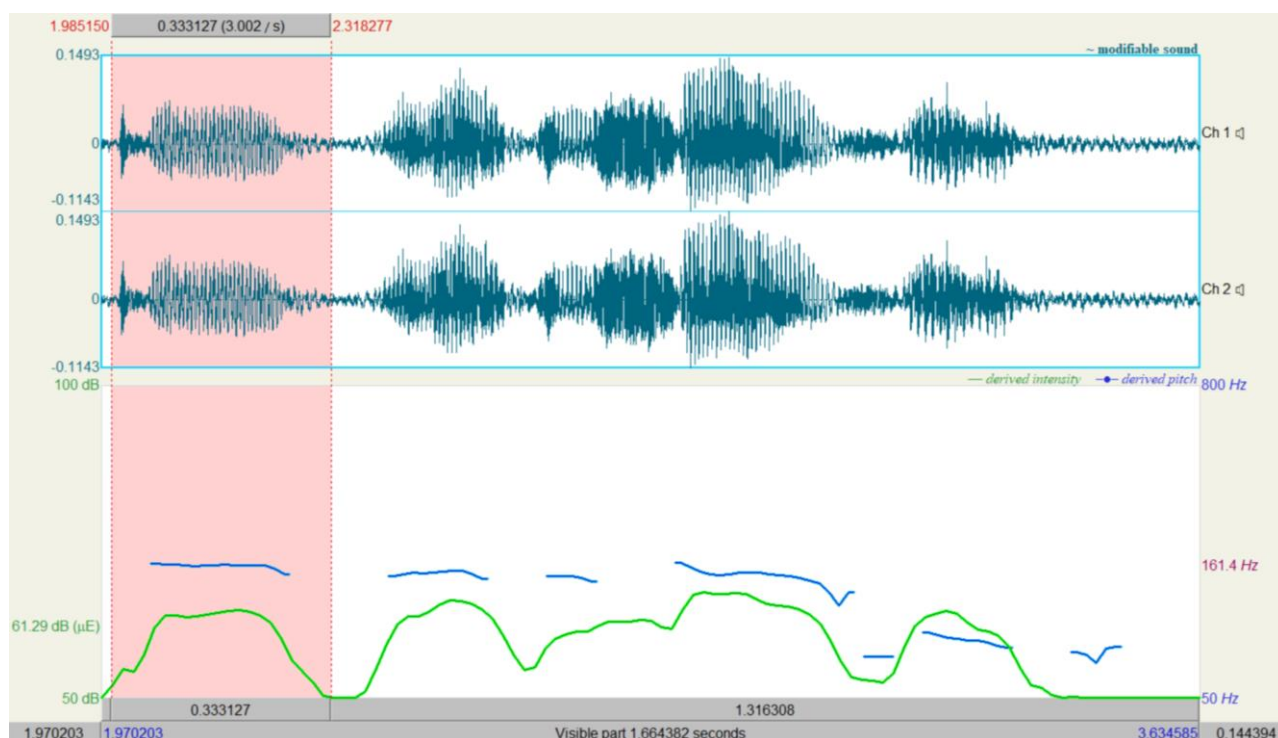

Рисунок 3.11 – Тонограмма реплики *Can you not let her sign on* (I, Daniel Blake, 2016)

Примечательно, что из 12 случаев, когда герои использовали хедж *can*, находясь в состоянии эмоционального возбуждения (волнение или раздражение), в 10 репликах он находился в ударной позиции. Например, когда жена пытается снизить накал ссоры сына с мужем и просит: *“Can we just talk?”* (Sorry, We Missed You, 2019), – именно модальный глагол становится началом мелодической шкалы синтагмы. Аналогичным образом его выделяет героиня другого фильма, когда понимает, что мать хочет выселить ее из дома, и перед серьезным разговором спрашивает: *«“Can I get you a drink first?”* (Fish Tank, 2009). Таким образом, мы снова можем предположить, что одним из ключевых факторов, влияющих на просодию хеджинга, является настроение говорящего.

Would. В речи героев из рабочего класса данный глагол в подавляющем большинстве случаев оказался просодически непроминентным. В просьбах, требованиях и предложениях, начинающихся с *would*, первый ударный слог приходился на смысловой глагол или на подлежащее, в то время как сам хедж входил в состав предтакта:

- *Would “I be able to do the last”* (Sorry, We Missed You, 2019).

- *Would* you ↗like me to ↘prove it to you? | | (Misfits, 2009–2013).
- *Would* you wanna ↗wait out↘side § while >I § ↗take care of the ↘bil?l | | (Shameless, 2004–2013).

Примеры, в которых рассматриваемый глагол находится в ударной позиции, в корпусе исследования оказались единичными.

Might. В корпусе исследования модальный глагол *might* как средство речевого отгораживания в основном использовался в предположениях. На особенности его звучания в первую очередь оказывала влияние степень уверенности говорящего в своих словах: чем она выше, тем меньше глагол выделялся на просодическом уровне. В 70% проанализированных случаев он стоял в ударной позиции в начале мелодической шкалы, произносился без пауз, в среднем темпе и не выбивался из диапазона ЧОТ всей синтагмы:

- *They ↘might as well have 'time for the ↘toilet* | | (Sorry, We Missed You, 2019).
- *There ↗might be 'something, >erm, § a ↗bit further 'up* | | (I, Daniel Blake, 2016).

В оставшихся 30% фраз, хеджированных модальным глаголом *might*, он также входил в мелодическую шкалу синтагмы, однако оставался безударным. Обращает на себя внимание тот факт, что во всех подобных примерах подлежащее было выражено именем существительным, а не местоимением. Однако для того, чтобы сделать определенные выводы, необходимо исследовать большее количество таких высказываний:

- *This ↗place might 'look like a ↘sh**↘hole* | | (Sorry, We Missed You, 2019).
- *So I ↗thought that if I 'took your ↘keys, | | ↗things might go 'back to ↘normal* | | (Sorry, We Missed You, 2019).

Should. Модальный глагол *should* в проанализированных высказываниях чаще всего можно охарактеризовать как просодически непроминентный: в 54% случаев он входил в безударный предтакт, в 16% – оставался безударным в рамках мелодической шкалы:

- *So /I should just 'go to A\merica | |* (Love Actually, 2003).
- *So /why should I \listen? | |* (Fish Tank, 2009).

В ударной позиции данный хедж использовался в отрицательных предложениях, например: «*↗Shouldn't he 'get it \X-rayed? | |*» (Shameless, 2004–2013) или «*You /shouldn't put 'up with \sh**from your .mum | |*» (Fish Tank, 2009). Также был зафиксирован один случай, где *should* стал ядром синтагмы и был произнесен со средним ровным терминальным тоном с последующей длительной паузой хезитации: «*Well, ↗perhaps you >should er... | ↗come on \later, .Plumpy | |*» (Love Actually, 2003). В данном примере отец обращается к своей дочери, испытывая волнение из-за неожиданной встречи с ее боссом. Становится очевидной взаимосвязь желания отстраниться от происходящего и более яркого звучания хеджа в синтагме.

Have (got) to. Данный хедж становился первым ударным слогом мелодической шкалы в двух третях высказываний из корпуса исследования. Такой вариант просодического оформления позволяет персонажам дополнительно подчеркнуть вынужденность своих намерений или просьб.

Обратимся к примеру, в котором молодой человек произносит фразу «*I ↗have to \go | |*» (Misfits, 2009–2013). Снижение темпа, повышение тона и интенсивности на слоге «*have*», показывают адресату и зрителям, что на самом деле он не хочет уходить. В другой ситуации, когда этот же герой произносит те же слова, оставляя модальный глагол в безударном предтакте («*I have to \go | |*»), становится очевидно, что в данном случае хеджирование является данью вежливости и герой не испытывает сожаления из-за того, что ему приходится покинуть собеседников.

Заметным отличием использования анализируемого хеджа представителями разных социальных групп является предпочтение персонажами из среднего класса формы *have to*, в то время как в речи героев из рабочего класса гораздо чаще можно услышать форму *have got to*, нередко редуцируемую на сегментном уровне до /v'gptə/ в ударной позиции и /vgətə/ – в безударной.

Need. Как показал слуховой и электроакустический анализ, хедж *need* тяготеет к ударным позициям. Нередко он произносится в среднем или медленном темпе (60%). Для большей убедительности в некоторых ситуациях персонажи использовали сверхкраткие паузы внутри синтагмы. Так, например, мужчина дает совет своему товарищу: «*You >know, ξ you >needn't ξ ^think about them ^either, ξ 'aye? | |*» (I, Daniel Blake, 2016). Сверхкраткие паузы и медленный темп указывают на то, что герой испытывает неловкость от вторжения в чужие личные границы и очень осторожно подбирает слова, чтобы не обидеть собеседника.

Подводя **итог** анализу просодических особенностей модальных глаголов как хеджей в речи британцев – представителей рабочего класса, отметим, что в целом соотношение ударных глаголов к безударным составило примерно 45% к 55% соответственно. Данная пропорция совпадает с результатами анализа речи кинодиалогов персонажей среднего социального класса. Таким образом, несмотря на некоторые отличия в деталях, общие закономерности интонационного оформления рассматриваемого средства речевого отгораживания у двух социальных групп схожи.

3.2.2 Просодические особенности реализации вводных конструкций с глаголами умственной деятельности и чувственного восприятия как средств хеджинга

Как было отмечено в предыдущей главе, конструкции типа *I think* не являются частотным способом хеджирования в кинодиалогах представителей британского рабочего класса. Для того чтобы сравнить особенности их просодической реализации в речи двух социальных страт, проведем слуховой и электроакустический анализ данного хеджа, однако необходимо учитывать разницу в количестве зафиксированных реплик: 124 – в среднем классе, 34 – в рабочем. Также отметим, что в данных 34 репликах отсутствует разнообразие в позиции вводной конструкции в предложении: 32 раза она располагалась в начале высказывания (два из них – в общем вопросе) и всего 2 раза – в конце.

Главной закономерностью, выявленной в ходе исследования, стало почти полное отсутствие в корпусе примеров с произнесением рассматриваемого средства речевого отгораживания в безударной позиции. Единственным исключением стало отрицательное предложение, в котором ударение перетянул на себя вспомогательный глагол с частицей *not*: «*I ,really ^don't think he `did it | |*» (Misfits, 2009–2013).

В 27 репликах глагол *think* и его синонимы стали первыми ударными слогами мелодической шкалы. Интенсивность и высота ЧОТ при их произнесении в основном находились в верхней части диапазона всей синтагмы, а скорость произнесения варьировалась от медленной до быстрой. Увеличенная СДС зачастую сопровождалась наличием сверхкратких и кратких пауз. Приведем некоторые примеры:

- *Look, I ^think, we 'need to 'take the ^leap | |* (Sorry, We Missed You, 2019).
- *^I ^thought 'you'd 'no ^money | |* (Shameless, 2004–2013).
- *I sup^pose, that's 'how she `wants ^them | |* (Fish Tank, 2009).
- *I ^think you've been ^shoplifting | |* (I, Daniel Blake, 2016).

Первое из четырех предложений было произнесено мужем во время обсуждения того, стоит ли ему рискнуть и уйти на новую работу. На тонограмме (см. Рисунок 3.12) видно, что всю реплику он произносит со сверхкраткими паузами (самая длительная из них выделена красным цветом), свидетельствующими, с одной стороны, о его неуверенности в себе, с другой – о желании убедить и жену, и себя в правильности своего решения. В то же время СДС внутри фразы остается достаточно краткой.

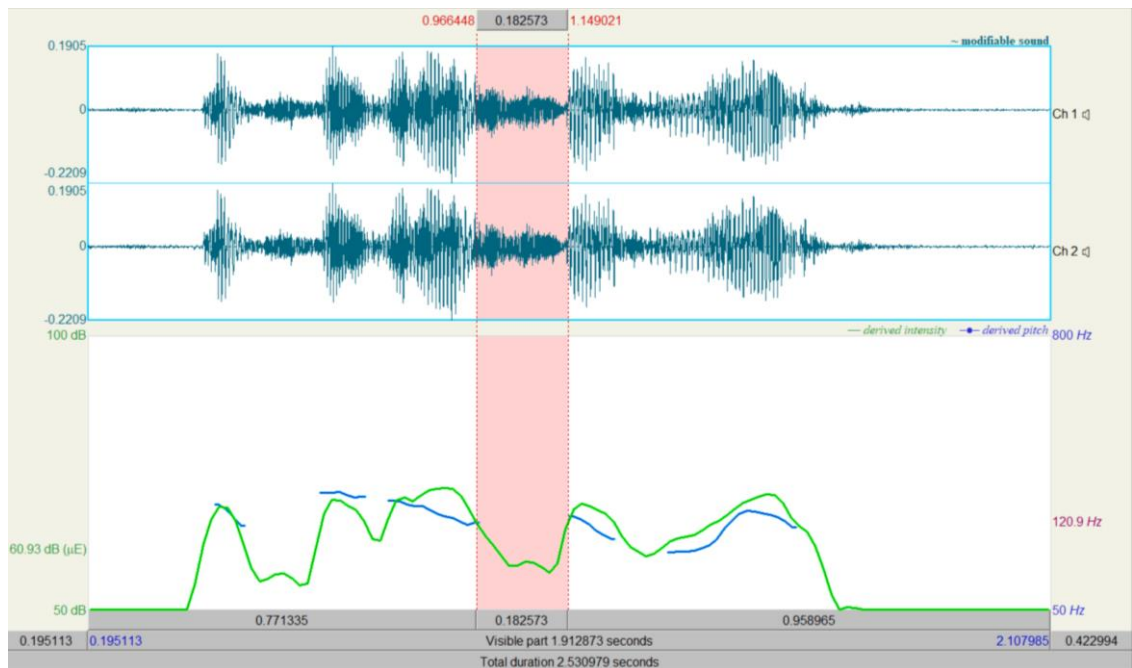

Рисунок 3.12 – Тонотрама реплики *Look, I think, we need to take the leap* (Sorry, We Missed You, 2019)

Второй из приведенных примеров (*I thought 'you'd 'no /money*) произносится героиней без пауз внутри синтагмы, однако скорость произнесения можно охарактеризовать как медленную, что также дополнительно выделяет рассматриваемый хедж на уровне просодии (см. Рисунок 3.13). Кроме того, на данном рисунке заметно, что самый высокий уровень ЧОТ и интенсивности приходится именно на сочетание *I thought*.

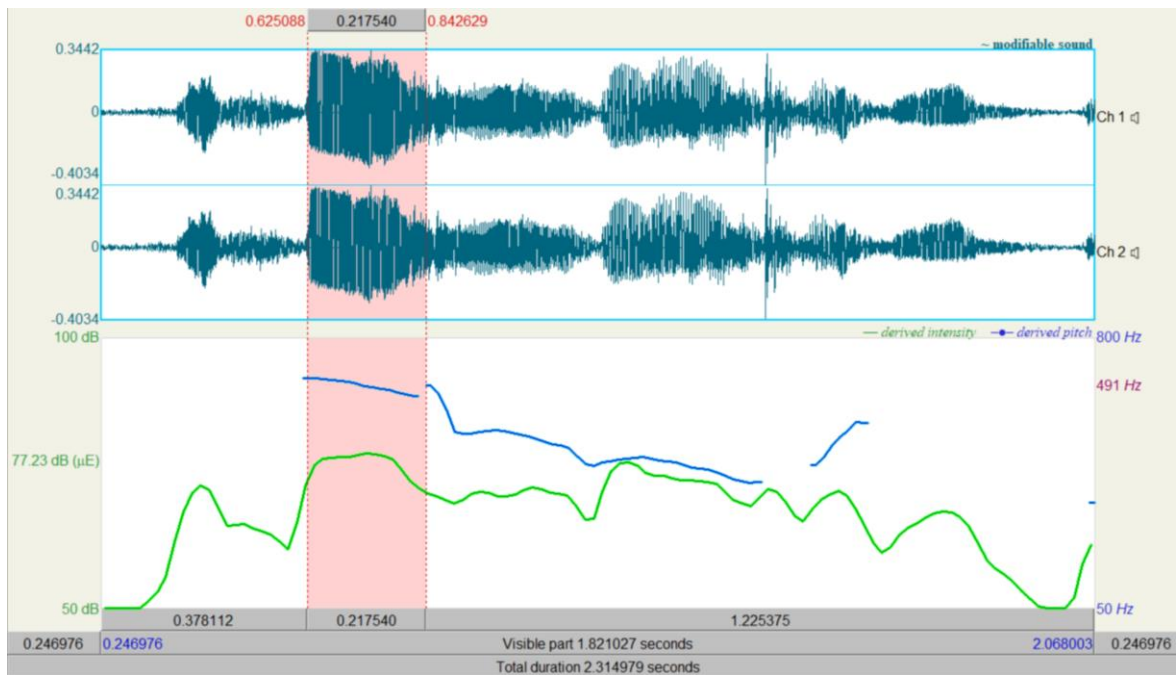

Рисунок 3.13 – Тонोगрамма реплики *I thought you'd no money* (Shameless, 2004–2013)

Наибольшая степень неуверенности в словах говорящего проявлялась, когда герои произносили анализируемую вводную конструкцию со средним ровным ядерным тоном с последующей средней или длительной паузой hesitation. В корпусе исследования было зафиксировано три подобных примера:

- *I >think*, | *if we >just* | *con>tinue it* § *on the ↗same ↘dosage...* | | (I, Daniel Blake, 2016).
- *I >think it's* | *↘c**p*, § *↘Collin* | | (Love Actually, 2003).
- *↗I ↗just >feel like...* | | *I'm ↗not ↘here enough...* | | (Sorry, We Missed You, 2019).

Последнюю фразу произносит жена, когда признается мужу, что испытывает вину перед детьми за то, что не может проводить с ними достаточно времени из-за большой нагрузки на работе: «*I ↗try and ↘talk to him* § *↗all the ↘time* § *>but...* | | *↗I ↗just >feel like...* | | *I'm ↗not ↘here enough...* | | *↗Three nights a ↘week...* | | » (Sorry, We Missed You, 2019). Героиня не только обрамляет вводную конструкцию длительной и сверхдлительной паузами, но и делает сверхкраткую заминку между словами *just* и *feel* (выделено красным на Рисунке 3.14). При этом в целом вся реплика по громкости и высоте ЧОТ звучит ровно, в достаточно

узком диапазоне. Данные особенности передают волнение адресанта, ее неуверенность в своих действиях и эмоциональный дискомфорт.

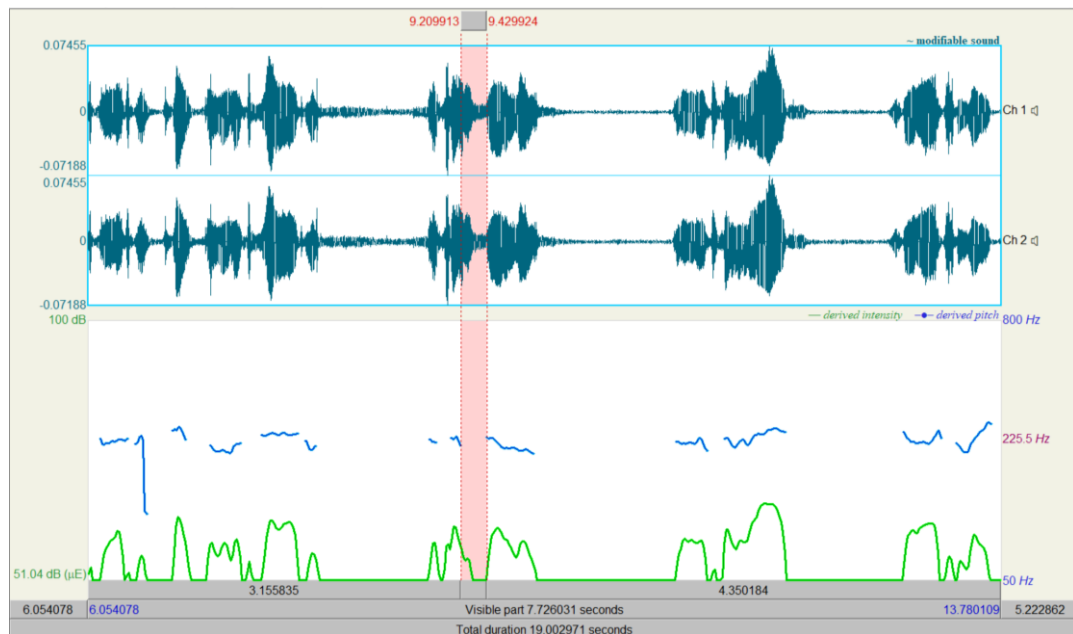

Рисунок 3.14 – Тonoграмма реплики *I try and talk to him all the time but... I just feel like... I'm not here enough... Three nights a week* (Sorry, We Missed You, 2019)

В двух высказываниях, завершающихся вводной конструкцией с глаголом умственной деятельности, данный хедж выделялся в отдельную синтагму. Ядро в обоих случаях пришлось на глагол (один раз с нисходящим, другой – с восходящим терминальным тоном). Таким образом, средство речевого отгораживания снова звучит достаточно ярко и позволяет коммуникантам подчеркнуть субъективность своего предположения как на лексическом, так и на фонетическом уровне:

- *De[→]pends on the work, § I sup[↑]pose* | | (I, Daniel Blake, 2016).
- *Oh, a[→]canny long time, § I 'reckon* | | (I, Daniel Blake, 2016).

Обобщая результаты слухового и электроакустического анализа сочетаний типа *I think* как средств хеджинга, еще раз отметим, с одной стороны, их низкую частотность в диалогах, анализируемых в настоящем параграфе, а с другой стороны, их яркое просодическое оформление. Если в рамках межличностного общения представителей среднего класса данный хедж нередко звучал безударно и мимолетно, то при коммуникации представителей рабочего класса он

произносился адресантами более выраженно, максимально наглядно реализуя свою «отгораживающую» функцию.

3.2.3 Просодические особенности реализации хеджа «just»

Как показал анализ лексико-грамматических особенностей хеджинга в речи представителей среднего и рабочего класса, в корпусе исследования в речи второй социальной группы наречие *just* встречается несколько чаще (116 раз и 142 раза соответственно). Примечательно также, что в основном (в 74% случаев) в репликах персонажей из рабочего класса он становится единственным средством речевого отгораживания, в то время как персонажи, принадлежащие к среднему классу, в 59% случаев сочетали его с другими хеджами.

Просодическая непроминентность остается главной характеристикой наречия *just* в кинодиалогах, анализируемых в настоящем параграфе. В 96 синтагмах наречие *just* вошло в состав безударного предтакта. Как правило, оно произносилось в быстром (реже – в среднем) темпе, чуть тише последующей части высказывания и без пауз. Приведем примеры подобных высказываний:

- *It **just** /seems /like the ↗more we /work /and the ↗more /hours we do, /we just /sink /further and further /into →this 'big /hole... | |* (Sorry, We Missed You, 2019).
- *'Hey, /**just** ↗say we're /out /or you've ↗never /heard of us, Fiona, /please | |* (Shameless, 2004–2013).
- *'No, /it **just** ↗don't /feel /right | |* (Misfits, 2009–2013).
- *We **just** ↗wanted to >say that, />um, | well, we've ↗both /been there, buddy | |* (Breeders, 2020–2023).

На сегментном уровне /dʒʌst/ может редуцироваться до /dʒəs/, а в начальной позиции произноситься без участия голосовых складок и звучать практически как /tʃs/. В данных случаях программы Praat и Speech Analyzer не отображали анализируемый хедж на тонограмме, как, например, в предложении «**Just** 'get off» (Sorry, We Missed You, 2019), отображенном на Рисунке 3.15.

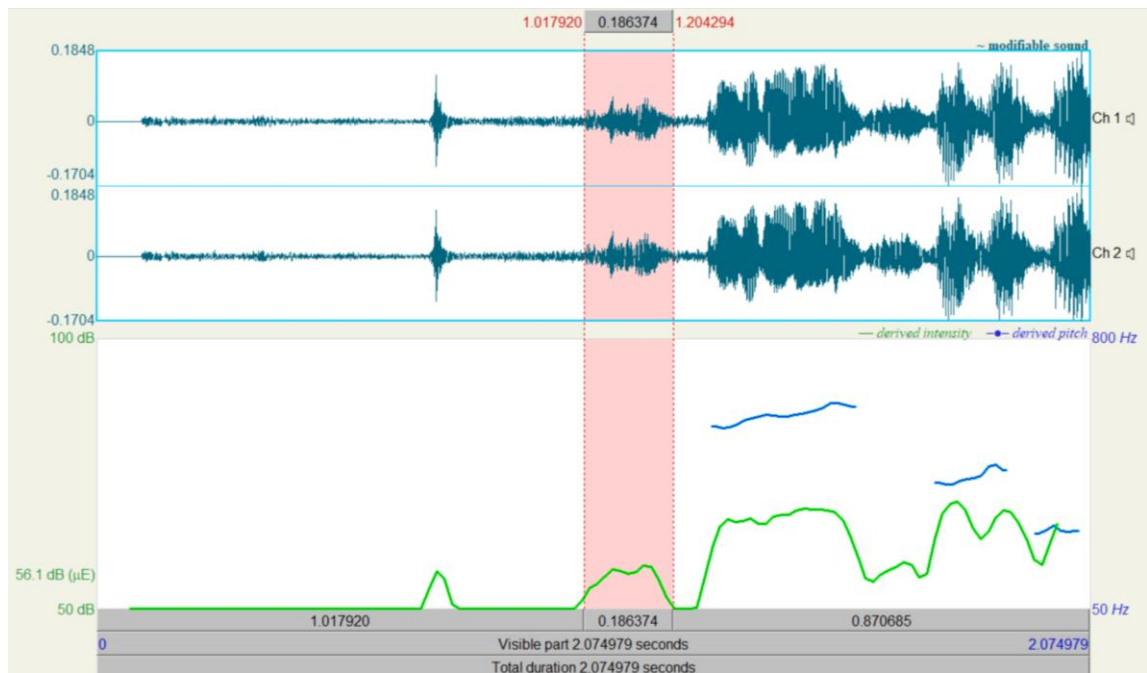

Рисунок 3.15 – Тонोगрамма реплики *Just get off* (Sorry, We Missed You, 2019)

Безударно наречие *just* также иногда звучало в рамках мелодической шкалы (доля таких высказываний составила 10%). В данных случаях оно произносилось в быстром темпе, с низкой или средней интенсивностью, без пауз. Чаще всего это происходило в рамках вопросительных предложений:

- *↗Can you 'not **just** 'put him on 'now, | so I don't ↗have to 'waste any 'more ∨time? | |* (I, Daniel Blake, 2016).
- *∨Can't you **just** 'stay for a 'nother ∨drink? | |* (Fish Tank, 2009).
- *↗Can't we **just** 'let him 'do his 'thing? | |* (Misfits, 2009–2013).

Ударным слогом мелодической шкалы хедж *just* стал лишь в 7% высказываний. Примечательно, что в большей части из них герои проявляли определенный уровень агрессии. Например, когда отец отчитывает сына за прогулы в школе, он говорит: «*∨Otherwise ξ you're ↗**just** gonna >end up like... | | You're ∨**just** gonna 'end up a 'skivvy | |*» (Sorry, We Missed You, 2019). Оба раза *just* звучит ударно, в быстром темпе, со средней, чуть сниженной интенсивностью. В первом предложении оно также дополнительно выделяется на фоне остального высказывания сверхкраткими паузами, обрамляющими его с обеих сторон (см. Рисунок 3.16).

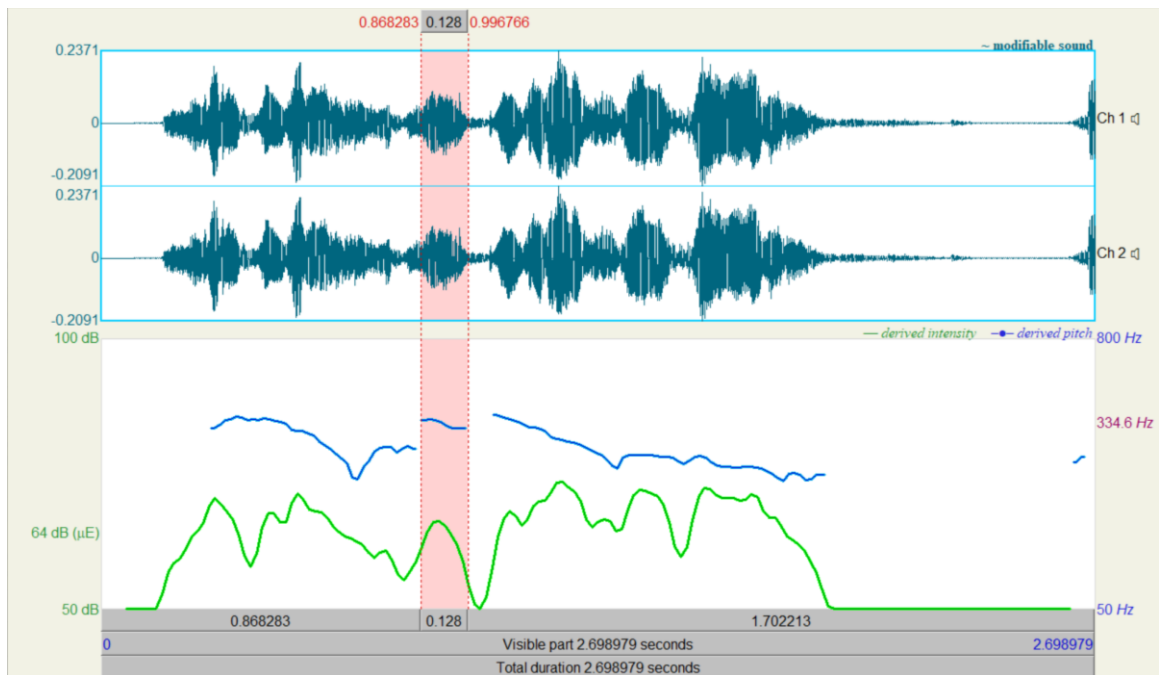

Рисунок 3.16 – Тонोगрамма реплики *Otherwise you're just gonna end up like... You're just gonna end up a skivvy* (Sorry, We Missed You, 2019)

Аналогичными просодическими приемами пользуются, например:

- девушка, когда пытается избавиться от ухаживаний назойливого молодого человека: «*I'm **just** 'not 'looking, | \Steve | |*» (Shameless, 2004–2013);
- юноша, когда пытается образумить своего брата и убедить того изменить свой образ жизни: «*It **just** ^is | |*» (Shameless, 2004–2013);
- мужчина, когда жалуется на то, что не может оформить пособие по безработице из-за постоянных проблем с бюрократией: «*I'm **just** 'ganning /round § and /round § in 'circles | |*» (I, Daniel Blake, 2016).

Все эти ситуации объединяет состояние разной степени раздражения, в котором находятся герои.

Моменты волнения или неловкости нередко сопровождались другим интонационным оформлением хеджа *just* – ровным ядерным тоном с последующей паузой хезитации. Темп речи в основном переходил с быстрого на средний (СДС около 200 мс), интенсивность оставалась в среднем диапазоне или чуть снижалась, а длина паузы варьировалась от краткой до длительной. Как и в речи представителей среднего класса, увеличение времени звучания наречия

происходило не за счет гласного звука, а через растягивание фрикативного /s/. Приведем три примера ситуаций из корпуса исследования, в рамках которых персонажи просодически реализовывали рассматриваемое средство речевого отгораживания именно таким образом:

1) После недавней ссоры сын предлагает отцу провести время вместе всей семьей, однако он не уверен, что его идею поддержат: «*↗Look, ↘Dad... | | I've ↗got an ↘idea ↗here... | | ↗How ↘'about we ↘'all >just | ↗go in your ↘'van, ↘yeah? | |*» (Sorry, We Missed You, 2019). Две средние паузы после слов *Dad* и *here*, краткая пауза после *just*, а также еще одно лексико-грамматическое средство хеджинга – форма разделительного вопроса дополнительно указывают на сомнения адресанта в одобрении родственников. В то же время, как видно на Рисунке 3.17, интенсивность звучания всего высказывания сильно не меняется, и само наречие (на рисунке выделено красным цветом) произносится достаточно громко, в среднем темпе.

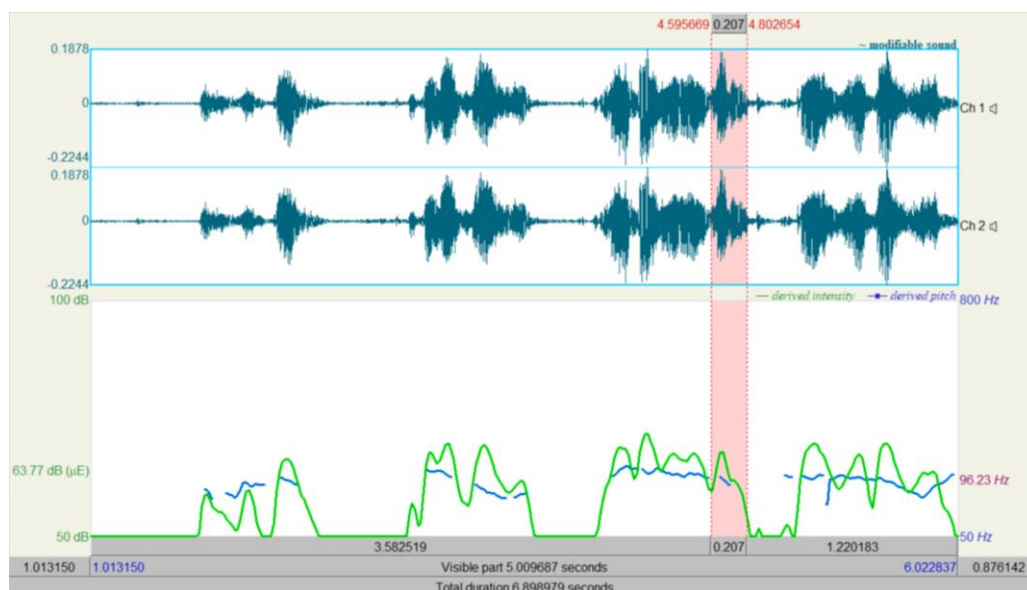

Рисунок 3.17 – Тонограмма реплики *Look, Dad... I've got an idea here... How about we all just go in your van, yeah* (Sorry, We Missed You, 2019)

2) Молодой человек признается в симпатии девушке, с которой недавно познакомился, и опасается, что она не разделяет его чувств: «*I ↗swear to ↘'God, Fiona, § you're >just... | | you ↗make me ↘'wanna en↘joy my life | |*» (Shameless, 2004–2013). Волнение героя сопровождается средним темпом и интенсивностью речи, длительной паузой после наречия *just*. Данные

просодические приемы позволяют ему выиграть некоторое время для формулирования своих мыслей.

3) Два работника мусороуборочной компании, обратив внимание на то, что один из их клиентов стал выкидывать слишком много бутылок из-под алкоголя, решили поддержать мужчину. Подобное поведение можно отнести к серьезному вторжению в чужие личные границы, так как персонажи не являются близкими знакомыми. Негативная реакция клиента также усилила сомнения персонажей в правильности их действий, поэтому одна из последних реплик в данном диалоге была произнесена ими крайне неуверенно: «*\Maybe 'now's not the 'time to \deal with stuff. § >Just... | like, I \said, § >we're § we're ↗both re\covering, § >and... | \Yeah, § and ↗we a'greed >that § we'd ↗feel \guilty § if we ↗said \nothing, § >so... | So, it's ↗up to \you now, § /yeah? | |*» (Breeders, 2020–2023). Эмоциональное состояние адресанта ярко проявляется через обилие других хеджей (модальное наречие *maybe, like*, сложносочиненные предложения, разделительный вопрос), повторы, большое количество пауз хезитации и средних ровных терминальных тонов (два последних признака также относятся к хеджу *just*).

В каждом из трех приведенных выше примеров использование наречия *just* было направлено на снижение пафоса произносимой речи. Несмотря на то, что герои переживали и их явно волновал предмет разговора, на вербальном уровне хедж словно должен был показать обратное: это не так уж и важно. Однако особенности просодического оформления реплик выдавали истинные чувства коммуникантов.

Таким образом, чаще всего наречие *just* как средство речевого отгораживания в речи представителей британского рабочего класса остается просодически непроминентным, однако в ситуациях эмоционального возбуждения может звучать ярче.

3.2.4 Просодические особенности реализации разделительного вопроса как средства хеджинга

Частое использование разделительного вопроса в качестве средства речевого отгораживания – одна из отличительных особенностей межличностной коммуникации британцев, принадлежащих к рабочему классу. Данный хедж стал вторым по распространенности в корпусе исследования. В то же время в рамках кинодиалогов представителей среднего класса он встречался практически в три раза реже.

Наиболее распространенным способом просодической реализации вопросительной концовки стал восходящий ядерный тон (около 60% реплик). Такое завершение высказывания указывает на нефинальность [O'Connor 1973]. Коммуникант на фонетическом уровне обозначает либо намерение сказать что-то еще, либо ожидание ответа. В случае с рассматриваемым хеджем, как правило, адресант подчеркивает, что допускает наличие иных точек зрения (например, при выражении мнения или констатации фактов), либо предоставляет адресату выбор – согласиться с озвученными критикой, предложением, просьбой, советом или нет:

- *I >mean, § it ↗sounds like a ↘good idea, § ↗right? | |* (Sorry, We Missed You, 2019).
- *We'll ↗start with the ↘vegetables, § ↗yeah? | |* (I, Daniel Blake, 2016).
- *And that >makes you § some ↗kind of >expert, | ↗does it? | |* (Fish Tank, 2009).
- *↘Kash 'bought you the ↗trainers, § ↗didn't he? | |* (Shameless, 2004–2013).
- *So, ↗this is really ↗cool, § ↗huh? | |* (Misfits, 2009–2013).

Наличие предшествующей паузы в подобных высказываниях варьируется. Она отсутствует в 46% вопросительных концовок с восходящим тоном из корпуса исследования; в 45% – звучит кратко или сверхкратко; в 9% – используется средняя, длительная или сверхдлительная пауза.

Продолжительная пауза использовалась киногероями при формулировании предложений, требований и фактов. Как правило, она свидетельствовала об осторожности говорящего: он дает адресату время осознать сказанное, а потом уточняет, согласен тот или нет. Так, когда охранник магазина предлагает помощь девушке, пойманной на воровстве, он произносит следующие реплики: «*\Look, § if ↗you're in ↘trouble | and you ↗need ↘money, § I can ↘help, | | 'okay? | |*», «*↗Ring me ↘any time, § ↘all right? | |*» (I, Daniel Blake, 2016). Паузы вместе с замедленным темпом речи придали словам весомость и убедительность, так как адресант отгородился от своего высказывания лишь в самый последний момент, показав, что у собеседницы есть выбор.

Однако краткие, сверхкраткие или отсутствующие паузы звучали в разделительных вопросах гораздо чаще. В основном они сочетаются со средним или быстрым темпом, со средней или несколько сниженной интенсивностью и с низкой скоростью изменения ЧОТ. Подобный интонационный контур использовался в корпусе исследования для решения всех КЗ в разных эмоциональных состояниях. Чаще всего высказывания звучали нейтрально и были произнесены в спокойной обстановке, как в следующих примерах:

- *↘Happened to a 'lot of ↘people, though, § 'didn't it? | |* (Sorry, We Missed You, 2019).
- *You ↗don't know how to 'fix a ↘cistern, § ↘do you? | |* (I, Daniel Blake, 2016).
- *I'll be ↗back in a ↘minute, § all ↘right? | |* (Fish Tank, 2009).

В конфликтных ситуациях восходящий ядерный тон указывает на неготовность коммуниканта закончить разговор и в первую очередь направлен не на разрешение разногласий, а на разжигание негативных чувств в собеседнике. Так, разозленный нечестным поведением начальника работник, готовясь нанести удар, произносит фразу: «*↗Squeeze us 'out, § 'eh? | |*» (Sorry We Missed You, 2019). Или в ответ на критику брата молодой человек, также прибегая к физическому насилию, перечисляет свои претензии к нему и завершает свой монолог словами: «*So ↗what does 'that 'make ↘you, Lip, | 'eh? | |*» (Shameless, 2004–2013). Отобразим тонограмму последней реплики (см. Рисунок 3.18).

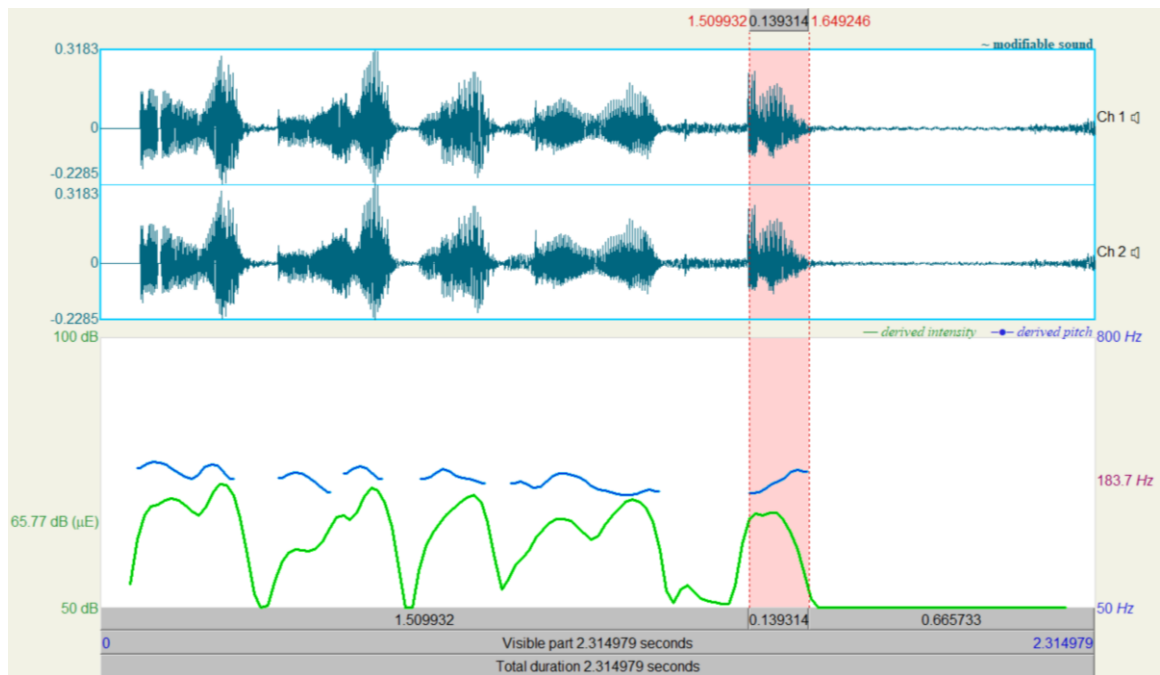

Рисунок 3.18 – Тонограмма реплики *So what does that make you, Lip, eh* (Shameless, 2004–2013)

На Рисунке 3.18 можно заметить, что вся фраза была произнесена достаточно громко и в быстром темпе. Небольшие разрывы в синей линии, обозначающей ЧОТ, и провалы в зеленой линии интенсивности звука вызваны использованием персонажем гортанной смычки при произнесении слов «*what*» /wɒʔ/, «*that*» /ðæʔ/, «*make*» /meɪʔk/. Краткая пауза была использована лишь перед вопросительной концовкой «*eh*» (на Рисунке 3.18 выделена красным цветом). Также отметим высокую скорость повышения ЧОТ на анализируемом хедже.

Примечательно, что столь небольшой угол изменения высоты ЧОТ наблюдается в 84% разделительных вопросов в проанализированных кинодиалогах персонажей из рабочего класса. Средний и крутой углы в основном встречались при использовании нисходящего ядерного тона, когда персонажи находились в состоянии раздражения или злости.

В корпусе исследования разделительные вопросы, завершающиеся понижением ЧОТ, в рамках разговоров на повышенных тонах встречались практически в два раза чаще, чем вопросы с восходящим ядерным тоном. Если вторые, как было отмечено выше, скорее разжигают конфликт, то падение тона ассоциируется с попыткой поставить точку, оставшись в позиции силы. В то

время как на вербальном уровне говорящий обозначает заинтересованность в ответе, просодически он демонстрирует желание завершить коммуникацию. Обратимся к некоторым примерам:

1) Мать в агрессивной форме отчитывает дочь за то, что та подралась с компанией девушек на улице: «*You ↗broke the 'f**king 'girl's \nose, § \didn't you? | |*» (Fish Tank, 2009).

2) В фильме «Sorry We Missed You» (2019) отец нередко ругает сына за то, что тот прогуливает школу. Сын, как правило, отвечает достаточно раздраженно, ставя отцу в вину то, что тот ничего не смог добиться в жизни. Во время их ссор встречались следующие фразы: «*↗Maybe your 'best isn't \good enough, § \is it? | |*», «*↗That's \f***ing joke, § \innit? | |*», «*It's ↗always my \fault, § \innit? | |*», «*\No, § it's \not, § \is it? | |*».

3) Находясь в состоянии алкогольного опьянения, отец семейства рассказывает о том, как жена оставила его с детьми: «*And we ↗haven't a 'f**king \chue § where \she is, § \have we? | |*» (Shameless, 2004–2013). Несмотря на то, что собеседник не вызывает у него отрицательных эмоций, воспоминания о бывшей супруге провоцируют ярко выраженное недовольство.

Все перечисленные выше реплики имеют схожее интонационное оформление вопросительной концовки. Обратим внимание на тонограммы предпоследнего (см. Рисунок 3.19) и последнего (см. Рисунок 3.20) примеров.

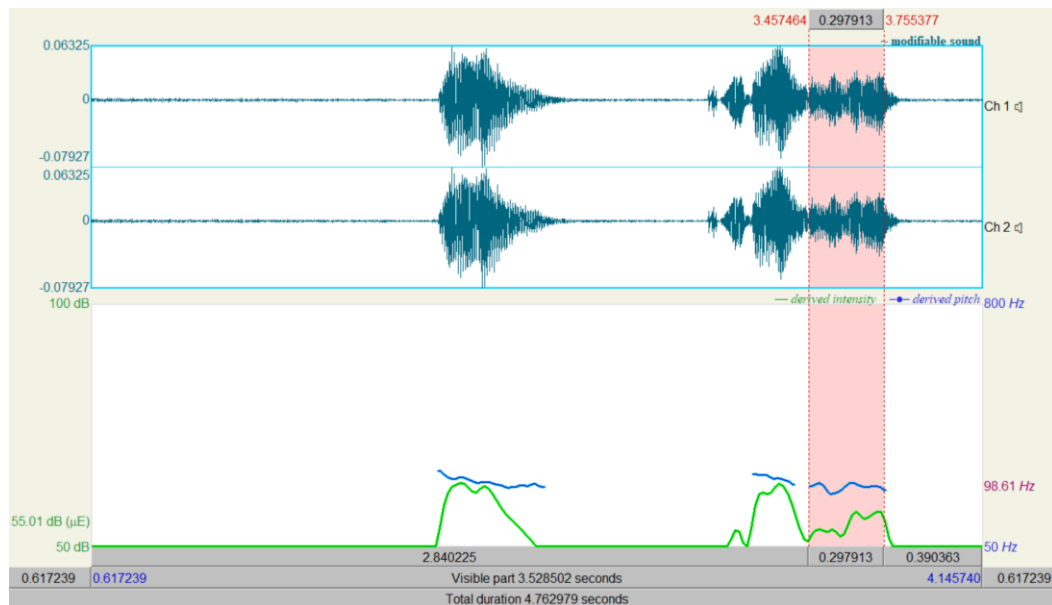

Рисунок 3.19 – Тонограмма реплики *No, it's not, is it* (Sorry We Missed You, 2019)

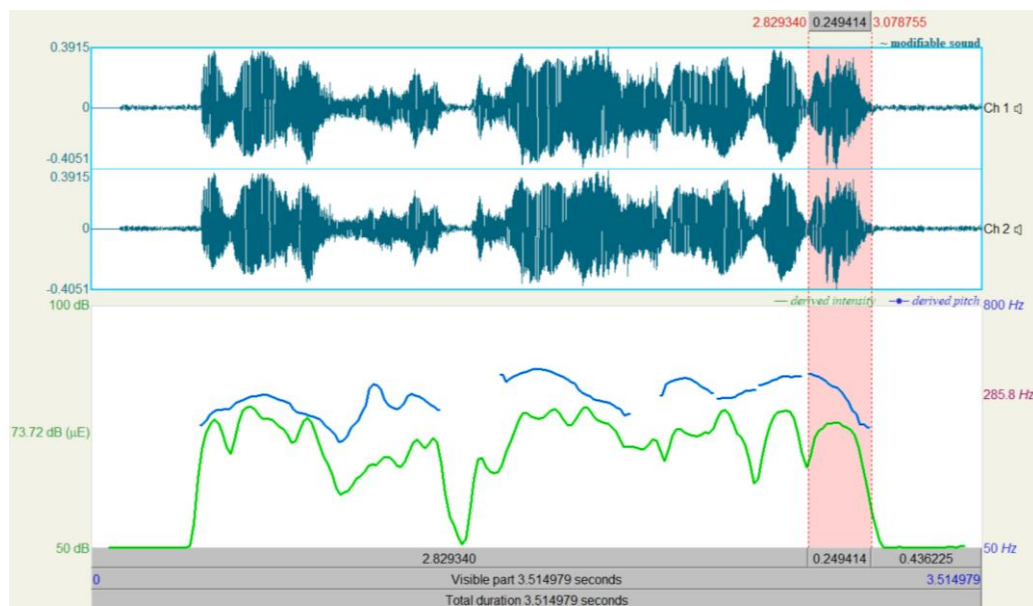

Рисунок 3.20 – Тонограмма реплики *And we haven't a f**king clue where she is, have we* (Shameless, 2004–2013)

На данных примерах можно заметить, что два параметра, которые чаще всего варьируются при хеджировании разделительным вопросом реплик, произнесенных с раздражением, – это громкость и угол падения ЧОТ вопросительной концовки. Предложение «*No, it's not, is it?* | | » (Рисунок 3.19) было произнесено героем ближе к концу ссоры, когда герой уже несколько устал от происходящего, из-за чего реплика в целом звучит тише, интенсивность последней синтагмы заметно снижена по сравнению с началом высказывания, а

скорость изменения ЧОТ крайне низка. С другой стороны, персонаж сериала «Shameless» (2004–2013) произносит слова «*And we Ahaven't a 'f**king `clue § where `she is, § `have we? | |*», находясь в более возбужденном состоянии (Рисунок 3.20). Как следствие, они звучат громче, интенсивность высказывания не падает к концу реплики, а ЧОТ падает под достаточно крутым углом. В то же время в обоих случаях паузу перед хеджем можно охарактеризовать как сверхкраткую, СДС – как среднюю или быструю.

Еще одна закономерность, выявленная в ходе слухового и электроакустического анализа разделительных вопросов как хеджей, – тяготение вопросительных концовок, выраженных междометиями типа *eh, yeah, right* и т.п., к восходящему ядерному тону. Подобным образом было произнесено 95% таких хеджей. Кроме того, все длинные и средние паузы также находились перед ними, а не перед связками «*модальный глагол (+ отрицательная частица) + местоимение*»:

- *Just ↗get `rid § of the ↗bullshit tat`toos, § 'yeah? | |* (Misfits, 2009–2013).
- *You're our ↗worst `enemies, § ↗you ∨two, § 'eh? | |* (Shameless, 2004–2013).
- *↗Don't `worry, love, § all 'right? | |* (Fish Tank, 2009).

В то же время редуцированная форма *innit*, наоборот, в 78% реплик звучала с нисходящим ядерным тоном, всегда либо без паузы, либо со сверхкраткой паузой:

- *It's ↗probably some `specky ∕geek, § `innit? | |* (Sorry, We Missed You, 2019).
- *That's an ↗awkward way of getting `up then, § `innit? | |* (Sorry, We Missed You, 2019).

Подведем **итог**, обобщив в Таблице 3.2 основные просодические характеристики частотных хеджей в кинодиалогах британцев – представителей рабочего класса.

**Таблица 3.2 – Просодические особенности реализации частотных хеджей
в речи представителей британского рабочего класса**

Средство хеджинга		Наиболее частотные ритмомелодические особенности в кинодиалогах рабочего класса
Модальные глаголы	<i>can/could</i>	Диапазон ЧОТ: низкий, средний, высокий Скорость: высокая Интенсивность: низкая, средняя Паузы: отсутствуют
	<i>would</i>	Диапазон ЧОТ: низкий Скорость: высокая Интенсивность: низкая Паузы: отсутствуют
	<i>may/might</i>	Диапазон ЧОТ: средний, высокий Скорость: средняя, высокая Интенсивность: средняя, высокая Паузы: отсутствуют
	<i>should</i>	Диапазон ЧОТ: низкий, средний Скорость: высокая Интенсивность: низкая, средняя Паузы: отсутствуют
	<i>have to</i>	Диапазон ЧОТ: низкий, высокий Скорость: средняя Интенсивность: низкая, высокая Паузы: отсутствуют
	<i>need</i>	Диапазон ЧОТ: средний, высокий Скорость: низкая, средняя Интенсивность: средняя, высокая Паузы: отсутствуют, сверхкраткие
Вводные конструкции с глаголами умственной деятельности и чувственного восприятия	В начале высказывания	Диапазон ЧОТ: высокий Скорость: низкая, средняя, высокая Интенсивность: высокая Паузы: сверхкраткие, краткие
	В середине высказывания	—
	В конце высказывания	—
<i>Just</i>		Диапазон ЧОТ: низкий, средний Скорость: средняя, высокая Интенсивность: низкая, средняя Паузы: отсутствуют
Разделительный вопрос (вопросительная концовка)		Диапазон ЧОТ: низкий, средний Скорость: средняя, высокая Интенсивность: низкая, средняя Паузы: отсутствуют, сверхкраткие, краткие Ядерный тон: восходящий (средний/высокий), нисходящий

3.3 Общие закономерности просодии хеджинга в межличностной коммуникации британцев среднего и рабочего классов

Обобщим результаты экспериментально-фонетического исследования хеджинга в речи двух самых распространенных социальных классов Великобритании.

Высота тона хеджинга

Как показал анализ, в целом средства хеджинга характеризуются просодической непроминентностью и чаще всего произносятся на низком или среднем уровне ЧОТ.

В состав безударного предтакта с низким тоном и безударной части мелодической шкалы со средним тоном в диалогах обоих социальных классов свойственно входить модальным глаголам *can/could, would, should, have to*, наречию *just*. Герои из среднего класса также могут произносить в данной позиции вводные конструкции с глаголом умственной деятельности и чувственного восприятия.

В рамках среднего или высокого диапазона ЧОТ в мелодической шкале под ударением нередко звучат модальные глаголы *can, may/might, need, have to*, сочетания типа *I think*.

Хеджи, произнесенные со средним ровным ядерным тоном, в три раза реже встречались в кинодиалогах представителей рабочего класса. Чаще всего таким образом реализовывалось наречие *just*, в то время как персонажи среднего класса использовали данный ядерный тон, произнося все анализируемые в настоящей работе лексическо-грамматические средства речевого отгораживания.

Изменение ЧОТ, когда один из слогов хеджа становится в ядерную позицию в синтагме, имеет тенденцию происходить с низкой скоростью. Рабочий класс в данной позиции реализует только вторую часть разделительных вопросов, в то время как в репликах представителей среднего класса подобным

образом произносились вводные конструкции с глаголом умственной деятельности и чувственного восприятия.

Интенсивность и скорость произнесения хеджинга

Закономерности в интенсивности и СДС реализации средств речевого отгораживания в двух социальных классах не различаются. Чаще всего в рамках межличностной коммуникации британцы не выделяют хеджи с помощью интенсивности, а произносят их либо со средней громкостью, либо тише, чем остальную часть высказывания. Скорость произнесения имеет тенденцию быть высокой.

На сегментном уровне говорящие склонны использовать фонетическую элизию, а также количественную и качественную редукцию хеджей, чтобы еще больше ускорить процесс их произнесения. Данными приемами также пользуются представители обеих рассматриваемых социальных групп. Обратим внимание на некоторые примеры:

- в предложении «*Kind of on my 'own* | | » (Fleabag, 2016–2019) начальное сочетание звучит как /kaɪə/, вместо полного /kaɪnd əv/;
- в предложении «*↗Depends on the 'work, § I sup'pose* | | » (I, Daniel Blake, 2016) последний глагол звучит как /spəʊz/, вместо полного /sə'pəʊz/;
- в предложении «*So ↗this is **probably** the ^worst* | | » (About Time, 2013) наречие звучит как /'prɒbli/, вместо полного /'prɒbəbli/;
- в предложении «*You ↗voted for 'Brexit, § 'didn't you?* | | » (State of the Union, 2019–2022) хвостовая часть вопроса звучит как /'dɪdntʃə/, вместо полного /'dɪdnt ju:/.

Таким образом, хеджинг очень деликатно вплетается в английскую речь, без акцентирования внимания на средствах его реализации.

Паузация хеджинга

Модальные глаголы и наречие *just*, используемые в качестве средств речевого отгораживания, редко отделяются от остальной части высказывания паузами в речи обоих социальных классов.

Паузация при хеджировании вводными конструкциями с глаголами умственной деятельности и чувственного восприятия в кинодиалогах представителей среднего класса вариативна, чаще всего встречаются либо сверхкраткая пауза, либо отсутствие паузы. Для коммуникации представителей рабочего класса, как показало исследование, характерно полное отсутствие пауз при слиянии данного хеджа с последующими словами. Одним из возможных объяснений данной закономерности может быть тот факт, что в корпусе исследования длина предложения с сочетанием типа *I think*, произнесенного персонажем из рабочего класса, в среднем включает в себя на четыре слога меньше, чем подобные предложения представителей среднего класса, а чем длиннее высказывание, тем выше сильнее потребность в разделении его паузами.

Отсутствие паузы перед завершающей частью разделительного вопроса стало самой частотной характеристикой для всего корпуса исследования. Краткая и сверхкраткая паузы чаще встречаются в коммуникации представителей рабочего класса. В то же время обе социальные группы чаще используют паузацию перед восходящим ядерным тоном, чем перед нисходящим.

Влияние эмоционального состояния говорящего на просодию хеджинга

Существуют, однако, ситуации, когда описанные выше закономерности не работают. В моменты эмоциональных переживаний средства хеджинга в речи англичан могут становиться гораздо ярче. В ходе исследования было выявлено два основных состояния, влияющих на просодию средств речевого отгораживания, – волнение и раздражение.

В ситуациях волнения и **неуверенности** в себе, вызывающих трудности с формулированием мыслей, британцы обращаются к речевому отгораживанию, чтобы снизить силу своего высказывания, сделать вид, что их слова не имеют большой важности. Скорость произнесения слогов и интенсивность снижаются, появляются паузы, а ударный слог, оформленный средним ядерным тоном перед паузой хезитации, в основном приходится именно на хеджи:

- *I >just, um, | I just ↗wanted you to ↘have them | |* (Misfits, 2009–2013).

- *Well, per↗haps you >should er... | ↗come on ↗later, „Plumpy | |* (Love Actually, 2003).
- *>Just... | like, I ↗said, § >we're § we're →both re↗covering, § >and... | |* (Breeders, 2020–2023).
- *I >know you've § >probably § sus↗pected this | but →over the ↗last ↗month | >I've § >fallen § com→pletely in ↗love with you | |* (About Time, 2013).
- *I sup>pose it's... | It's →quite ↗rare, § ↗yeah | |* (Fleabag, 2016–2019).
- *He was >just... | really ↗kind >and | sup ↗portive with my >work... | |* (Fleabag, 2016–2019).
- *>Uh, § it's >just, | you ↗know, § in the ↗court scenes § some of →those ↗lines are | →pretty ↗complex... | |* (About Time, 2013).
- *↗I'm sure she is a ↗lovely ↗girl, § but I →wonder if you >could § >erm | | redis↗tribute her | |* (Love Actually, 2003).

Рассмотрим подробнее последний пример (см. Рисунок 3.21). Начальник отдает приказ уволить сотрудницу, однако испытывает неловкость, так как делает это не из-за профессиональных качеств девушки, а по личным причинам. Он начинает довольно уверенно и произносит фразу «*I'm sure she is a lovely girl*» с высокой скоростью, в диапазоне ЧОТ 102–176 Гц с понижением к концу, с интенсивностью в 51–60 Гц. Однако, когда он подходит непосредственно к требованию (*redistribute her*), чувство неловкости заставляет его выбрать более отстраненную формулировку с косвенным вопросом и модальным глаголом. Данные хеджи он произносит очень тихо (с громкостью менее 50 дБ), чуть растягивая слоги, и после делает очень длинную паузу хезитации (3,5 с).

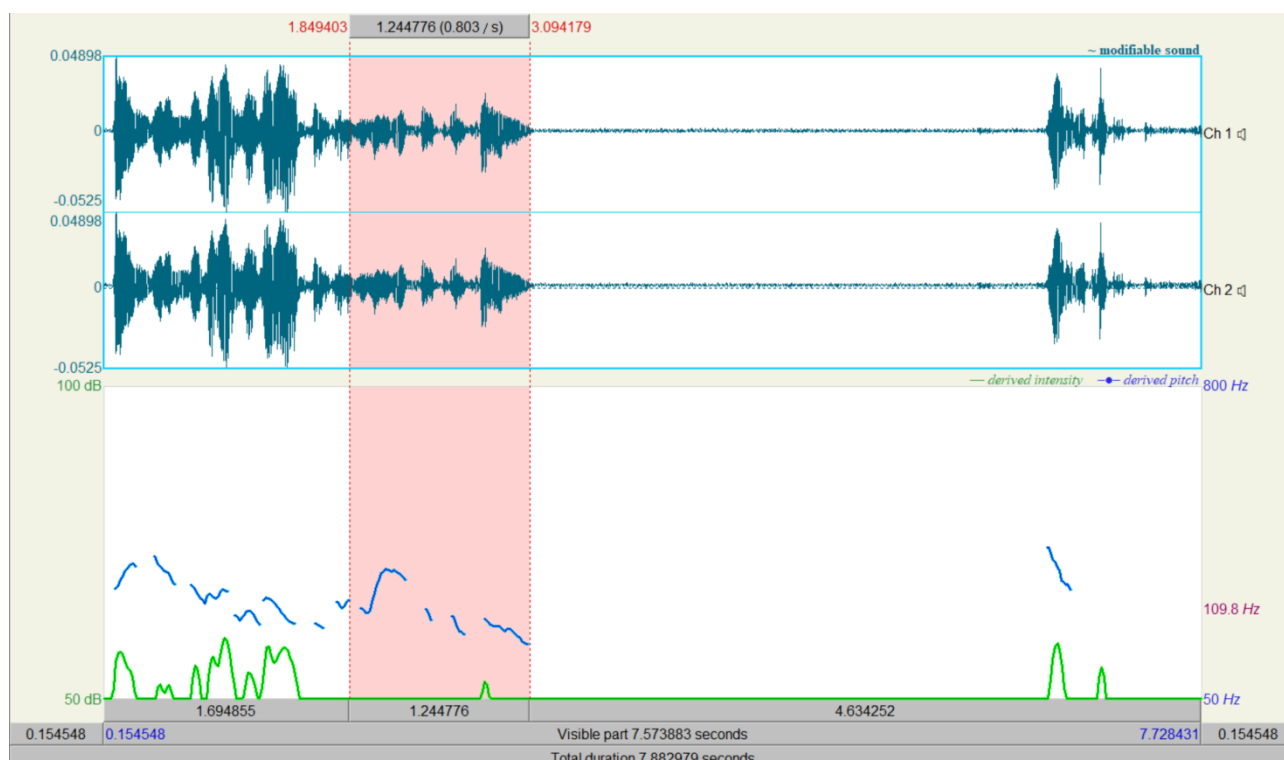

Рисунок 3.21 – Тонोगрамма реплики *I'm sure she is a lovely girl, but I wonder if you could erm... redistribute her* (Love Actually, 2003)

Другим проявлением волнения в просодическом оформлении хеджинга является повышение ЧОТ и интенсивности на модальных глаголах. Чаще всего данная особенность проявлялась в диалогах среднего класса:

- *>Can you... { You ^need to get ^out! | |* (I, Daniel Blake, 2016).
- *↗Can we just ^leave it, { ^yeah? | |* (Misfits, 2009-2013).
- *→Can I get you a ^drink first? | |* (Fish Tank, 2009).
- *>Right, { but, well, >can { you >not { just ^sign for it? | |* (Sorry, We Missed You, 2019).

Отообразим последний пример на тонограмме (см. Рисунок 3.21). Просьба была произнесена курьером, когда клиент отказался подписать документ о получении посылки. Герой начинает волноваться из-за риска не выполнить свою работу до конца и получить наказание от начальства. Его переживание вызывает увеличение количества хеджей: междометие *well*, модальный глагол, отрицательная форма, наречие *just*. На просодическом уровне эмоции проявляются через следующие индикаторы: сверхкраткие паузы (0,19 с – после *right*, 0,15 с – после *can*); высокий уровень ЧОТ при произнесении модального

глагола (161 Гц, см. красный цвет на рисунке); громкое звучание хеджей *can* (с пиком интенсивности на 63,9 дБ) и *just* (60,6 дБ). Кроме того, растягивание слога *can* происходит за счет распевания сонанта /n/. Примечательно, что гласный звук, несмотря на ударную позицию в синтагме, все равно подвергается качественной редукции: глагол произносится как /kən/, а не /kæn/.

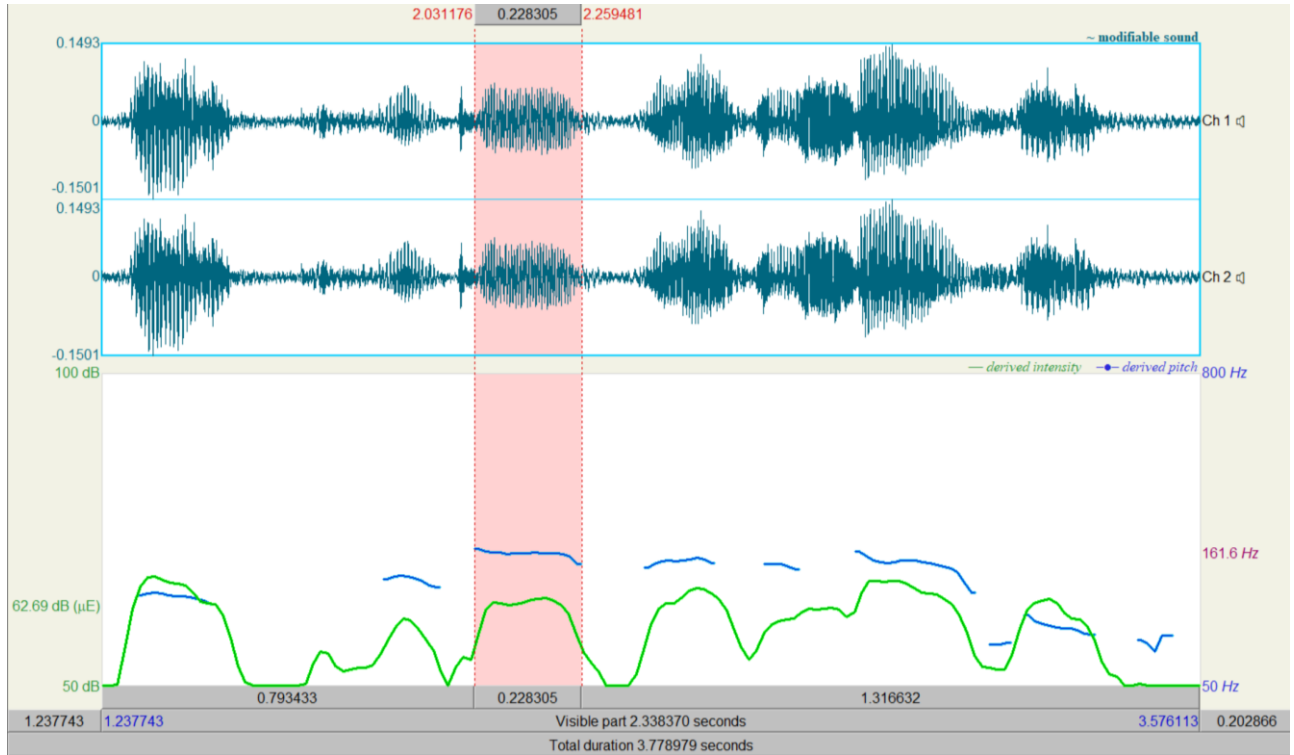

Рисунок 3.21 – Тonoграмма реплики *Right, but, well, can you not just sign for it* (Sorry, We Missed You, 2019)

Несколько иначе на просодической реализации хеджинга сказываются **раздражение и агрессия**. Как правило, ЧОТ, скорость произнесения и интенсивность средств речевого отгораживания повышаются вместе со всей репликой. Паузы чаще всего сокращаются либо исчезают из речи.

В диалогах представителей рабочего класса наречие *just* чаще всего становилось ударным именно в конфликтных ситуациях. Выделение хеджа на уровне просодии может словно несколько обесценивать обсуждаемую тему. Так, когда молодой человек спрашивает, почему его девушка не в духе, она отвечает: «‘Cause I *just* ‘am, ξ all \vee right? | | » (Misfits, 2009–2013). Она отстраняется от спора, говорит, что *просто/всего лишь* пришла не в настроении и не настроена обсуждать что-то столь незначительное. Как видно на тонограмме данной

реплики (см. Рисунок 3.22), *just* произносится на самой высокой ЧОТ и с самой высокой интенсивностью в первой половине предложения. Громче и выше звучит лишь другое средство речевого отгораживания – завершающая часть разделительного вопроса *all right*, оформленная нисходяще-восходящим ядерным тоном. Таким образом героиня словно требует от собеседника согласия со сказанным.

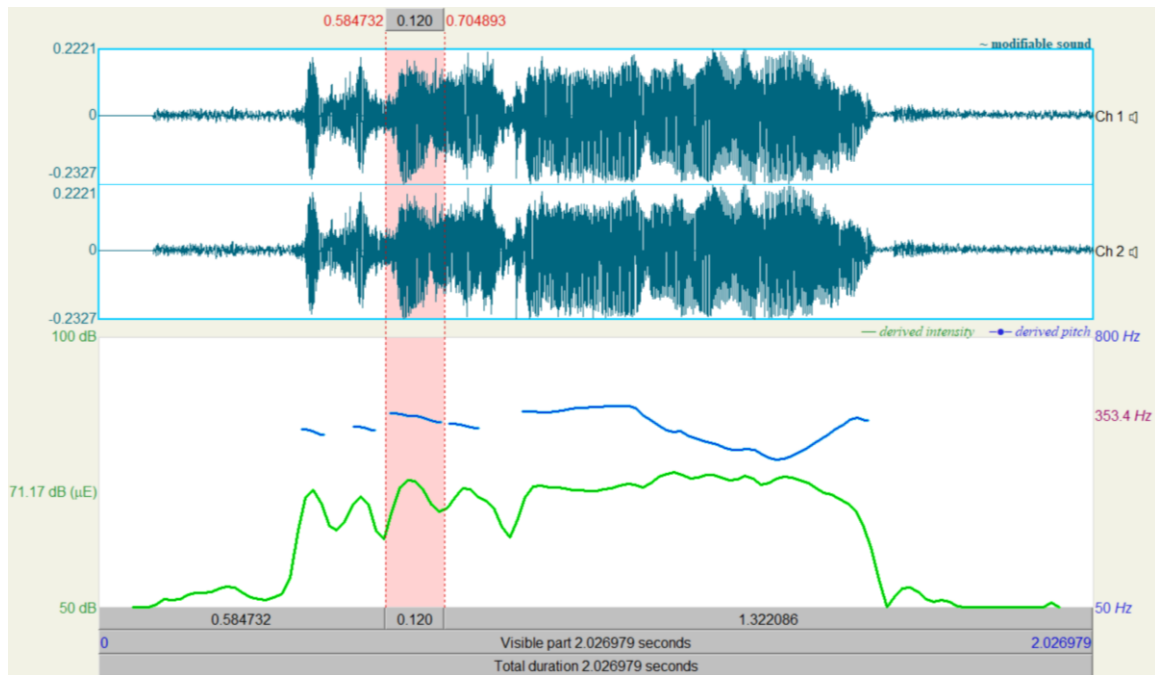

Рисунок 3.22 – Тонोगрамма реплики *Cause I just am, all right?* (Misfits, 2009–2013)

Более яркое произнесение окончания разделительного вопроса – еще один признак раздраженности говорящего. Кроме повышения интенсивности и ЧОТ коммуникант может использовать более яркие ядерные тоны – восходяще-нисходящий (см. Рисунок 3.10) или нисходяще-восходящий (см. Рисунок 3.22), а также высокую скорость изменения ЧОТ (см. Рисунок 3.20).

Кроме того, в моменты эмоционального накала британцы, принадлежащие к рабочему классу, склонны ставить в ударную позицию модальный глагол *can* в вопросах без отрицательной частицы.

Таким образом, анализ показал, что одним из основных факторов, влияющих на ритмомелодическую реализацию хеджинга, является эмоциональное состояние говорящего. Чем сильнее коммуникант испытывает

неловкость, волнение, злость, раздражение и желание максимально отстраниться от ситуации и своих слов, тем заметнее средства речевого отгораживания будут выделяться на уровне просодии.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III

Слуховой и электроакустический анализ частотных средств хеджинга в кинодиалогах британцев, принадлежащих к среднему и рабочему классам, позволил сделать следующие выводы.

1. Модальные глаголы как средство речевого отгораживания чаще всего характеризуются просодической непроминентностью и становятся ударными в синтагмах только в случаях, когда говорящий хочет дополнительно подчеркнуть заботу о личных границах коммуниканта. Наиболее склонны к яркому звучанию глаголы *need*, *have to* и *would* в вопросительных предложениях. Данные закономерности характеризуют межличностную коммуникацию британцев вне зависимости от их принадлежности к анализируемым социальным группам.

2. В речи британцев – представителей среднего класса просодические характеристики вводных конструкций с глаголами умственной деятельности и чувственного восприятия как средств хеджинга во многом зависят от их расположения в предложении. В начале высказывания (данная позиция является наиболее частотной) они могут стать началом мелодической шкалы (42%), отдельной синтагмой (39%) или частью безударного предтакта (19%). В срединной позиции данный хедж существенно не выделяется из высказывания по высоте тона, скорости и громкости. Его просодические характеристики в качестве отдельной синтагмы слишком вариативны, что не позволило выявить определенных закономерностей. В конце высказываний глагол умственной деятельности, как правило, либо становится последним ударным слогом при нисходяще-восходящем ядерном тоне, либо выделяется в отдельную синтагму, но также с восходящим терминальным тоном.

3. Британцы, принадлежащие к рабочему классу, склонны ставить сочетания типа *I think* в начало предложения в ударную позицию (99% примеров). Глагол, как правило, становится началом мелодической шкалы, звучит с высокой ЧОТ и высокой интенсивностью.

4. В речи представителей обеих социальных групп наречие *just* как средство хеджинга чаще всего звучит безударно в рамках либо предтакта, либо мелодической шкалы. В моменты, когда говорящий чувствует себя особенно неуверенно, *just* может произноситься с ровным ядерным тоном с последующей средней или долгой паузой хезитации. Кроме того, в речи британцев из рабочего класса в репликах, окрашенных негативными эмоциями (злостью или раздражением), данный хедж имеет тенденцию становиться в ударную позицию с повышением интенсивности и ЧОТ, а также снижением СДС.

5. Разделительный вопрос как средство хеджинга чуть чаще реализуется в речи англичан из среднего класса с восходящим ядерным тоном в хвостовой части, что, наряду с небольшой паузой, дополнительно снижает силу высказывания на просодическом уровне. Однако нисходящий тон, сопровождаемый снижением интенсивности и высоты тона, также нельзя назвать редким. Интенсивность произнесения завершающей части вопроса может либо оставаться на среднем уровне, не выделяясь на фоне всего высказывания, либо несколько снизиться. Скорость произнесения «хвоста» также в основном варьируется между быстрой и средней.

6. В рамках коммуникации британцев из рабочего класса восходящий тон на завершающей части разделительного вопроса также является чуть более распространенным, чем нисходящий (60% и 39% высказываний соответственно). Особенно сильно к нему тяготеют вопросительные концовки, выраженные междометиями типа *yeah, right, eh* и т.п. (95% примеров). Нисходящий тон характерен для редуцированной формы «*innit*» (78%). Как и в высказываниях представителей среднего класса, скорость изменения ЧОТ в ядерной части рассматриваемого хеджа преимущественно низкая (таковых было зафиксировано 84% от общего числа реплик с разделительным вопросом). Рост скорости изменения ЧОТ можно наблюдать в репликах, произнесенных в состоянии раздражения и агрессии. Пауза после основной части вопроса, как правило, либо отсутствует (64%), либо звучит сверхкратко или кратко (45%). Средние,

длительные и сверхдлительные паузы используются, когда говорящий волнуется или не уверен в том, какую реакцию он может получить от собеседника.

7. В целом чаще всего средства хеджинга просодически непроминентны. Чем ярче они выделяются на общем фоне высказывания за счет пауз хезитации, изменения громкости, высоты тона или скорости произнесения, тем сильнее становится их отгораживающая функция. Нагляднее всего хеджи проявляются в моменты неловкости, неуверенности говорящего, а также в конфликтных ситуациях.

8. Таким образом, сравнение просодических особенностей реализации хеджинга в межличностной коммуникации представителей среднего и рабочего класса показало, что данный аспект имеет больше сходств, чем различий. Сильнее на звучание средств речевого отгораживания влияет не классовая принадлежность, а эмоциональное состояние говорящего.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании предпринята попытка описать просодические особенности функционирования средств речевого отгораживания (хеджей) в межличностной коммуникации британцев, принадлежащих к среднему и рабочему классам.

Хеджинг – это речевая стратегия, в рамках которой используются фразы и слова, придающие высказыванию неопределенность, подчеркивающие неуверенность говорящего в своей правоте и в некоторой мере снимающие с него ответственность за сказанное. Как и непрямая коммуникация в целом, хеджинг обладает следующими признаками: осложненная интерпретативная деятельность адресата, ситуативная обусловленность и креативность. В речи хеджинг может проявляться через грамматические, лексические и фонетические средства: особое использование видовых и временных форм глаголов, модальность, расплывчатые формулировки (с такими наречиями, как *just, perhaps, approximately, somewhat, a bit* и т.д.; фразами *sort of, kind of*), глаголы умственной деятельности и чувственного восприятия, безличные конструкции и местоимения, отрицание, двойное отрицание, не прямые и разделительные вопросы, придаточные условия, суффиксы, выражающие слабость признака или приблизительность, паузы хезитации, средний ровный ядерный тон и т.д.

В разных языковых культурах отношение к хеджингу неодинаково. Так, для англичан его использование является одним из способов придать своим высказываниям вежливость, а в русской культуре положительно воспринимаются менее косвенные формулировки. Высокая частотность хеджинга в англоязычной речевой культуре может быть связана с такой чертой английского менталитета, как придание большой важности концепту *privacy* (неприкосновенность частной жизни, автономия личности). Анализируемая речевая стратегия чаще всего направлена на избежание вторжения в чужую

свободу общения (*privacy of communication*), действий (*behaviour and action*), мыслей и чувств (*of thoughts and feelings*).

Внутри британской культуры, однако, склонность к хеджированию также может варьироваться в зависимости от различных факторов: гендерной принадлежности (как правило, женщины прибегают к данной речевой стратегии чуть чаще), профессии, возраста говорящего и т.д. В то же время частота хеджирования может быть связана с коммуникативной ситуацией и типом дискурса. Использование средств речевого отгораживания особенно характерно для научного и политического дискурсов, где адресанты стремятся продемонстрировать уважение к аудитории, подчеркнуть субъективность своих суждений и оставить себе пути отступления или возможность для дальнейшей дискуссии.

В ходе отбора материала для исследования было установлено, что хеджированные высказывания встречаются в диалогах представителей рабочего и среднего классов с относительно одинаковой частотой, что характеризует стратегию речевого отгораживания как важный элемент культуры межличностного общения британцев обеих социальных групп.

Контекстуальный и прагматический анализ позволил выявить основные коммуникативные задачи, решаемые в корпусе исследования с помощью хеджинга: запрос информации, критика, выражение мнения, предположение, намерение, констатация факта, предложение, просьба, требование, совет. В диалогах представителей среднего класса средства речевого отгораживания чаще всего используются при выражении мнения, констатации фактов и озвучивании намерений, т. е. коммуниканты в первую очередь выражают заботу о свободе мыслей и чувств собеседников (*privacy of thoughts and feelings*). В то же время для британцев, принадлежащих к рабочему классу, чуть более важной оказывается свобода действий (*privacy of behaviour and action*), так как в тройку наиболее часто хеджируемых коммуникативных задач входят просьба, констатация факта и предложение.

Анализ речи киногероев показал, что хеджинг нередко встречается в рамках конфликтных ситуаций, когда высказывания героев имеют яркий негативный окрас, содержат грубую лексику. Таким образом, мы можем утверждать, что хеджирование является для британцев не просто способом проявить вежливость. Потребность в сохранении личных границ настолько сильна в британской культуре, что использование хеджинга как речевой стратегии, позволяющей оберегать личные границы (*privacy*) собеседников, необходимо британцам, чтобы чувствовать себя комфортнее при речевом взаимодействии с окружающими.

Анализ лексико-грамматической стороны хеджинга показал, что британцы из среднего класса чаще, чем представители рабочего класса, используют в рамках одного высказывания два, три или четыре хеджа. Также были определены самые частотные лексико-грамматические средства хеджинга в корпусе исследования. Наиболее распространенным хеджем в речи обоих рассматриваемых социальных классов оказались модальные глаголы, чаще всего используемые для выражения намерения, предложения, просьбы, требования и совета. Среди глаголов самым частотным является *can/could* (нередко используемый в общих вопросах).

В коммуникации представителей среднего класса на втором месте по частотности среди средств речевого отгораживания – вводные конструкции с глаголами умственной деятельности и чувственного восприятия (как правило, *I think*). С их помощью в основном хеджировались мнения, предположения и факты. На третьем месте – наречие *just*, встречающееся в основном в озвученных фактах, намерениях и просьбах.

Британцы, принадлежащие к рабочему классу, употребляли сочетания типа *I think* в 3,5 раза реже. В их диалогах вторыми по распространенности стали хеджи, выраженные разделительным вопросом. Данное средство применялось для решения всех выявленных коммуникативных задач. Третье место также заняло наречие *just*, характерное для формулирования фактов, просьб и предложений.

Далее выявленные частотные хеджи были рассмотрены с позиции их просодического оформления в речи. Для этого был проведен слуховой и электроакустический анализ.

Как правило, средства хеджинга в речи обоих социальных классов могут характеризоваться просодической непроминентностью. Британцы ненавязчиво вплетают их в свои высказывания, ставя в безударные позиции, произнося не громче, не выше и порой чуть быстрее остальных частей синтагм.

Чаще всего в ударной позиции оказываются:

- модальные глаголы *need* и *have to* (в диалогах представителей рабочего класса в данную категорию также входит глагол *might*, в диалогах представителей среднего класса – глагол *would* в вопросительных предложениях);
- вводное сочетание типа *I think*, расположенное в начале высказывания (в диалогах представителей рабочего класса оно становилось ударным во всех зафиксированных случаях использования);
- вторая часть разделительного вопроса.

В целом в ходе исследования было установлено, что просодическая сторона реализации средств речевого отгораживания в межличностной коммуникации двух социальных классов имеет больше сходств, чем различий. Более важным фактором, влияющим на просодию хеджинга, оказалось эмоциональное состояние говорящего. В неловких ситуациях, когда адресант не уверен в себе, средства речевого отгораживания в высказываниях британцев начинают звучать гораздо заметнее: произносятся медленнее, выделяются долгими паузами хезитации, средним ровным ядерным тоном и контрастируют по высоте тона и интенсивности с предложением в целом (могут звучать как выше и громче, так и ниже и тише).

Раздражение и злость также сказываются на суперсегментной реализации средств речевого отгораживания: интенсивность, ЧОТ и скорость ее изменения повышаются, СДС и паузы сокращаются.

Как представляется, при изучении английского языка целесообразно уделять теме хеджинга особое внимание. В связи с тем, что хеджирование высказываний не характерно для русской культуры, и чрезмерное использование не прямых формулировок оценивается скорее негативно, в рамках межкультурного взаимодействия необходимо учитывать отличающееся отношение к хеджингу британцев двух самых больших социальных групп – среднего и рабочего классов. Недостаточность хеджирования в рамках диалога может вызвать у англоговорящего собеседника дискомфорт и восприниматься как грубое нарушение его личных границ (*privacy*). Как следствие, коммуникация рискует оказаться неуспешной, а в худшем случае может завершиться конфликтом.

Не менее важно, однако, учитывать специфику фонетической реализации хеджинга, так как просодические средства позволяют усилить или ослабить его роль в высказывании. Во многом именно от них зависит, будет ли стратегия речевого отгораживания воспринята собеседником как вежливость, как признак неуверенности в себе или как признак агрессии.

Перспектива развития настоящего исследования видится в дальнейшем изучении особенностей просодии хеджинга в речи представителей других социальных групп и в иных коммуникативных ситуациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Абрамова, Г. С.** Некоторые просодические особенности речи представителей современной британской молодежи / Г. С. Абрамова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13, № 9. – С. 167–172.
2. **Абрамова, Г. С.** Роль просодии в реализации взаимодействия участников дискурса в сфере массовой культуры / Г. С. Абрамова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2012а. – № 2. – С. 90–93.
3. **Абрамова, Г. С.** Социально обусловленная вариативность фонетических средств как фактор регуляции общения : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Абрамова Галина Сергеевна. – Москва, 2012б. – 18 с. – Текст : непосредственный.
4. **Алборова, А. А.** К вопросу об основных лингвистических параметрах дискурса в приложении к феномену кинодискурса / А. А. Алборова. – Текст : непосредственный // Альманах современной науки и образования. – 2013. – № 9(76). – С. 14–17.
5. **Антипова, А. М.** Направления исследований по интонации в современной лингвистике / А. М. Антипова. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1986. – № 1. – С. 122–132.
6. **Арутюнова, Н. Д.** Язык и мир человека : монография / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 911 с. – Текст : непосредственный.
7. **Балашова, Л. В.** Вербальная коммуникация и ее отражение в идиоматике русского языка / Л. В. Балашова. – Текст : электронный // Прямая и непрямая коммуникация : сб. науч. тр / под ред. В. В. Дементьева. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – С. 93–108. – URL: <https://www.sgu.ru/structure/>

philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/pryamaya-i-
 nepryamaya-kommunikaciya (дата обращения: 29.03.2024).

8. **Бастун, Е. В.** Функционально-прагматические характеристики прямой и не прямой коммуникации в политическом дискурсе (на материале английского языка) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : дис. ... канд. филол. наук / Бастун Елена Васильевна. – Майкоп, 2020. – 178 с. – Текст : непосредственный.
9. **Беликов, В. И.** Социоллингвистика : учебник для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – Москва : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 315 с. – ISBN 5-7281-0345-6. – Текст : непосредственный.
10. **Белорукова, М. В.** Просодическая специфика реализации высказываний «команда», «приказ», «распоряжение» в речи сотрудников полиции в американском варианте современного английского языка (экспериментально-фонетическое исследование на материале американских художественных фильмов) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Белорукова Мария Валерьевна. – Нижний Новгород, 2015. – 22 с. – Текст : непосредственный.
11. **Белорукова, М. В.** Темпоритмические особенности высказываний «Команда», «Приказ», «Распоряжение» в современном английском языке / М. В. Белорукова. – Текст : непосредственный // Вестник ИГЛУ. – 2014. – № 2(27). – С. 244–249.
12. **Блохина, Л. П.** Просодические характеристики речи и методы их анализа : текст лекций спецкурса / Л. П. Блохина. – Москва : Типография МГПИИЯ, 1980. – 74 с. – Текст : непосредственный.
13. **Богинская, О. А.** Лексико-синтаксические актуализаторы хеджирования в русском языке: опыт анализа отзывов о диссертации / О. А. Богинская. – Текст : непосредственный // Русистика. – 2023. – Т. 21, № 1. – С. 18–32. – DOI 10.22363/2618-8163-2023-21-1-18-32.

14. **Большой толковый словарь русского языка** / гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2014. – URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovuj-slovar> (дата обращения: 29.03.2024). – Текст : электронный.
15. **Большой толковый социологический словарь (Collins). Т. 1 (А–О)** / Д. Джери, Дж. Джери. – Пер. с англ. Н. Н. Марчук. – Москва : Вече, АСТ, 1999а. – 544 с. – ISBN 5-7838-0426-6. – Текст : непосредственный. (БТСС)
16. **Большой толковый социологический словарь (Collins). Т. 2 (П–Я)** / Д. Джери, Дж. Джери ; пер. с англ. Н. Н. Марчук. – Москва : Вече, АСТ, 1999б. – 528 с. – ISBN 5-7838-0427-4. – Текст : непосредственный. (БТСС)
17. **Бондалетов, В. Д.** Социальная лингвистика : учеб. пособие / В. Д. Бондалетов. – Изд-е стер. – Москва : URSS, 2019. – 208 с. – ISBN 978-5-9710-6056-7. – Текст : непосредственный.
18. **Бурая, Е. А.** Новые данные о социофонетической вариативности английского произношения / Е. А. Бурая. – Текст : непосредственный // Социофонетика звучащей речи: Вестник МГЛУ. – Москва : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – № 1. – С. 54–63.
19. **Бурнакова, К. Н.** Актуальные направления исследования малоизученных живых языков: ритмомелодический аспект / К. Н. Бурнакова, Т. Н. Боргоякова. – Текст : непосредственный // Казанская наука. – 2018а. – № 9. – С. 60–63.
20. **Бурнакова, К. Н.** Возможности использования компьютерных программ при анализе фонетических единиц в языковой подготовке учителя иностранного языка начальной школы / К. Н. Бурнакова, А. А. Чистик. – Текст : непосредственный // Большая конференция МГПУ : сб. тез. : в 3 т., Москва, 28–30 июня 2023 года / отв. ред. Р. Г. Резаков ; Моск. гор. пед. ун-т. – Т. 1. – Москва : Парадигма, 2023. – С. 44–48.
21. **Бурнакова, К. Н.** О ритмомелодическом исследовании конструкций вопросительно-побудительных предложений (на материале хакасского языка) / К. Н. Бурнакова. – Текст : непосредственный // Российская тюркология. – 2014а. – № 1(10). – С. 13–22.

22. **Бурнакова, К. Н.** Практикум по интонационному оформлению иноязычной речи / К. Н. Бурнакова ; Департамент образования г. Москвы ; Моск. гор. пед. ун-т, Ин-т иностр. яз. – Москва : 11-й Формат, 2014б. – 32 с. – Текст : непосредственный.
23. **Бурнакова, К. Н.** Проблема изучения ритмомелодики предложения живого языка / К. Н. Бурнакова. – Текст : непосредственный // International Scientific Review. – 2016. – № 12(22). – С. 60–62.
24. **Бурнакова, К. Н.** Ритмомелодика и предложение естественного языка: системная связь и взаимная зависимость / К. Н. Бурнакова. – Текст : непосредственный // Фононовации в современном языковом пространстве: опыт, проблемы, перспективы : монография / Е. Г. Тарева, К. Н. Бурнакова [и др.] ; под общ. ред. К. Н. Бурнаковой, Л. Г. Викуловой. – Москва : Языки Народов Мира, 2024. – Разд. 2. – С. 145–172.
25. **Бурнакова, К. Н.** Ритмомелодическое оформление иноязычной речи: содержательный аспект / К. Н. Бурнакова, Т. Н. Боргоякова. – Текст : непосредственный // Казанская наука. – 2018б. – № 9. – С. 64–67.
26. **Вежбицка, А.** Культурная обусловленность категорий «прямота» vs. «непрямота» / А. Вежбицка. – Текст : электронный // Прямая и непрямая коммуникация : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2003. – С. 139–159. – URL: <https://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhany-rechi/materialy-vypuskov/pryamaya-i-nepryamaya-kommunikaciya> (дата обращения: 29.03.2024)
27. **Вежбицка, А.** Язык. Культура. Познание : сб. ст. / А. Вежбицка ; пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз. – Москва : Русские словари, 1996. – 416 с. – ISBN'5-89216-002-5. – Текст : непосредственный.
28. **Вейхман, Г. А.** Новое в английской грамматике : монография / Г. А. Вейхман. – Москва : АСТ, 2009. – 192 с. – ISBN 978-5-17-057507-7. – Текст : непосредственный.
29. **Верещагина, Л. В.** Взаимодействие просодических параметров и кинесических средств речи в условиях социально-ролевой симметрии и

- асимметрии партнеров по диалогу (экспериментально-фонетическое исследование на материале английского языка) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Верещагина Лилия Васильевна. – Саранск, 2000. – 22 с. – Текст : непосредственный.
30. **Викулова, Л. Г.** Национальная идентичность в контексте инаковости: языковая репрезентация оппозиции «свои» – «чужие» во французской литературе XX века (на материале сборника эссе Ф. Мориака «Чёрная тетрадь») / Л. Г. Викулова, О. А. Кулагина. – Текст : непосредственный // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2013. – № 2(12). – С. 33–42.
31. **Вишневская, Г. М.** Социальная маркированность акцентной речи / Г. М. Вишневская. – Текст : непосредственный // Социофонетика звучащей речи: Вестник МГЛУ. – Москва : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – № 1. – С. 76–82.
32. **Владыкин, А. А.** Коммерциализация научных разработок как результат инновационной деятельности и способ дополнительного финансирования высшего учебного заведения / А. А. Владыкин – Текст : электронный // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommertsializatsiya-nauchnyh-razrabotok-kak-rezultat-innovatsionnoy-deyatelnosti-i-sposob-dopolnitelnogo-finansirovaniya-vysshego> (дата обращения: 23.10.2024).
33. **Власян, Г. Р.** Лингвистическое хеджирование как средство реализации стратегий вежливости в разговорном диалоге / Г. Р. Власян, Е. М. Петрова. – Текст : непосредственный // Культура и текст. – 2021. – № 1(44). – С. 216–227. – DOI 10.37386/2305-4077-2021-1-216-227.
34. **Горина, О. Г.** Лингвистический хеджинг как коммуникативная стратегия (в русле корпусных исследований) / О. Г. Горина, В. Е. Храброва. – Текст : непосредственный // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 3. – С. 44–53.
35. **Гусева, А. А.** Гендерные аспекты хеджирования в американском политическом дискурсе / А. А. Гусева, В. А. Баркина. – Текст : электронный //

- Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – 2022. – № 11(91). – URL: <https://scipress.ru/philology/articles/gendernye-aspekty-khedzhirovaniya-v-amerikanskom-politicheskom-diskurse.html> (дата обращения: 29.03.2024).
36. **Дементьев, В. В.** Лексико-семантический аспект не прямой коммуникации / В. В. Дементьев. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2016. – № 2. – С. 28–30.
37. **Дементьев, В. В.** Непрямая коммуникация : монография / В. В. Дементьев. – Москва : Гнозис, 2006. – 560 с. – ISBN: 5-7333-0181-3. – Текст : непосредственный.
38. **Дементьев, В. В.** Непрямая коммуникация в русской национально-речевой культуре / В. В. Дементьев. – Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2018. – № 4. – С. 919–944.
39. **Дементьев, В. В.** Основы теории не прямой коммуникации : специальность 10.02.19 «Теория языка» : дис. ... д-ра филол. наук / Дементьев Вадим Викторович. – Саратов, 2001. – 425 с. – Текст : непосредственный.
40. **Демьянков, В. З.** Хеджинг как общесемиотическое явление / В. З. Демьянков. – Текст : непосредственный // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2024. – № 5. – С. 55–69. – DOI: 10.28995/2686-7249-2024-555-69.
41. **Джигоева, А. А.** Английский менталитет сквозь призму языка: концепт «Privacy» / А. А. Джигоева. – Текст : непосредственный // Вестник МГУ. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – № 1. – С. 41–59.
42. **Джигоева, А. А.** Англосаксонский менталитет сквозь призму английского языка : монография / А. А. Джигоева. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2014. – 152 с. – ISBN 978-5-19-010824-8. – Текст : непосредственный.
43. **Джигоева, А. А.** Конструэнты категории вежливости в английском языке: концепт *stiff upper lip* / А. А. Джигоева, В. С. Соседова. – Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2014. – № 4. – С. 85–100.

44. **Джураева, Ю. А.** Особенности использования фонетических средств в кинодискурсе (на материале жанра фэнтези) / Ю. А. Джураева. – Текст : непосредственный // Преподаватель XXI век. – 2021а. – № 1. – Ч. 2. – С. 395–403.
45. **Джураева, Ю. А.** Роль фонетических средств в создании художественного образа (на материале современного англоязычного кинодискурса) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : дис. ... канд. филол. наук / Джураева Юлия Артуровна. – Москва, 2021б. – 186 с. – Текст : непосредственный.
46. **Елизарова, Г. В.** Культура и обучение иностранным языкам : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению 050300 «Филол. образование» / Г. В. Елизарова. – Санкт-Петербург : КАРО, 2005. – ISBN 5-89815-597-X. – Текст : непосредственный.
47. **Ерзинкян, Е. Л.** Лингвистическая категория вежливости: семантика и прагматика : монография / Е. Л. Ерзинкян. – Ереван : Изд. ЕГУ, 2018. – 410 с. – ISBN 978-5-8084-2289-6. – Текст : непосредственный.
48. **Ефименко, Т. Н.** Репрезентация ценностей делового лингвокультурного сообщества в кинодиалоге (на материале художественных фильмов) / Т. Н. Ефименко, Ю. Е. Иванова. – Текст : непосредственный // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2020. – № 2(38). – С. 56–64. – DOI 10.25688/2076-913X.2020.38.2.06.
49. **Журавлева, Е. В.** Популяризация науки в современной России / Е. В. Журавлева, С. В. Фурсов. – Текст : непосредственный // Россия и современный мир. – 2018. – № 4(101). – С. 233–237.
50. **Иванова, В. Г.** Лингвокультурологические особенности концепта «understatement» в современном английском языке : специальность 10.02.04 «Германские языки» : дис. ... канд. филол. наук / Иванова Виктория Геннадьевна. – Москва, 2015. – 246 с. – Текст : непосредственный.
51. **Иванова, Ю. Е.** Компаративный анализ лингвокультурологических особенностей дискуссии в англоязычном и русскоязычном полилоговом

- общении / Ю. Е. Иванова. – Текст : непосредственный // Язык и культура. – 2019. – № 48. – С. 137–153. – DOI 10.17223/19996195/48/9. – EDN KKZUIS.
52. **Иванова, Ю. Е.** Фонопрагматическая обусловленность речевого поведения оратора в зависимости от адресата / Ю. Е. Иванова, Е. И. Михалева. – Текст : непосредственный // Фононовации в современном языковом пространстве: опыт, проблемы, перспективы : монография / Е. Г. Тарева, К. Н. Бурнакова [и др.] ; под общ. ред. К. Н. Бурнаковой, Л. Г. Викуловой. – Москва : Языки Народов Мира, 2024. – Разд. 1. – С. 91–114.
53. **Карасик, В. И.** Язык социального статуса : монография / В. И. Карасик. – Москва : ИТДГК Гнозис, 2002. – 333 с. – ISBN 5-94244-008-5. – Текст : непосредственный.
54. **Карасик, В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс : монография. – Волгоград : Перемена, 2004. – 477 с. – ISBN 5–88234–552–2. – Текст : непосредственный.
55. **Карасик, В. И.** Языковые ключи : монография / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2009. – 406 с. – ISBN: 5-94244-030-5. – Текст : непосредственный.
56. **Катина, Н. А.** Некоторые подходы к изучению интонационной реализации дискурсивных маркеров речевого отгораживания / Н. А. Катина. – Текст : непосредственный // Казанская наука. – 2012а. – № 12. – С. 199–202.
57. **Катина, Н. А.** Особенности просодической реализации дискурсивных маркеров речевого отгораживания hedges в академической публичной речи / Н. А. Катина. – Текст : непосредственный // Преподаватель XXI век. – 2014. – № 2–2. – С. 289–293.
58. **Катина, Н. А.** Роль просодии в реализации дискурсивных маркеров речевого отгораживания (на материале британских лекций) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : дис. ... канд. филол. наук / Катина Наталья Александровна, 2015. – 162 с. – Текст : непосредственный.
59. **Катина, Н. А.** Функциональная специфика дискурсивных маркеров «Речевое отгораживание» / Н. А. Катина. – Текст : непосредственный // Преподаватель XXI век. – 2012б. – № 3–2. – С. 324–328.

60. **Кислицына, Н. Н.** Лингвокогнитивные особенности кинодискурса (на материале англоязычных диалогов подростков) / Н. Н. Кислицына, А. Г. Службина. – Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2019. – Т. 21. – № 2. – С. 513–520.
61. **Кожедуб, Н. В.** Просодическая реализация убеждения как одного из видов речевого воздействия в судебной речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале британского варианта английского языка) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Кожедуб Наталья Владимировна. – Нижний Новгород, 2009. – 24 с. – Текст : непосредственный.
62. **Козуляев, А. В.** Интегративная модель обучения аудиовизуальному переводу (английский язык) : специальность 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)» : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Козуляев Алексей Владимирович. – Москва, 2019. – 234 с. – Текст : непосредственный.
63. **Козуляев, А. В.** Понимание как составляющая процесса аудиовизуального перевода и методические приемы обучения пониманию аудиовизуальных произведений / А. В. Козуляев. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2018. – № 4. – С. 181–199.
64. **Корлыханова, Е. Л.** Взаимодействие просодических и кинесических средств в выражении эмоциональных значений радости, гнева, удивления в сценической речи (на материале английского языка) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Корлыханова Елена Леонидовна. – Москва, 2000. – 22 с. – Текст : непосредственный.
65. **Кортава, Т. В.** Непрямая коммуникация в аспекте культуры речи / Т. В. Кортава. – Текст : непосредственный // Слово в русской культуре и межкультурной коммуникации : материалы науч. семинара, посвящ. 50-летию МАПРЯЛ, Тула, 27 октября 2017 года / под общ. ред. Л. А. Константиновой,

- Н. Н. Захаровой. – Тула : Тульский государственный университет, 2018. – С. 14–18. – EDN XMPXN.
66. **Корячкина, А. В.** Художественный (постановочный) кинофильм как дискурс / А. В. Корячкина. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 3-3(45). – С. 91–97.
67. **Космодемьянская, В. И.** Концептуальные основания, прагматические и лингвистические особенности прямых и не прямых реактивных реплик (на материале современных англоязычных диалогических дискурсов) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : дис. ... канд. филол. наук / Космодемьянская Виктория Игоревна. – Санкт-Петербург, 2018. – 194 с. – Текст : непосредственный.
68. **Крысин, Л. П.** Речевое общение и социальные роли говорящих / Л. П. Крысин. – Текст : непосредственный // Социально-лингвистические исследования. – Москва : Наука, 1976. – С. 42–52.
69. **Ларина, Л. И.** Средства выражения неуверенности в современном английском языке на примере академического дискурса / Л. И. Ларина, Л. Ю. Витрук. – Текст : непосредственный // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук / Воронеж. гос. ун-т инженер. технологий. – Воронеж, 2016. – № 5(13). – С. 66–71.
70. **Лингвистический энциклопедический словарь** / под ред. В. Н. Ярцевой ; Ин-т языкознания АН СССР. – Москва : Сов. энцикл., 1990. – URL: <https://tapemark.narod.ru/les/> (дата обращения: 29.03.2024). – Текст : электронный.
71. **Майолл, Э.** Эти странные англичане / Э. Майолл, Д. Милстед. – Москва : Эльпина, 2017. – 138 с. – ISBN 978-5-9614-6060-5. – Текст : непосредственный.
72. **Маковский, М. М.** Английская диалектология. Современные английские территориальные диалекты Великобритании : учеб. пособие / М. М. Маковский. – Москва : URSS, 2005. – 186 с. – ISBN 978-5-9710-8823-3. – Текст : непосредственный.

73. **Марюхин, А. П.** «Hedging (Heske)» – новая семантическая категория? / А. П. Марюхин. – Текст : непосредственный // Сибирский филологический журнал. – 2008а. – № 4. – С. 200–204.
74. **Марюхин, А. П.** Непрямая коммуникация в научном дискурсе : специальность 10.02.04 «Германские языки» : дис. ... канд. филол. наук / Марюхин Александр Петрович. – Москва, 2010. – 166 с. – Текст : непосредственный.
75. **Марюхин, А. П.** Явление «hedging» в научном дискурсе / А. П. Марюхин. – Текст : непосредственный // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2008б. – № 1. – С. 113–118.
76. **Медведева, Т. В.** Социолингвистический аспект инноваций в современном британском произношении / Т. В. Медведева. – Текст : непосредственный // Филологические науки. – 2001. – № 4. – С. 66–71.
77. **Миколайчик, М. В.** Лексические хеджи в британском и американском вариантах научного экономического дискурса: корпусное исследование // М. В. Миколайчик. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 3. – С. 63–67.
78. **Михалева, Е. И.** Место диалектной речи в фонетической системе английского языка / Е. И. Михалева // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2012. – № 1(9). – С. 24–28. – EDN PDTCNR.
79. **Михалева, Е. И.** Прагматические особенности хеджирования в академическом дискурсе / Е. И. Михалева, И. В. Пушнина. – Текст : непосредственный // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2022. – № 1(45). – С. 113–124. – DOI 10.25688/2076-913X.2022.45.1.12.
80. **Михалева, Е. И.** Социокультурные особенности восприятия северных акцентов Англии / Е. И. Михалева // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2008. – № 2(2). – С. 24–28. – EDN MIDDRB.

81. **Михалева, Е. И.** Фонетические особенности диалектно-окрашенной речи в аспекте ее восприятия (перцептивно-фонетическое исследование на материале северных акцентов Англии) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Михалева Елена Игоревна. – Москва, 2007. – 21 с. – Текст : непосредственный.
82. **Морозкина, Е. А.** Стратегия не прямой коммуникации / Е. А. Морозкина, Г. А. Вильданова. – Текст : непосредственный // Доклады Башкирского университета. – 2018. – Т. 1, № 2. – С. 419–422.
83. **Мурашова, Е. П.** Прагматический потенциал хеджирования в тексте англоязычной политической рекламы / Е. П. Мурашова – Текст : непосредственный // Век информации. – 2018. – № 2-2. – С. 53–54.
84. **Мюллер, В. К.** Новый большой англо-русский словарь / под ред. Л. С. Робатень. – Москва : АСТ, 2021. – 1184 с. – ISBN 978-5-17-084108-0. – Текст : непосредственный.
85. **Нестерова, Т. В.** Непрямая коммуникация в обиходной сфере (русскоязычное общение) / Т. В. Нестерова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 5-1(47). – С. 156–162.
86. **Пальянов, И. П.** Эмотивность просодии британской диалогической речи и ее инокультурная интерпретация (экспериментально-фонетическое исследование) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Пальянов Илья Петрович. – Волгоград, 2005. – 21 с. – Текст : непосредственный.
87. **Панина, Е. А.** Популяризация науки в условиях современной социокультурной ситуации / Е. А. Панина. – Текст : электронный // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2019. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/populyarizatsiya-nauki-v-usloviyah-sovremennoy-sotsiokulturnoy-situatsii> (дата обращения: 23.10.2024).
88. **Пастухова, О. Д.** Особенности хеджирования в речи Б. Джонсона / О. Д. Пастухова. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры,

- образования. – 2020. – № 5(84). – С. 324–326. – DOI 10.24411/1991-5497-2020-00977.
89. **Пастухова, О. Д.** Хеджирование в политическом дискурсе / О. Д. Пастухова. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 4(71). – С. 510–511.
90. **Петрова, И. М.** Современные цифровые технологии в лингвистических исследованиях : учеб. пособие для обучающихся по направлению «Лингвистика» / И. М. Петрова, А. М. Иванова, В. В. Никитина ; Моск. гор. пед. ун-т, Ин-т иностр. яз. – Москва : Языки Народов Мира, 2022. – 259 с. – ISBN 978-5-6048046-8-1. – Текст : непосредственный.
91. **Потапова, Р. К.** Некоторые прикладные аспекты исследования звучащей речи / Р. К. Потапова, В. В. Потапов. – Текст : непосредственный // Социофонетика звучащей речи: Вестник МГЛУ. – Москва : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – № 1. – С. 164–186.
92. **Просодия современного англоязычного устного дискурса: социокультурный аспект** : монография / Е. Л. Фрейдина, Д. В. Ворошкевич, М. С. Савинова [и др.]. ; Моск. пед. гос. ун-т. – Москва, 2015. – 236 с. – ISBN 978-5-4263-0258-7. – Текст : непосредственный.
93. **Рахматуллина, А. Н.** Фонетические маркеры эксцентричности (на материале английского языка) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Рахматуллина Альфия Наилевна. – Москва, 2012. – 19 с. – Текст : непосредственный.
94. **Россихина, М. Ю.** Функционально-прагматические характеристики хеджей somewhat и a bit (of) в межличностном общении британцев / М. Ю. Россихина, И. И. Икатова. – Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 22, № 3(200). – С. 247–263. – DOI 10.15826/izv2.2020.22.3.056.
95. **Русская фонетика в развитии.** Фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – Москва : Языки славянской культуры, 2013. – 464 с. – ISBN 978-5-9551-0619-9. – Текст : непосредственный.

96. **Сейранян, М. Ю.** Дискурсивные маркеры речевого отгораживания как отражение национально-культурной специфики речевого общения / М. Ю. Сейранян. – Текст : непосредственный // Преподаватель XXI век. – 2022. – № 3–2. – С. 380–386. – DOI 10.31862/2073-9613-2022-3-380-386.
97. **Сейранян, М. Ю.** Прагматический потенциал хеджирования в британском политическом дискурсе / М. Ю. Сейранян. – Текст : непосредственный // Преподаватель XXI век. – 2023. – № 2–2. – С. 385–391. – DOI 10.31862/2073-9613-2023-2-385-391.
98. **Сейранян, М. Ю.** Эмоционально-модальная функция просодии в дискурсе британских медиа дебатов / М. Ю. Сейранян, Е. Л. Фрейдина. – Текст : непосредственный // Казанская наука. – 2020. – № 7. – С. 60–65.
99. **Слышкин, Г. Г.** Кинотекст: опыт лингвокультурологического анализа : монография / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова. – Москва : Водолей Publishers, 2004. – 153 с. – ISBN 5-902312-25-6. – Текст : непосредственный.
100. **Соколова, М. А.** Теоретическая фонетика английского языка : учебник / М. А. Соколова, И. С. Тихонова, Р. М. Тихонова, Е. Л. Фрейдина. – Дубна : Феникс+, 2010. – 192 с. – ISBN 978-5-9279-0153-1. – Текст : непосредственный.
101. **Соседова, В. С.** Лингвокультурный концепт *Stiff Upper Lip* в английской языковой картине мира : специальность 10.02.04 «Германские языки» : дис. ... канд. филол. наук / Соседова Варвара Сергеевна. – Москва, 2015. – 187 с.
102. **Стернин, И. А.** Почему русский человек не любит светское общение? / И. А. Стернин. – Текст : непосредственный // Прямая и непрямая коммуникация : сб. науч. ст. – Саратов : Гос. учеб.-науч. центр «Колледж», 2003. – С. 278–283.
103. **Сулейманова, О. А.** Личность другого в академическом дискурсе / О. А. Сулейманова, И. В. Тивьяева. – Текст : электронный // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2022. – № 8-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-drugogo-v-akademicheskom-diskurse> (дата обращения: 23.10.2024).

104. **Сытина, О. В.** Особенности просодической реализации первообразных междометий в диалогическом дискурсе (на материале британских телесериалов и реалити-шоу) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Сытина Ольга Владимировна. – Москва, 2015. – 19 с. – Текст : непосредственный.
105. **Табаринцева-Романова, К. М.** Стратегии хеджинга в политическом дискурсе (на примере заседания Совета Безопасности ООН по вопросу гражданской войны в Ливии 2011 г.) / К. М. Табаринцева-Романова, О. Ю. Пашкевич. – Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. – 2018. – Т. 13, № 2(176). – С. 93–99.
106. **Туяков, В. Н.** Ирония в англоязычном устном речевом дискурсе и особенности ее просодической реализации (на материале британских телесериалов и ток-шоу) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Туяков Валерий Николаевич. – Москва, 2017. – 20 с. – Текст : непосредственный.
107. **Устинов, А. Э.** Коммерциализация научной деятельности / А. Э. Устинов. – Казань: Изд-во КФУ, 2017. – 102 с. – Текст : непосредственный.
108. **Федорова, Т. В.** Аргументация в контексте не прямой коммуникации (на материале английского языка) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Федорова Татьяна Владимировна. – Иркутск, 2009. – 21 с. – Текст : непосредственный.
109. **Фрейдина, Е. Л.** О перспективах изучения просодии в контексте межкультурной прагматики / Е. Л. Фрейдина. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики : сб. науч. тр. / Моск. пед. гос. ун-т. – Вып. 20. – Москва, 2022. – С. 135–140.
110. **Фрейдина, Е. Л.** Социокультурные источники вариативности английского произношения в современном устном речевом дискурсе / Е. Л. Фрейдина. – Текст : непосредственный // Преподаватель XXI век. – 2016. – № 1-2. – С. 282–290.

111. **Чуешкова, А. В.** Вариативность просодических характеристик языковой личности в англоязычном дискурсе : специальность 10.02.00 «Языкознание» : дис. ... канд. филол. наук / Чуешкова Анна Вадимовна. – Москва, 2022. – 220 с. – Текст : непосредственный.
112. **Чупрына, О. Г.** Межкультурное общение. Все, что вам необходимо знать : учеб. пособие по межкультурной коммуникации : на англ. яз. / О. Г. Чупрына, Н. Д. Паршина. – Москва : URSS, 2019. – 237 с. – ISBN 978-5-9519-4515-0. – Текст : непосредственный.
113. **Шевченко, В. Д.** Анализ языковых составляющих британского кинодискурса / В. Д. Шевченко. – Текст : непосредственный // Вестник Самарского государственного университета. – 2005. – № 4(38). – С. 135–141.
114. **Шевченко, Т. И.** Актуальные проблемы социофонетического исследования просодии / Т. И. Шевченко. – Текст : непосредственный // Социофонетика звучащей речи: Вестник МГЛУ. – Москва : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – № 1. – С. 273–282.
115. **Шевченко, Т. И.** Социальная дифференциация английского произношения : монография / Т. И. Шевченко. – Москва : Высшая школа, 1990. – 142 с. – ISBN 5-06-001576-9. – Текст : непосредственный.
116. **Шевченко, Т. И.** Социофонетика в развитии: от макросоциальных категорий к личности / Т. И. Шевченко. – Текст : непосредственный // Фононовации в современном языковом пространстве: опыт, проблемы, перспективы : монография / Е. Г. Тарева, К. Н. Бурнакова [и др.] ; под общ. ред. К. Н. Бурнаковой, Л. Г. Викуловой. – Москва : Языки Народов Мира, 2024. – Разд. 1. – С. 21–44.
117. **Шевченко, Т. И.** Социофонетика. Национальная и социальная идентичность в английском произношении : монография / Т. И. Шевченко. – Москва : URSS, 2016. – 240 с. – ISBN 978-5-9710-2666-2. – Текст : непосредственный.
118. **Шевченко, Т. И.** Фонетика и фонология английского языка: Курс теоретической фонетики английского языка для бакалавров / Т. И. Шевченко. –

- Дубна : Феникс+, 2017. – 256 с. – SBN: 978-5-9279-0166-1. – Текст : непосредственный.
119. **Aijmer, K.** Discourse variation and hedging. / K. Aijmer – Текст : непосредственный // Corpus linguistics II: New studies in the analysis and exploitation of computer corpora / eds. Aarts, W. Meijs. – Amsterdam : Rodopi, 1986. – P. 1–18.
 120. **Aijmer, K.** I Think – An English Modal Particle / K. Aijmer. – Текст : непосредственный // Swan T., Westvik O. J. (Eds.). Modality in Germanic Languages: Historical and Comparative Perspectives. – New York, 1997. – P. 1–48.
 121. **Aijmer, K.** Sort of and kind of in English conversation / K. Aijmer. – Текст : непосредственный // Studia Linguistica. – 1984. – Vol. 38. – P. 118–128.
 122. **Berliner, T.** Killing the Writer: Movie Dialogue Conversations and John Cassavetes / T. Berliner. – Текст : непосредственный // Film Dialogue. – New York : Columbia University Press, 2013. – P. 103–115.
 123. **Biber, D.** Longman Grammar of Spoken and Written English / D. Biber, S. Conrad, G. Leech. – 2nd ed. – Harlow: Pearson Education Limited, 2003. – 487 p. – ISBN 0 582 237262. – Текст : непосредственный.
 124. **Bradford, B.** Intonation in Context / B. Bradford. – Cambridge : CUP, 1988. – 72 p. – ISBN 978-0521319157. – Текст : непосредственный.
 125. **Brandis, W.** Social class, language and communication, (Primary socialization, language and education) / W. Brandis. – London : Routledge & K. Paul, 1970. – 153 p. – ISBN 978-0710066138. – Текст : непосредственный.
 126. **Brazil, D.** The Communicative Value of Intonation in English / D. Brazil. – Cambridge : CUP, 1997. – 188 p. – ISBN 978-0521585873. – Текст : непосредственный.
 127. **Brown, P.** Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 345 p. – ISBN 0 521 30862. – Текст : непосредственный.

128. **Cambridge Academic Content Dictionary.** – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 1156 p. – ISBN: 9780521691963. – Текст : непосредственный.
129. **Cambridge Advanced Learner's Dictionary.** – Cambridge: Cambridge University Press, 2024. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/learner-english/> (дата обращения: 29.03.2024). – Текст : электронный.
130. **Cambridge Learner's Dictionary English-Russian** : англо-русский словарь. – Cambridge : Cambridge University Press, 2011. – 1065 p. – ISBN: 9780521181976. – Текст : непосредственный.
131. **Clemen, G.** The concept of hedging: Origins, approaches and definitions / G. Clemen. – Текст : непосредственный // Hedging and Discourse. Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts / eds. R. Markkanen, H. Schröder. – New York : Walter de Gruyter, 1997. – P. 235–248.
132. **Coupland, N.** Style. Language Variation and Identity. Key topics in sociolinguistics / N. Coupland. – Cambridge : CUP, 2007. – 209 p. – ISBN 1-139-46585-6. – Текст : непосредственный.
133. **Cruttenden, A.** Intonation / A. Cruttenden. – Cambridge : CUP, 1997. – 201 p. – ISBN 978-0521598255. – Текст : непосредственный.
134. **Crystal, D.** How Language Works / D. Crystal. – London : Penguin Books, 2007. – 500 p. – ISBN 978-0141911731. – Текст : непосредственный.
135. **Crystal, D.** Prosodic and paralinguistic correlates of social categories / D. Crystal. – Текст : непосредственный // Social anthropology and language / ed. E. Ardener. – London : Tavistock Publications, 1971. – P. 185–206.
136. **Crystal, D.** The Cambridge Encyclopedia of Language / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge University, 2017. – 517 p. – ISBN 978-0-521-51698-3. – Текст : непосредственный.
137. **Crystal, D.** The English Tone of Voice. Essays in intonation, prosody and paralanguage / D. Crystal. – London : Hodder & Stoughton Educational, 1975. – 196 p. – ISBN 978-0713158014. – Текст : непосредственный.

138. **Crystal, D.** You say potato. A book about accents / D. Crystal, B. Crystal. – London: Macmillan, 2014. – 248 p. – ISBN 978-4472-5546-8. – Текст : непосредственный.
139. **Dehé, N.** Grammaticalization and prosody: the case of English sort/kind/type of constructions / N. Dehé, K. Stathi. – Текст : непосредственный // Language. – 2016. – № 92 (4). – P. 911–946. – DOI:10.1353/lan.2016.0077.
140. **Edwards, J.** Language, Society and Identity / J. Edwards. – Oxford : Blackwell, 1985. – 245 p. – ISBN 978-0631142331. – Текст : непосредственный.
141. **English Grammar Today** / R. Carter, M. McCarthy, G. Mark, A. O'Keeffe. – Cambridge : Cambridge University Press, 2011. – Текст : электронный. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/grammar/british-grammar/> (дата обращения: 29.03.2024)
142. **Finn, R.** Seven types of privacy / R. Finn, D. Wright, M. Friedewald. – Текст : непосредственный // European Data Protection: Coming of Age / ed. S. Gutwirth, R. Leenes, P. de Hert, Y. Pouillet. – Springer Dordrecht, 2013. – P. 3–32.
143. **Fox, K.** Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour / K. Fox. – London : Hodder & Stoughton, 2014. – 584 p. – ISBN 978-1-444-78520-3. – Текст : непосредственный.
144. **Fraser, B.** Hedging in Political Discourse: The Bush 2007 Press Conferences / B. Fraser. – Текст : электронный // Web. Boston University. – 2010. – URL: www.bu.edu/sed/files/2010/10/2010-Hedging-in-Political-Discourse-The-2007Bush-Press-Conferences.pdf (дата обращения: 29.03.2024)
145. **Ginsburg, S.** Hedging to Save Face: a Linguistic Analysis of Written Comments on In-Training Evaluation Reports / S. Ginsburg, C. van der Vleuten, K. Eva, L. Lingard. – Текст : непосредственный // Advances in Health Sciences Education. – 2016. – Vol. 21(1). – P. 175–188.
146. **Gribanova, T.** Hedging in different types of discourse / T. Gribanova, T. Gaidukova. – Текст : непосредственный // Training Language and Culture. – 2019. – № 3. – P. 85–99.

147. **Halliday, M. A. K.** Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning / M. A. K. Halliday. – London : Arnold, 1978. – 256 p. – ISBN 978-0713159677. – Текст : непосредственный.
148. **Hanafiye, M.** Gender Differences in the Use of Hedges, Tag Questions, Intensifiers, Empty Adjectives, and Adverbs: a comparative study in the Speech of Men and Women / M. Hanafiye. A. Afghari. – Текст : непосредственный // Indian Journal of Fundamental and Applied Life Sciences. – 2014. – Vol. 4(S4). – P. 1168–1177.
149. **Hashemi, M. R.** The Use of Hedging in Discussion Sections of Applied Linguistics Research Articles with Varied Research Methods / M. R. Hashemi, D. Shirzadi. – Текст : непосредственный // The Journal of Teaching Language Skills. – 2016. – Vol. 35(1). – P. 31–56.
150. **Hengeveld, K.** Non-straightforward communication / K. Hengeveld, E. Keizer. – Текст : непосредственный // Journal of Pragmatics. – 2011. – Vol. 43, Is. 3. – P. 1962–1976.
151. **Hewitt, K.** Understanding Britain Today / K. Hewitt. – Oxford : Perspective Publications Ltd, 2009. – 307 p. – ISBN 9780954660123. – Текст : непосредственный.
152. **Hinkel, E.** Hedging, Inflating, and Persuading in L2 Academic Writing / E. Hinkel. – Текст : непосредственный // Applied Language Learning. – 2005. – № 15. – P. 29–53.
153. **Hitchings, H.** Sorry! The English and their Manners / H. Hitchings. – London : John Murray, 2013. – 392 p. – ISBN 978-1-84854-667-7. – Текст : непосредственный.
154. **Holmes, J.** Hedges and boosters in women's and men's speech / J. Holmes. – Текст : непосредственный // Language & Communication. – 1990. – Vol. 10, Is. 3. – P. 185–205.
155. **Honey, J.** Does accent matter? The Pygmalion Factor / J. Honey. – London : Faber&Faber, 1989. – 208 p. – ISBN 978-0571145096. – Текст : непосредственный.

156. **Hu, G. W.** Hedging and boosting in abstracts of applied linguistics articles: A comparative study of English- and Chinese-medium journals / G. W. Hu, F. Cao. – Текст : непосредственный // *Journal of Pragmatics*. – 2011. – № 43. – P. 2795–2809.
157. **Huge survey reveals seven social classes in UK.** – Текст : электронный // BBC. – URL: <http://www.bbc.com/news/uk-22007058> (дата обращения: 25.08.2024).
158. **Hyland, K.** *Academic Discourse: English in a Global Context* / K. Hyland. – London : Continuum, 2009. – 256 p. – ISBN 0826498043. – Текст : непосредственный.
159. **Hyland, K.** *Hedging in Scientific Research Articles* / K. Hyland. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 1998. – 307 p. – ISBN 9789027250674 – Текст : непосредственный.
160. **Hyland, K.** *Writing without Conviction? Hedging in Science Research Articles* / K. Hyland. – Текст : непосредственный // *Applied Linguistics*. – 1996. – Vol. 17, № 4. – P. 433–454.
161. **Hymes, D.** *Two types of linguistic relativity* / D. Hymes. – Текст : непосредственный // *Sociolinguistics* / ed. W. Bright. – The Hague : Mouton, 1966. – P. 114–158.
162. **Issers, O.** *Cross-Cultural Study of American and Russian Proprieties in Communication* / O. Issers, S. Halvorson. – Текст : непосредственный // *Russian Journal of Linguistics*. – 2015. – № 4. – P. 146–154.
163. **Ivanova, Ju. E.** *Identifying intonation features and politeness strategies in classroom language* / Ju. E. Ivanova, E. I. Mikhaleva. – Текст : непосредственный // *Philology. Theory & Practice*. – 2023. – Vol. 16, № 11. – P. 3720–3728. – DOI 10.30853/phil20230571.
164. **Kaltenböck, G.** *New approaches to Hedging* / G. Kaltenböck, W. Mihatsch, S. Schneider. – Bingley : Emerald Group Publishing Limited, 2010. – 310 p. – ISBN 9780857242471. – Текст : непосредственный.

165. **Kazakeviciute, E.** Dialogue and Communication in Film / E. Kazakeviciute. – Текст: электронный // JOMEC Journal. – 2019. – № 13. – P. 1–10. – DOI 10.18573/jomec.182. – URL https://www.researchgate.net/publication/330868018_Editorial_Dialogue_and_Communication_in_Film (дата обращения: 24.08.2024).
166. **Kozloff, S.** Overhearing Film Dialogue / S. Kozloff. – Berkeley : University of California Press, 2000. – 335 p. – ISBN 978-0520221383. – Текст : непосредственный.
167. **Labov, W.** The Study of Language and Its Social Context / W. Labov. – Текст : непосредственный // Advances in the Sociology of Language. – The Hague : Mouton, 1976. – Vol.1. – P. 92–151.
168. **Lakoff, G.** Hedges: A Study in Meaning Criteria and the logic of fuzzy concepts / G. Lakoff. – Текст : непосредственный // Journal of Philosophical Logic. – 1973. – Vol. 2(4). – P. 183–228.
169. **Lakoff, R.** Language and woman's place. / R. Lakoff. – Текст : непосредственный // Language in Society. – 1973. – № 2(1). – P. 45–79. – DOI: 10.1017/S0047404500000051.
170. **Leech, G.** Principles of Pragmatics / G. Leech. – London : Longman, 1983. – 264 p. – ISBN 9780582551107. – Текст : непосредственный.
171. **Lin, Y. L.** Vague Language and Interpersonal Communication: An Analysis of Adolescent Intercultural Conversation / Y. L. Lin. – Текст : электронный // International Journal of Society, Culture & Language. – 2013. – Vol. 1(2). – P. 69–81. – URL: https://www.ijscsl.com/article_2955.html
172. **Lindsey, G.** English After RP / G. Lindsey. – London : Palgrave Macmillan, 2019. – 153 p. – ISBN 978-3-030-04356-8. – Текст : непосредственный.
173. **Livytska, I.** The Use of Hedging in Research Articles on Applied Linguistics / I. Livytska. – Текст : непосредственный // Journal of Language and Cultural Education. – 2019. – Vol. 7(1). – P. 35–53.

174. **Loi, Ch.** Hedging in Academic Writing / Ch. Loi, J. Lim. – Текст : непосредственный // A Pedagogically-Motivated Qualitative Study. Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – № 197. – P. 600–607.
175. **Longman Dictionary of Contemporary English Online.** – Pearson, 2008. – URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary> (дата обращения: 29.03.2024). – Текст : электронный.
176. **Martín-Martín, P.** The Mitigation of Scientific Claims in Research Papers: A Comparative Study / P. Martín-Martín. – Текст : непосредственный // International Journal of English Studies. – 2006. – Vol. 8(2). – P. 133–152.
177. **Merriam-Webster Dictionary.** – Merriam-Webster, Incorporated, 2024. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary> (дата обращения: 29.03.2024). – Текст : электронный.
178. **Meyer, P. G.** Hedging Strategies in Written Academic Discourse: Strengthening the Argument by Weakening the Claim / P. G. Meyer. – Текст : непосредственный // Hedging and Discourse: Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts / eds. R. Markkanen, H. Schoder. – Berlin : Walter de Gruyter, 1997. – P. 21–41.
179. **Mikes, G.** English Humour for Beginners / G. Mikes. – Penguin Books, 2016. – 146 p. – ISBN 978-0-241-97854-2. – Текст : непосредственный.
180. **Mikes, G.** How to be a Brit / G. Mikes. – Penguin Books, 2015. – 254 p. – ISBN 978-0-241-97500-8. – Текст : непосредственный.
181. **O'Connor, J. D.** Intonation of Colloquial English. A practical handbook / J. D. O'Connor, G. F. Arnold. – London : Longman, 1973. – 290 p. – ISBN 978-0582523890. – Текст : непосредственный.
182. **Pichler, H.** Grammaticalization and language contact in a discourse-pragmatic change in progress: The spread of innit in London English / H. Pichler. – Текст : непосредственный // Language in Society. – 2021. – № 50(5). – P. 723–761. – DOI: 10.1017/S0047404521000257.

183. **Pinker, S.** Rationales for indirect speech: The theory of the strategic speaker / S. Pinker, J. J. Lee. – Текст : непосредственный // *Psychological Review*. – 2010. – № 117(3). – P. 785–807.
184. **Prince, E.** On hedging in physician-physician discourse / E. Prince, J. Frader, C. Bosk. – Текст : непосредственный // *Linguistics and the professions* / ed. R. D. Pietro. – New York : Ablex, Norwood, 1982. – P. 83–97.
185. **Rabab'ah, G.** Hedging in Political Discourse: Evidence from the Speeches of King Abdullah II of Jordan / G. Rabab'ah, R.A. Rumman. – Текст : непосредственный // *Prague Journal of English Studies*. – 2015. – Vol. 4(1). – P. 157–185.
186. **Riekkinen, N.** “This is not criticism, but...” Softening criticism: The use of lexical hedges in academic spoken interaction / N. Riekkinen. – Текст : непосредственный // *Helsinki English Studies*. – 2010. – Vol. 6. – P. 75–87.
187. **Roach, P.** English Phonetics and Phonology: A practical course / P. Roach. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 231 p. – ISBN 978-0-521-71740-3. – Текст : непосредственный.
188. **Salager-Meyer, F.** I think that perhaps you should: A study of hedges in written scientific discourse / F. Salager-Meyer. – Текст : непосредственный // *The Journal of TESOL France*. – 1995. – № 2(2). – P. 127–143.
189. **Salager-Meyer, F.** Scientific discourse and contrastive linguistics: Hedging / F. Salager-Meyer. – Текст : непосредственный // *European Science Editing*. – 2011. – № 37. – P. 35–37.
190. **Samaiea, M.** The Frequency and Types of Hedges in Research Article Introductions by Persian and English Native Authors / M. Samaiea, F. Khosravianb, M. Boghayeric. – Текст : непосредственный // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2014. – № 98. – P. 1678–1685.
191. **Setter, J.** Your voice speaks volumes. / J. Setter. – Oxford : Oxford University Press, 2019. – 229 p. – ISBN 978-0-19-284302-9. – Текст : непосредственный.
192. **Skelton, J.** The care and maintenance of hedges / J. Skelton. – Текст : непосредственный // *ELT Journal*. – 1988. – Vol. 42. – P. 37–43.

193. **Social Mobility Barometer: Public attitudes to social mobility in the UK :** официальный сайт. – 2021. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/social-mobility-barometer-2021>_(дата обращения: 29.03.2024). – Текст : электронный.
194. **Tang, J.** Pragmatic Functions of Hedges and Politeness Principles / J. Tang. – Текст : непосредственный // International Journal of Applied Linguistics & English Literature. – 2013. – Vol. 2, № 4. – P. 155–160.
195. **Tannen, D.** Gender and Discourse. / D. Tannen. – New York : Oxford University Press, 1994. – 203 p. – ISBN 9780195089752. – Текст : непосредственный.
196. **Taweel, A. Q.** Hedging in Political Discourse / A. Q. Taweel, E. M. R. Saidat, A. Hussein, A. M. Saidat. – Текст : электронный // The Linguistics Journal. – 2011. – Vol. 5 (1). – P. 169–196. URL: https://www.researchgate.net/publication/369139979_Hedging_in_Political_Discourse (дата обращения: 29.03.2024).
197. **Trudgill, P.** Applied Sociolinguistics / P. Trudgill. – London : Academic press. Inc., 1984. – 271 p. – ISBN 0-12-701220-6. – Текст : непосредственный.
198. **Trudgill, P.** Dialects in Contact / P. Trudgill. – Oxford : Blackwell Publishers, 1986. – 174 p. – ISBN 0-631-12691-0. – Текст : непосредственный.
199. **Varttala, T.** Hedging in Scientifically Oriented Discourse: Exploring Variation According to Discipline and Intended Audience / Tampere: University of Tampere, 2001. – 321 p. – Текст : непосредственный.
200. **Vlasyan, G. R.** Linguistic Hedging in Interpersonal Communication / G. R. Vlasyan. – Текст : электронный // Future Academy, 2019. – P. 617–623. – DOI: 10.15405/epsbs.2019.08.02.72. – URL: https://www.researchgate.net/publication/335024994_Linguistic_Hedging_In_Interpersonal_Communication (дата обращения: 29.03.2024).
201. **Wales, K.** A Dictionary of Stylistics / K. Wales. – 3rd ed. – Abingdon : Routledge, 2011. – 496 p. – ISBN 978-1-4082-3115-9. – Текст : непосредственный.

202. **Wells, C.** English Intonation: An Introduction / C. Wells. – Cambridge : Cambridge University Press, 2018. – 276 p. – ISBN 13 978-0-521-68380-7. – Текст : непосредственный.
203. **Wells, J. C.** Accents of English / J. C. Wells. – Vol. 1. – Cambridge : Cambridge University Press, 1982. – 277 p. – ISBN 0-521-29719-2. – Текст : непосредственный.
204. **Yang, L.** Linking Form to Meaning: The Expression and Recognition of Emotions Through Prosody / L. Yang, N. Campbell. – Текст : непосредственный // Fourth ISCA ITRW on Speech Synthesis (Perthshire, Scotland, August 29 – September 1, 2001). – P. 74–77.
205. **Zuck, J. G.** Hedging in News Writing / J. G. Zuck, L. V. Zuck. – Текст : непосредственный // Beads or Bracelets? How Do we Approach LSP, Selected Papers from the Fifth European Symposium on LSP / ed. A. M. Cornu. – Oxford : Oxford University Press, 1986. – P. 172–180.

Список источников материала исследования

1. About Time [Motion Picture] / directed by R. Curtis. – Universal Pictures, 2013.
2. Breeders [Motion Picture] / created by M. Freeman, Ch. Addison, S. Blackwell. Avalon Television, 2020–2023.
3. Fish Tank [Motion Picture] / directed by A. Arnold. – Curzon Artificial Eye, 2009.
4. Fleabag [Motion Picture] / created by Ph. Waller-Bridge. – Two Brothers Pictures, 2016–2019.
5. I, Daniel Blake [Motion Picture] / directed by K. Loach. – British Film Institute, 2016.
6. Love Actually [Motion Picture] / directed by R. Curtis. – United International Pictures, 2003.
7. Misfits [Motion Picture] / created by H. Overman. – Clerkenwell Films, 2009–2013.
8. Shameless [Motion Picture] / created by P. Abbott. – Company Pictures, 2004–2013.

9. Sorry We Missed You [Motion Picture] / directed by K. Loach. – Entertainment One, 2019.
10. Staged [Motion Picture] / created by S. Evans, Ph. Glynn. – Infinity Hill – GCB Films, 2020–2022.
11. State of the Union [Motion Picture] / created by N. Hornby. – See-Saw Films, 2019–2022.